

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

24 2026
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (627) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Афанасьевич Потебня* (1835–1891), русский и украинский языковед, литературовед, философ.

Александр Афанасьевич родился в 1835 году в дворянской семье штабс-капитана на хуторе Манев, близ села Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии (ныне Роменский район).

Он с отличием окончил Радомскую гимназию и поступил на юридический факультет Харьковского университета, но через год перевелся на историко-филологический факультет. Там же Потебня увлекся этнографией, стал изучать «малорусское наречие» и собирать народные песни. По окончании университета Потебня недолго проработал учителем словесности в 1-й Харьковской гимназии, а затем в 1861 году защитил магистерскую диссертацию «О некоторых символах в славянской народной поэзии» и начал читать лекции в Харьковском университете. В возрасте 26 лет он опубликовал свой труд «Мысль и язык», где сформулировал ряд оригинальных и глубоких теоретических положений. Тогда же он отправился в заграничную командировку — посещал лекции в Берлинском университете, изучал санскрит и побывал в нескольких славянских странах. В 1874 году он защитил докторскую диссертацию «Из записок по русской грамматике», а в 1875 году стал профессором Харьковского университета.

Потебня находился под сильным влиянием идей Вильгельма фон Гумбольдта, однако переосмыслил их в психологическом духе. Он много изучал соотношение мышления и языка, в том числе в историческом аспекте, выявляя прежде всего на русском и славянском материале исторические изменения в мышлении народа. Занимаясь вопросами лексикологии и морфологии, ученый ввел в русскую грамматическую традицию ряд терминов и понятийных противопоставлений. В частности, он предложил различать значение слова: «дальнейшее» (связанное, с одной стороны, с энциклопедическими знаниями, а с другой — с персональными психологическими ассоциациями, и в обоих случаях индивидуальное) и «ближайшее» (общее для всех носителей языка, «народное», или, как чаще говорят теперь в русской лингвистике, «наивное»). В языках с развитой морфологией ближайшее значение делится на вещественное и грамматическое. Ученого глубоко интересовала история образования категорий существительного и прилагательного, противопоставления имени и глагола в славянских языках.

В те времена нередко одни языковые явления рассматривались в отрыве от других и от общего хода языкового развития. И поистине новаторской была мысль Потебни, что в языках и их развитии есть непреложная система и что события в истории языка надо изучать, ориентируясь на его разнообразные связи и отношения.

Александр Афанасьевич известен также своей теорией внутренней формы слова, в которой конкретизировал идеи фон Гумбольдта. Внутренняя форма слова — это его

«ближайшее этимологическое значение», осознаваемое носителями языка (например, у слова «стол» сохраняется образная связь со словом «стать»); благодаря внутренней форме слово может приобретать новые значения через метафору. Именно в трактовке Потебни «внутренняя форма» стала общеупотребительным термином в русской грамматической традиции. Он писал об органическом единстве материи и формы слова, в то же время настаивая на принципиальном разграничении внешней (звуковой) формы слова и внутренней. Лишь многие годы спустя это положение было оформлено в языкознании в виде противопоставления плана выражения и плана содержания.

Одним из первых в России Потебня начал изучать проблемы поэтического языка в связи с мышлением, ставил вопрос об искусстве как особом способе познания мира. Ученый также исследовал украинские говоры (объединявшиеся в то время в лингвистике в «малорусское наречие») и фольклор, стал автором ряда основополагающих работ по этой тематике.

Потебня являлся горячим патриотом своей родины — Малороссии и осуждал правительственные притеснения украинского языка. Украинский язык и словесность он сам называл исходной точкой, которая и побудила его к занятиям языкознанием. Потебня считал необходимым для каждого украинца иметь тесную связь с украинским языком и культурой. Величайшей трагедией Украины Потебня считал то, что украинское дворянство отказалось от родного языка.

Вместе с тем он рассматривал русский язык как единое целое — совокупность великорусских и малорусского наречий, а общерусский литературный язык считал достоянием не только великороссов, но и белорусов и малороссов в равной степени; это отвечало его взглядам на политическое и культурное единство восточных славян.

Потебня создал научную школу, известную как «Харьковская лингвистическая школа». Его идеи оказали большое влияние на многих русских лингвистов второй половины XIX и первой половины XX века.

Александр Потебня являлся членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности, а также действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. Он был награжден Ломоносовской премией, Уваровскими золотыми медалями и удостоен Константиновской медали Русского географического общества. Кроме того, Потебня состоял председателем Харьковского историко-филологического общества (1878–1890) и членом Чешского научного общества.

Последние свои дни знаменитый деятель науки провел в Харькове, в доме 16 по улице, которая сейчас носит его имя.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Хохрякова П. А.

Превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности 501

Хуранов Р. А.

Роль оперативно-розыскных мероприятий в выявлении и первичном закреплении электронных документов..... 503

Хуранов Р. А.

Электронные документы, имеющие значение для уголовного судопроизводства: проблема классификации 505

Цымлянская В. Н.

Наследование земельного участка с самовольной постройкой: правовые последствия и варианты легализации 507

Чернев Н. В.

Государственная политика в сфере физической культуры и спорта: правовые механизмы реализации 511

Чухванцев Д. В.

Ответственность за необоснованное затягивание судебного разбирательства на стадии назначения судебного заседания... 512

Шевченко Д. В.

Риск-ориентированный подход в государственном контроле (надзоре): проблемы правового регулирования и пути совершенствования..... 516

Шевченко Д. В.

Актуальные проблемы правового регулирования государственного контроля и надзора в Российской Федерации 518

Шенгелия Н. В.

Цена изъятия и изъятие без цены: проблемы защиты прав собственника 520

Шишкин А. А.

Реализация родителями права на воспитание ребенка: проблемы осуществления и злоупотребление правом в правоприменительной практике 525

Шопен И. А.

Историко-правовой анализ становления и развития в России правоохранительной деятельности по обеспечению защиты интеллектуальной собственности 527

Шурдумов А. А.

Перспектива цифровых протоколов следственных действий..... 529

Яловенко С. А., Илларионов М. О.

Особенности приостановления предварительного расследования в уголовном процессе: опыт некоторых зарубежных стран 531

ИСТОРИЯ

Прокофьева Е. В., Бобырев Г. А.

Формирование теоретических взглядов славянофила К. С. Аксакова 534

Прокофьева Е. В., Мирзабекова Д. Р.

Научно-фондовая и охранная работа музеев СССР в годы Великой Отечественной войны ... 537

Рыбалкина У. С.

Общественный подъем и ранний этап волнений в студенческой среде в период правления императора Александра II 541

Umurbekova A. S.

Altay Village in Turkey: Survival, Memory, and Ethnic Persistence 543

ПОЛИТОЛОГИЯ

Селезнев П. С.

Роль институтов гражданского общества в преодолении демократического кризиса: анализ современных практик..... 546

СОЦИОЛОГИЯ

Менщиков Д. А.

Исследование потребительского поведения у молодежи в больших городах 551

Менщиков Д. А.

Представления молодежи об особенностях
потребительского поведения в условиях
северного города 553

Прилипа Ю. П.

Организационная культура учреждений
социального обслуживания: сущность,
специфика и направления трансформации 557

Толбузина О. В.

Государственная и региональная поддержка
семьи, материнства и детства на территории
Московской области 560

Чуриков Д. Ю.

Парадокс «хочу, но боюсь поверить»:
запросы и барьеры подростков из социально
неблагополучных семей по отношению
к институту наставничества 565

Чуриков Д. Ю.

«Кейс наставника» как технология
тиражирования наставнической
программы для подростков из социально
неблагополучных семей 567

Чуриков Д. Ю.

Протокол безопасного завершения
наставнических отношений как инструмент
профилактики ре-травматизации подростков
из социально неблагополучных семей 569

Чуриков Д. Ю.

Пилотная апробация программы
наставничества «Наставник рядом»:
динамика тревожности и доверия
у подростков из социально неблагополучных
семей 571

Чуриков Д. Ю.

Социокультурный портрет подростков
из социально неблагополучных семей
Кировского района Екатеринбурга 574

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности

Хохрякова Полина Александровна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается теоретико-правовой анализ превышения должностных полномочий в качестве уголовно наказуемого противоправного действия. Рассматривается эволюция нормативного определения понятия «превышение», исследуются объективные и субъективные элементы состава противоправного деяния, зафиксированного в ст. 286 УК РФ. Значительное место в работе отведено систематизации форм превышения, проблематике юридической техники при формулировании квалифицирующих обстоятельств, а также теоретическим основам пенализации в отношении должностных субъектов.

Ключевые слова: должностное лицо, законодательная техника, дифференциация ответственности, тяжкие последствия, представители власти, превышение должностных полномочий.

Abuse of power (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation): concept, types, issues of legislative technique and differentiation of responsibility

This article examines the theoretical and legal analysis of abuse of office as a criminally punishable offense. It examines the evolution of the normative definition of «abuse» and examines the objective and subjective elements of the offense as defined in Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. Significant attention is given to the systematization of forms of abuse, the problematic of legal technique in formulating qualifying circumstances, and the theoretical foundations of penalization of officials.

Keywords: official, legislative technique, differentiation of responsibility, grave consequences, government officials, abuse of power.

Институт юридической ответственности за выход должностного лица за границы собственных властных полномочий занимает центральное место в механизме, обеспечивающем штатное функционирование публичной администрации, поскольку именно это противоправное деяние наносит ущерб авторитету государственных структур и муниципальных органов. Актуальность исследования ст. 286 УК РФ обусловлена высокой общественной опасностью деяния, выражающейся в дискредитации власти и грубом нарушении прав граждан. Цель работы — системное раскрытие понятия, видового разнообразия превышения должностных полномочий, а также анализ законодательной техники и принципов дифференциации ответственности, заложенных в норме. Научная новизна заключается в комплексном подходе к рассмотрению юридической конструкции состава через призму трех взаимосвязанных аспектов: догматического (понятие и виды), формально-юридического (законодательная техника) и пеналистического (дифференциация ответственности).

Уголовно-правовая характеристика превышения должностных полномочий закреплена в ч. 1 ст. 286 УК РФ. Данное имеет место в случаях, когда должностное лицо совершает действия, выходящие за рамки предоставленных ему служебных прав и обязанностей [7]. При этом использование служебного положения осуществляется вопреки установленному объему компетенции, что влечет нарушение охраняемых законом прав и интересов граждан, организаций, общества либо государства.

В теории уголовного права рассматриваемое деяние традиционно отделяется от злоупотребления должностными полномочиями, предусмотренного ст. 285 УК РФ. Различие заключается в том, что при злоупотреблении лицо неправомерно реализует принадлежащие ему полномочиями, тогда как при превышении оно вторгается в сферу полномочий, которыми вовсе не обладает либо которые относятся к ведению иных должностных лиц [1, с. 7]. Обязательным элементом состава выступает очевидный характер выхода за пределы компетенции, не вы-

зывающий сомнений ни у самого виновного, ни у окружающих. Следует также учитывать, что данное преступление может быть совершено исключительно путем активных действий, поскольку бездействие не охватывает диспозицией ст. 286 УК РФ [6].

Вопросы квалификации превышения должностных полномочий получили детальную разработку как в уголовно-правовой теории, так и в судебной практике. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, выделяются несколько разновидностей данного преступления, различающиеся по характеру нарушения пределов служебной компетенции [6].

Одна из форм выражается в осуществлении должностным лицом полномочий, принадлежащих другому субъекту публичного управления. В подобных ситуациях лицо принимает решения либо совершает действия, право на которые ему не предоставлено действующим законодательством [1, с. 10].

Другой вариант связан с реализацией полномочий при отсутствии предусмотренных законом условий. Так, противоправным признается использование физической силы, специальных средств или оружия в случаях, когда отсутствуют основания, прямо предусмотренные нормативными актами. Соответствующие условия определены в ст. 18–24 Закона «О полиции» [5] и ст. 15–17 Закона «О войсках национальной гвардии» [4]. Несоблюдение указанных требований свидетельствует о незаконности действий должностного лица [2, с. 41].

Наиболее опасной разновидностью является совершение деяний, которые запрещены независимо от должностного положения лица и конкретной ситуации. К числу таких действий относятся незаконное лишение свободы, фальсификация доказательств, применение пыток и иные грубые нарушения закона, не допускающие какого-либо служебного оправдания [1, с. 11].

Особенности законодательной конструкции ст. 286 УК РФ обусловлены тем, что рассматриваемый состав относится к числу материальных. Для признания преступления оконченным необходимо наступление вредных последствий, выражающихся в существенном нарушении прав и законных интересов. Вместе с тем отсутствие точных критериев оценки существенности создает определенные трудности в правоприменительной деятельности [1, с. 18].

Психическое отношение виновного к содеянному характеризуется умыслом, поскольку лицо осознает факт выхода за пределы предоставленных ему полномочий. Хотя мотив не включен законодателем в число обязательных признаков основного состава, он учитывается при решении вопросов квалификации и индивидуализации уголовной ответственности [7]. Его значение взрослого после дополнения ч. 3 ст. 286 УК РФ квалифицирующим обстоятельством в виде корыстной либо иной личной заинтересованности виновного [3].

Перечень лиц, способных выступать субъектами данного преступления, закреплен в примечании к ст. 285

УК РФ. К ним отнесены представители власти, а также лица, выполняющие управленческие функции в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях и Вооруженных Силах Российской Федерации [7]. Использование бланкетного способа регулирования позволяет сохранить устойчивость уголовно-правовой нормы, однако нередко вызывает дискуссии относительно правового статуса отдельных категорий работников [1, с. 21].

Дифференциация ответственности за превышение должностных полномочий осуществляется посредством включения в закон специальных квалифицирующих обстоятельств. Так, в ч. 2 ст. 286 УК РФ предусматривает более строгие меры уголовно-правового воздействия в отношении лиц, занимающих государственные должности субъектов РФ, а также должности глав муниципальных образований. Основанием для такого подхода служит повышенная общественная опасность злоупотреблений, совершаемых носителями более высокого властного статуса [7].

В ч. 3 указанной статьи закреплены признаки, связанные со способом совершения преступления и тяжестью наступивших последствий. К ним относятся применение либо угроза применения насилия, использование оружия или специальных средств, наступление тяжких последствий, совершение деяния несколькими лицами, посягательство на несовершеннолетнего, а также наличие корыстной либо иной личной заинтересованности виновного [2, с. 43]. Особо квалифицированным видом превышения должностных полномочий законодатель признает совершение данного деяния с применением пытки. При этом под пыткой понимается умышленное причинение человеку сильной физической боли либо нравственных страданий в целях получения информации, принуждения к определенному поведению или наказания потерпевшего [7].

Наиболее строгая ответственность предусмотрена ч. 5 ст. 286 УК РФ. Она наступает в случаях, когда применение пытки при превышении должностных полномочий по неосторожности повлекло смерть потерпевшего либо причинение тяжкого вреда его здоровью. Установленная законодателем санкция в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет свидетельствует о повышенной общественной опасности подобных деяний [7].

Таким образом, проведенное теоретическое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Понятие должностных полномочий — это умышленное активное действие должностного лица, явно выходящее за пределы его компетенции, сопряженное с присвоением чужих властных функций, нарушением особых условий правомерности или нарушением абсолютного запрета, повлекшее существенный вред охраняемым интересам.

2. Видовое разнообразие превышения охватывает три классические формы, выделенные Пленумом Верховного Суда РФ, каждая из которых отражает различную степень и характер отклонения от служебной компетенции.

3. Законодательная техника ст. 286 УК РФ основана на материальной конструкции состава, использовании оценочных понятий («явность», «существенность») и банкетных признаков. Федеральный законодатель последовательно дополняет норму новыми квалифицирующими признаками (пытка, корыстная заинтересованность), повышая ее антикоррупционный потенциал.

4. Дифференциация ответственности построена на двух основаниях: а) персональном (статус лица, занимающего государственную должность или должность

главы муниципального образования) и б) поведенческом (способ совершения — насилие, оружие, пытка; тяжесть последствий; групповой характер). Санкции нормы варьируются от лишения свободы на срок до 4 лет (ч. 1) до 15 лет (ч. 5), что обеспечивает соразмерность наказания общественной опасности содеянного.

Таким образом, ст. 286 УК РФ представляет собой юридически выверенную, многоаспектную норму, эффективно защищающую интересы государственной службы и граждан от незаконных властных посягательств.

Литература:

1. Ильин, А. А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. А. Ильин. — Москва, 2013. — 31 с.
2. Лимарь, А. С. Особенности квалификации превышения должностных полномочий / А. С. Лимарь, И. А. Михайлова // Вестник Белгородского юридического института МВД России. — 2023. — № 2. — С. 39–44.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации от 14.06.2022 № 307-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Москва, 2022.
4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации от 3.07.2016 № 226-ФЗ; с изм. и доп. 25.04.2026 № 109-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Москва, 2026.
5. О полиции: Федеральный Закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ; с изм. и доп. от 08.03.2026 № 52-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Москва, 2026.
6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 19; с изм. и доп. от 24 декабря 2019 г. № 59 и от 11 июня 2020 г. № 7 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. — Москва, 2020.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ; с изм. и доп. от 9.04.2026 № 100-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Москва, 2026.

Роль оперативно-розыскных мероприятий в выявлении и первичном закреплении электронных документов

Хуранов Рауль Артурович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируется роль оперативно-розыскных мероприятий в выявлении и первичном закреплении электронных документов как источников доказательств по уголовным делам. Отмечается, что лабильность компьютерной информации, возможность её быстрого уничтожения или модификации правонарушителями объективно требуют применения оперативно-розыскных механизмов, особенно на доследственной стадии.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, электронные документы, компьютерная информация, доказательства, допустимость доказательств.

Особая «уязвимость» компьютерной информации, заключающаяся в ее лабильности, возможности быстрой модификации или полного удаления правонарушителями и их сообщниками, формирует объективную необходимость в поиске эффективных механизмов ее оперативной фиксации. Эта задача выходит за рамки традиционных следственных действий, что актуализирует

вопрос о необходимости законодательного признания в качестве одного из таких механизмов оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Позиция российского законодателя в этой сфере характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, прослеживаются попытки расширить полномочия правоохранительных органов по непроцессуальному получению цифровых

данных, имеющих значение для раскрытия преступлений. С другой стороны, действующие формулировки УПК РФ не создают надежной правовой основы для полноценной интеграции результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в систему доказательств.

Анализ правовых позиций высших судебных инстанций также не дает однозначного ответа на этот вопрос. Конституционный Суд РФ [1] неоднократно указывал, что результаты ОРД, добытые с соблюдением норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», способны приобрести статус доказательств после их надлежащего процессуального оформления. Эту линию продолжает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (п. 14) [2]. Однако пункт 16 этого же документа устанавливает недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуальных требований к порядку их собирания и к статусу лица, их получившего. Результаты ОРД по своей природе этим требованиям изначально не соответствуют, что создает правовую коллизию.

В научном сообществе также преобладает традиционный подход, согласно которому результаты ОРД, не будучи упомянутыми в статье 74 УПК РФ в качестве доказательств, требуют обязательной последующей процессуальной «легализации». На практике это зачастую приводит к формальному дублированию: проведенные в рамках ОРД опросы превращаются в допросы, а осмотры информации — в следственные осмотры, протоколы которых повторяют содержание ранее составленных оперативных документов. Подобный механизм представляется малоэффективным и не отвечающим вызовам современности [3].

В этой связи более рациональной и соответствующей цифровой эпохе видится позиция ученых, предлагающих рассматривать результаты законно проведенных ОРМ, особенно в части компьютерной информации, в качестве самостоятельной основы для формирования доказательств. Актуальность такого подхода обусловлена тем, что в ряде ситуаций получение критически важной цифровой информации иным, исключительно процессуальным путем может оказаться технически невозможным или приведет к ее безвозвратной утрате [4].

Яркой иллюстрацией служит пример из практики автора — уголовное дело в отношении Н., обвиняемого в покушении на сбыт наркотических средств в особо крупном размере. В ходе следственной проверки оперативные сотрудники с согласия Н. и в присутствии понятых и специалиста провели осмотр его мобильных телефонов. Были обнаружены фотогеографические метки, указывающие на места «закладок». Информация была немедленно зафиксирована фотосъемкой, что позволило оперативно обследовать указанные локации и обнаружить дополнительную партию наркотиков. Последующая официальная компьютерно-техническая экспертиза, назначенная уже после возбуждения дела, установила, что данные с одного из телефонов извлечь невозможно. Таким образом, если

бы не оперативный осмотр на следственной стадии, существенная часть доказательственной информации была бы утрачена безвозвратно.

Кроме того, обязательное проведение «легализующих» следственных действий, не направленных на получение новых сведений, а лишь на придание процессуальной формы уже добытым данным, ведет к неоправданному удлинению сроков расследования, что противоречит принципу разумности срока уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6.1 УПК РФ.

При этом нельзя не согласиться с процессуалистами, подчеркивающими необходимость тщательной проверки и оценки «юридической доброкачественности» результатов ОРД субъектом доказывания. Однако представляется, что такая проверка должна осуществляться не через ритуальное повторение действий, а через вынесение мотивированного процессуального решения. По аналогии с порядком приобщения вещественных доказательств, следователь мог бы оценить законность проведения ОРМ и неизменность информации, после чего вынести постановление о ее приобщении к делу в качестве доказательства [5].

На основании изложенного предлагается комплекс изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленный на создание механизма прямой процессуальной трансформации компьютерной информации, добытой в ходе законных ОРМ, в допустимое доказательство:

1. Совершенствование ст. 89 УПК РФ («Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности»).

В данную норму следует включить положение о том, что получение компьютерной информации при проведении ОРМ не должно нарушать конституционные права и свободы личности и должно строго соответствовать федеральному законодательству об ОРД.

2. Закрепление права на инициативное предоставление результатов ОРД.

Действующая редакция ст. 86 УПК РФ не предусматривает такой возможности для оперативных подразделений. Целесообразно дополнить ст. 89 УПК РФ нормой, наделяющей руководителя оперативного органа правом по собственной инициативе передавать субъекту доказывания результаты ОРД (включая компьютерную информацию) в порядке, установленном Федеральным законом «Об ОРД» и ведомственными актами.

3. Установление специального процедурного механизма приобщения.

Необходимо закрепить в ст. 89 УПК РФ положение, определяющее, что результаты ОРД, в том числе компьютерная информация, могут обрести статус доказательства по уголовному делу на основании мотивированного процессуального решения следователя. Критериями оценки должны выступать:

— законность получения: соответствие процедуры ОРМ Конституции РФ и федеральному закону «Об ОРД»;

— неизменность информации: наличие и сохранение надлежащей цепи обеспечения с момента ее обнаружения до передачи следователю, исключающей несанкционированное изменение.

Результаты проверки по данным критериям должны отражаться в специальном процессуальном документе — постановлении о приобщении к уголовному делу электронных доказательств, полученных в результате опе-

ративно-розыскных мероприятий. Это постановление должно содержать исчерпывающее изложение действий следователя по проверке, быть законным, обоснованным и мотивированным, отвечая требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Данный подход позволит преодолеть формализм, сохранить хрупкие цифровые доказательства и повысить эффективность доказывания по преступлениям в сфере высоких технологий.

Литература:

1. Определение КС РФ от 25 января 2012 г. № 167-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лункина Вячеслава Владимировича и Лункина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision-89623.pdf>; Определение КС РФ от 19 ноября 2015 г. № 2574-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андропова Максима Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт КС РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision-215376.pdf>.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/.
3. Исаенко В. Н. О некоторых вопросах использования материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 211–217; Ларин К. И. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Образование и право. 2021. № 8. С. 260.
4. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 135–145; Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. С. 15–16.
5. Вытовтов А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): дис.... канд. юрид. наук. Иркутск, 2020. С. 102; Пастухов П. С. Специфика формирования «электронных» доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 3. С. 123.

Электронные документы, имеющие значение для уголовного судопроизводства: проблема классификации

Хуранов Рауль Артурович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье исследуются теоретические и практические проблемы классификации электронных документов, имеющих значение для уголовного судопроизводства. Отмечается, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не выделяет электронные (цифровые) доказательства в самостоятельную категорию, приравнивая их к «иным документам», что затрудняет их собирание, проверку и оценку.

Ключевые слова: электронные документы, цифровые доказательства, классификация доказательств, уголовный процесс, электронная переписка, скриншот, аутентичность, допустимость доказательств, электронная подпись, судебная экспертиза.

На сегодняшний день доказательственную базу по уголовным делам все чаще формируют так называемые электронные (цифровые) доказательства, что яв-

ляется прямым следствием стремительного развития телекоммуникационных и информационных технологий. Рост преступлений, совершаемых с использованием ин-

тернет-ресурсов, мобильных устройств и персональных компьютеров, превратил киберпреступность, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и мошенничество в распространенные виды противоправной деятельности. При этом практика работы с доказательственной информацией, извлекаемой из интернет-пространства или с портативных устройств, остается неустоявшейся и нуждается в систематизации [1].

Вопрос о законодательном признании электронного документа в качестве самостоятельного вида доказательств неоднократно поднимался в научной литературе [2]. Представляется, что для повышения эффективности доказывания по уголовным делам, связанным с применением ИТ-технологий, требуется разработка специальных процессуальных механизмов, регламентирующих сбор, проверку и оценку различных категорий электронных доказательств. Важным шагом в этом направлении является анализ их видов и исследование оснований для классификации. Понимание специфики использования каждого вида в процессе доказывания невозможно без уяснения его сущности и внутренних различий.

Следовательно, актуальность проблемы также обусловлена практической потребностью в классификации электронных доказательств для их наиболее эффективного использования. Следует отметить, что при возникновении сомнений в подлинности таких доказательств неизбежно назначение экспертных исследований (видео-, фотоскопических, технико-криминалистических) [3].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не выделяет электронные (цифровые) доказательства в отдельную категорию, приравнивая их к иным документам. Однако тенденция к их обособлению уже прослеживается. Так, в УПК РФ введена ст. 164.1, закрепляющая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них данных при производстве следственных действий. В частности, норма предписывает обязательное участие специалиста при изъятии и регламентирует процедуру копирования цифровой информации.

Несмотря на специфику собирания и проверки, на электронные доказательства, по нашему мнению, должна распространяться традиционная система классификации доказательств. Их можно подразделять на первоначальные и производные, прямые и косвенные, обвинительные и оправдательные, личные и вещественные.

Авторская позиция заключается в выделении следующих видов электронных доказательств, основанном на особенностях их создания и хранения: электронные документы, электронные материалы, электронные сообщения и электронная переписка.

Под электронным документом, в соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], понимается документированная информация, представленная в электронной форме. Ключевым признаком является наличие

реквизитов, позволяющих идентифицировать информацию и ее носитель. Наиболее значимым реквизитом является электронная подпись (ЭЦП), обеспечивающая аутентификацию автора [5].

К электронным материалам логично отнести цифровые аудио- и видеозаписи, изображения в различных форматах, а также текстовые файлы, лишенные реквизитов (например, простые текстовые заметки).

Электронная переписка, несмотря на вариативность доктринальных определений, представляет собой совокупность сообщений, переданных через интернет или иные телекоммуникационные каналы с использованием мессенджеров [6]. Особенностью является их распределенное хранение: удаление переписки одним из участников не всегда означает ее безвозвратную утрату, что должно учитываться при расследовании.

В уголовном процессе электронные документы могут выступать как в роли вещественных доказательств, так и в качестве иных документов (при наличии реквизитов).

С точки зрения источника хранения, электронные доказательства можно классифицировать на:

- полученные из сетевых (онлайн) источников (интернет-пространство, облачные серверы);
- полученные с портативных физических носителей (флеш-накопители, жесткие диски, CD/DVD);

Способы их собирания и проверки различаются. Физический носитель можно изъять и предоставить эксперту. Для работы с сетевыми источниками чаще требуется копирование файлов или создание скриншотов, что сопряжено с риском модификации или уничтожения данных и, как правило, требует привлечения специалиста.

Дополнительно электронные документы можно разделить на:

- персональные (пользовательские): созданные человеком [7];
- программно генерируемые: автоматически созданные программным обеспечением (логи, метаданные).

Классификация по степени открытости (документы свободного и ограниченного доступа) напрямую влияет на выбор процессуального действия для их получения (осмотр, обыск, получение информации о соединениях). Доступ к защищенным данным часто требует специальных знаний, сравнимых с экспертными, что ставит вопрос о форме применения этих знаний (помощь специалиста или производство экспертизы) [8].

Классификация по способу восприятия (аудио, видео, текст, изображение) важна для выбора методики экспертного исследования при установлении достоверности и неизменности оригинала.

Также критически значимо разграничение оригинала электронного доказательства и его копии. Копирование может сопровождаться конвертацией форматов и незаметными изменениями. Представление копии вместо оригинала может быть использовано защитой для оспаривания допустимости доказательства. От копии файла

следует отличать скриншот — статичное изображение, запечатлевшее состояние экрана в конкретный момент.

В научной литературе встречаются и более сложные классификации, основанные на технических параметрах (например, метаданных) или разделяющие доказательства на «нематериализованные» (файлы) и «материализованные» (данные на пластиковых картах), что влияет на вид назначаемой судебной экспертизы.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Можно выделить следующие критерии, по которым классифицируют электронные документы.

- по процессуальному статусу: вещественные доказательства; иные документы; протоколы следственных действий;
- по способу возникновения (природе происхождения): первично-цифровые; оцифрованные;
- по источнику информации: локальные; сетевые; системные; транзакционные;

— по степени доступности и читаемости: открытые; зашифрованные; скрытые или удаленные;

— по наличию электронной подписи: подписанные ЭП; без подписи.

2. В заключение отметим, что специфика электронных доказательств обуславливает необходимость их многоаспектной классификации. Считаем необходимым законодательное закрепление данного вида доказательств в УПК РФ с указанием его базовых признаков.

Кроме того, в законе следует установить обязательность проведения судебной экспертизы для установления достоверности электронных доказательств как гарантии их допустимости. Это требование вызвано широкими возможностями современного программного обеспечения по незаметному изменению аудио-, видео-, текстовых и графических файлов, выявление которых без специальных исследований часто невозможно.

Литература:

1. Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 63.
2. Старичков М. В., Шаевич А. А. Методы и способы получения доказательственной информации с электронных носителей: учеб. пособ. Иркутск, 2015. С. 55.
3. Родивилина В. А. Участие понятых или использование технических средств фиксации в следственных действиях? // Деятельность правоохр. органов в совр. условиях: матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. 2013. С. 104.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
5. Постановление Госстандарта РФ от 24.04.2002 № 163-ст «О принятии и введении в действие государственного стандарта» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_257058/.
6. Мичугина О. В. Электронная переписка как доказательство // Практическая бухгалтерия. 2013. № 1. С. 72.
7. Гонгало С. И. Классификация электронных документов как объектов судебной технико-криминалистической экспертизы документов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 367. С. 95.
8. Родивилина В. А., Родивилин И. П. Информационное оружие // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование: мат-лы Междунар. Байкал. форума. 2018. С. 275.

Наследование земельного участка с самовольной постройкой: правовые последствия и варианты легализации

Цымлянская Вера Николаевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Статья посвящена исследованию актуальных правовых проблем, возникающих при наследовании земельных участков, на которых расположены самовольные постройки. Анализируется правовой статус самовольной постройки в контексте наследственных правоотношений, рассматриваются условия и механизмы легализации таких объектов наследниками. Особое внимание уделяется разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44, существенно изменившим судебную практику по данной категории дел. Автор анализирует проблемы включения самовольных построек в наследственную массу, возможности признания права собственности за наследниками при условии перехода к ним вещных прав на земельный участок. Практическая значимость работы заключается в систематизации правовых позиций высших судебных инстанций и формулировании рекомендаций для наследников, столкнувшихся с необходимостью легализации самовольных строений.

Ключевые слова: самовольная постройка, наследование, легализация, земельный участок, вещные права, судебная практика, наследственная масса.

Правовой статус самовольной постройки в системе наследственных отношений

Самовольная постройка представляет собой объект недвижимости, возведенный с нарушением установленных законом требований, что исключает возникновение на него права собственности у застройщика [1]. Согласно положениям статьи 222 Гражданского кодекса РФ, лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности и не вправе распоряжаться такой постройкой.

В контексте наследственных правоотношений это создает специфическую ситуацию. Поскольку наследодатель при жизни не являлся собственником самовольной постройки, такой объект не может быть включен в наследственную массу. В пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 прямо указано, что лицо, осуществившее возведение самовольной постройки, не приобретает на нее право собственности, такая постройка не может быть включена в наследственную массу [2].

Впрочем, это не означает полного исключения самовольной постройки из сферы наследственных правоотношений. Законодатель предусмотрел механизм, позволяющий наследникам при определенных условиях легализовать самовольно возведенный наследодателем объект.

Ключевое значение имеет переход к наследнику вещного права на земельный участок, на котором расположена самовольная постройка. Если к наследнику перешло право собственности, право пожизненного наследуемого владения или право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, он приобретает возможность обратиться в суд с требованием о признании за ним права собственности на расположенную на этом участке самовольную постройку [3].

Данный подход отражает эволюцию российского законодательства о самовольных постройках. Если советское право принципиально отрицало возможность признания прав застройщика на самовольно возведенный объект, то современное регулирование демонстрирует тенденцию к приданию самовольной постройке статуса полноценного объекта гражданских прав при условии устранения факторов, препятствующих ее легализации.

В 2023–2024 годах судебная практика по данной категории дел претерпела существенные изменения, прежде всего в связи с принятием упомянутого постановления Пленума ВС РФ № 44, которое систематизировало правовые позиции высших судебных инстанций и сформулировало новые подходы к разрешению споров о самовольных постройках [4].

Условия признания права собственности на самовольную постройку в порядке наследования

Право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за наследником при соблюдении совокупности условий, установленных пунктом 3 статьи 222 ГК РФ. Первым и основополагающим требованием выступает наличие у наследника законного права на земельный участок — права собственности, пожизненного наследуемого владения либо постоянного (бессрочного) пользования, полученного в порядке наследования [5].

Вторым условием является соответствие самовольной постройки установленным градостроительным, строительным, санитарно-эпидемиологическим и противопожарным требованиям. Суд обязан установить, что на день рассмотрения дела постройка соответствует параметрам, определенным документацией по планировке территории, правилами землепользования и застройки [6].

Третье условие — сохранение постройки не должно нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц, не создавать угрозу жизни и здоровью граждан. Для подтверждения данного обстоятельства суды, как правило, назначают строительно-техническую экспертизу, которая дает заключение о соответствии объекта обязательным требованиям безопасности.

Особого внимания заслуживает вопрос о наследовании права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком. Согласно пункту 81 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», указанное право может переходить по наследству, если на земельном участке находится объект незавершенного строительства или разрушенный объект недвижимости. Однако судебная практика исходит из того, что, если на участке расположена самовольная постройка, право постоянного (бессрочного) пользования не переходит в порядке наследования, поскольку самовольная постройка не является объектом незавершенного строительства в легальном смысле [7].

Данная позиция представляется противоречивой. С одной стороны, самовольная постройка действительно не входит в наследственную массу. С другой — наследник лишается возможности легализовать объект, возведенный наследодателем, что не согласуется с общей тенденцией к расширению оснований для сохранения самовольных построек.

Существенное значение имеет добросовестность поведения застройщика и, соответственно, наследника. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению, если единственным при-

знаком самовольной постройки является отсутствие необходимых в силу закона согласований и разрешений, к получению которых лицо, создавшее самовольную постройку, принимало надлежащие меры. При установлении факта недобросовестного поведения застройщика суд вправе отказать в признании права собственности на самовольную постройку [8].

Практика показывает: суды тщательно исследуют, предпринимал ли наследодатель попытки получить разрешение на строительство, обращался ли в уполномоченные органы, действовал ли он добросовестно. Если застройщик намеренно уклонялся от получения разрешительной документации, возводил объект в обход установленных процедур, суд может расценить это как злоупотребление правом и отказать в легализации постройки даже при соблюдении формальных технических требований.

Процедурные аспекты и особенности судебного разбирательства

Обращение наследника в суд с требованием о признании права собственности на самовольную постройку должно быть предварено попыткой легализации объекта во внесудебном порядке. В соответствии с частью 8 статьи 55.32 Градостроительного кодекса РФ органы местного самоуправления вправе принимать решения о сносе самовольной постройки или о ее приведении в соответствие с установленными требованиями [9].

На практике наследники зачастую сразу обращаются в суд, минуя стадию административного согласования. Однако представляется целесообразным первоначально направить заявление в орган местного самоуправления с просьбой о легализации постройки. Отказ административного органа послужит дополнительным основанием для судебного обжалования и позволит наследнику продемонстрировать добросовестность своего поведения.

Ответчиком по иску о признании права собственности на самовольную постройку является орган местного самоуправления по месту нахождения такой постройки либо иной уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, орган государственной власти субъекта РФ. В случае предъявления правообладателем земельного участка иска о признании права собственности на самовольную постройку, возведенную на этом участке иным лицом, ответчиком выступает также лицо, осуществившее ее возведение [2].

При рассмотрении дела суд назначает строительно-техническую экспертизу, которая должна дать ответы на следующие вопросы: соответствует ли постройка градостроительным и строительным нормам; создает ли объект угрозу жизни и здоровью граждан; нарушает ли сохранение постройки права третьих лиц; возможно ли приведение объекта в соответствие с установленными требованиями.

Немаловажен вопрос о распределении стоимости самовольной постройки между наследниками. В пункте 64 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 разъяснено, что, если самовольная постройка была осуществлена наследодателем на принадлежащем ему на праве собственности или пожизненного наследуемого владения земельном участке, наследник, к которому перешло соответствующее вещное право на этот земельный участок, при признании за ним права собственности на самовольную постройку возмещает иным наследникам по закону и по завещанию стоимость постройки исходя из причитающейся им доли наследства [10].

Данное положение имеет принципиальное значение для обеспечения баланса интересов всех наследников. Хотя самовольная постройка формально не входит в наследственную массу, после ее легализации она фактически становится активом, увеличивающим долю наследника, получившего земельный участок. Справедливость требует, чтобы этот наследник компенсировал остальным наследникам их доли в стоимости узаконенной постройки.

Проблемы правоприменения и пути их решения

Практика применения норм о наследовании самовольных построек выявляет ряд системных проблем. Одна из наиболее острых — ситуация, когда наследодатель возвел самовольную постройку на земельном участке, находящемся у него на праве постоянного (бессрочного) пользования, но это право не переходит к наследникам в силу отсутствия на участке объектов незавершенного строительства или разрушенных объектов недвижимости.

Получается замкнутый круг: самовольная постройка не признается объектом незавершенного строительства, следовательно, право на земельный участок не переходит к наследникам; без перехода права на земельный участок наследники не могут требовать признания права собственности на самовольную постройку. В результате постройка оказывается в правовом вакууме, а земельный участок возвращается государству или муниципальному образованию [7].

Данная проблема требует законодательного решения. Представляется целесообразным внести изменения в пункт 81 постановления Пленума ВС РФ № 9, прямо указав, что, если на земельном участке, принадлежащем наследодателю на праве постоянного (бессрочного) пользования, расположена самовольная постройка, соответствующая техническим требованиям безопасности, право пользования участком переходит к наследникам с целью предоставления им возможности легализовать постройку.

Вторая проблема связана с учетом стоимости самовольной постройки при определении пределов ответственности наследников по долгам наследодателя. Согласно пункту 1 статьи 1175 ГК РФ наследники отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. Поскольку са-

мовольная постройка не включается в наследственную массу, ее стоимость не учитывается при исчислении пределов ответственности [11].

Между тем после легализации постройки наследник фактически получает дополнительный актив, не учтенный при расчетах с кредиторами наследодателя. Это создает дисбаланс интересов наследников и кредиторов. Впрочем, исправить ситуацию законодательным путем проблематично, поскольку на момент открытия наследства право собственности на самовольную постройку еще не возникло, а момент признания этого права определяется датой вступления в силу решения суда.

Третья проблема — злоупотребление наследниками правом путем намеренного затягивания процесса легализации самовольной постройки с целью избежать погашения долгов наследодателя после истечения срока исковой давности. Наследники, к которым перешел земельный участок с самовольной постройкой, могут годами не инициировать процесс признания права собственности, дожидаясь истечения трехлетнего срока исковой давности по требованиям кредиторов [11].

Противодействие подобной практике возможно путем закрепления обязанности наследника, получившего земельный участок с расположенной на нем самовольной постройкой, в течение определенного срока (например, шести месяцев с момента принятия наследства) либо легализовать постройку, либо снести ее. Невыполнение данной обязанности может служить основанием для обращения кредиторов в суд с требованием об обязанности наследника произвести снос самовольной постройки.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о переходе к наследнику обязанности по сносу самовольной постройки. Если на наследодателя решением суда или органа местного самоуправления была возложена обязанность по сносу самовольной постройки или приведению ее в соответствие с установленными требованиями, которую он не выполнил, то соответствующее обязательство переходит к наследнику, унаследовавшему земельный участок [9].

Заключение

Наследование земельных участков с расположенными на них самовольными постройками представляет собой

сложную правовую проблему, находящуюся на стыке наследственного, земельного и градостроительного законодательства. Действующее регулирование исходит из того, что самовольная постройка не может быть включена в наследственную массу, однако наследник, к которому перешло вещное право на земельный участок, вправе обратиться в суд с требованием о признании за ним права собственности на расположенную на этом участке самовольную постройку.

Условиями удовлетворения такого требования выступают: переход к наследнику права собственности, пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в порядке наследования; соответствие постройки градостроительным и строительным нормам; отсутствие угрозы жизни и здоровью граждан; отсутствие нарушения прав третьих лиц; добросовестное поведение застройщика.

Принятие постановления Пленума ВС РФ от 12.12.2023 № 44 систематизировало судебную практику по данной категории дел и закрепило подход, согласно которому снос самовольной постройки является крайней мерой, применяемой при невозможности приведения объекта в соответствие с установленными требованиями. Однако сохраняется ряд проблем правоприменения, связанных прежде всего с переходом права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком при наличии на нем самовольной постройки, а также с учетом стоимости легализованной постройки при определении пределов ответственности наследников по долгам наследодателя.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на устранение выявленных противоречий и обеспечение баланса интересов наследников, кредиторов наследодателя, публичных органов власти и третьих лиц, чьи права могут быть затронуты сохранением самовольной постройки. Целесообразно законодательное закрепление возможности перехода права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком при наличии на нем самовольной постройки, соответствующей техническим требованиям безопасности, а также установление обязанности наследника в разумный срок произвести легализацию или снос самовольной постройки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 24.07.2023. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.05.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Российская газета. — 2023. — № 291. — URL: <https://base.garant.ru/408211611/> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»: ред. от 24.12.2020. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 15.05.2026).
4. Корякин, Е. В. Правовое регулирование самовольного строительства в свете нового постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 / Е. В. Корякин // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 31. — URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-samovolnogo-stroitelstva-v-svete-novogo-postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-ot-12-12-2023> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Якупов, В. Р. К вопросу о возникновении у наследников права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками в порядке универсального правопреемства / В. Р. Якупов, П. Р. Аббасов // Проблемы права. — 2005. — № 3 (99). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozniknovenii-u-naslednikov-prava-postoyannogo-bessrochnogo-polzovaniya-zemelnyimi-uchastkami-v-poryadke-universalnogo> (дата обращения: 15.05.2026).
 6. О реализации принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов при наследовании недвижимости / В. Р. Якупов, П. Р. Аббасов, О. Р. Абрамовская, Д. Н. Корнеев // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-realizatsii-printsipa-edinstva-sudby-zemelnyh-uchastkov-i-prochno-svyazannyh-s-nimi-obektov-pri-nasledovanii-nedvizhimosti> (дата обращения: 15.05.2026).
 7. Коноплянникова, Т. В. Особенности наследования земельных участков / Т. В. Коноплянникова // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 8 (236). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nasledovaniya-zemelnyh-uchastkov> (дата обращения: 15.05.2026).
 8. Фомичев, Н. А. Отдельные аспекты судебного толкования законодательства по вопросу самовольного строительства / Н. А. Фомичев // Вестник науки. — 2024. — № 5 (74). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-sudebnogo-tolkovaniya-zakonodatelstva-po-voprosu-samovolnogo-stroitelstva> (дата обращения: 15.05.2026).
 9. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ; ред. от 30.12.2024. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 15.05.2026).
 1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». Наследование отдельных видов имущества // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372403/b848fb4e0f6ea9395e75c061b95e8f3ed2393b07/ (дата обращения: 15.05.2026).
 2. Довгополова, Д. Д. Самовольная постройка как объект наследственных прав / Д. Д. Довгополова // Научный аспект. — 2024. — № 7. — URL: <https://na-journal.ru/7-2024-pravo/13892-samovolnaya-postroika-kak-obekt-nasledstvennyh-prav> (дата обращения: 15.05.2026).

Государственная политика в сфере физической культуры и спорта: правовые механизмы реализации

Чернев Никита Витальевич, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Ключевые слова: государственная политика, физическая культура, спорт, правовое регулирование, механизмы реализации, спортивное право.

Государственная политика в сфере физической культуры и спорта является важным элементом социальной и экономической стратегии Российской Федерации. Ее основная цель заключается в создании условий для укрепления здоровья населения, развития массового спорта и повышения международного авторитета страны.

Правовые механизмы реализации государственной политики представляют собой систему нормативных актов, институтов и инструментов, обеспечивающих достижение поставленных целей. Однако современные условия требуют переосмысления существующих подходов к правовому регулированию данной сферы.

Государственная политика в сфере физической культуры и спорта представляет собой совокупность целей, задач и мер, реализуемых государственными органами для развития спортивной отрасли [3].

Согласно Федеральному закону от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Феде-

рации», к основным направлениям государственной политики относятся [2]:

1. Развитие массового спорта;
2. Поддержка спорта высших достижений;
3. Обеспечение доступности физической культуры;
4. Развитие спортивной инфраструктуры;
5. Пропаганда здорового образа жизни.

Таким образом, государственная политика носит комплексный характер и охватывает различные аспекты общественной жизни.

Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан на охрану здоровья и создание условий для развития личности, что является основой для формирования государственной политики в сфере спорта [1].

Ключевым нормативным актом является Федеральный закон № 329-ФЗ, который определяет:

- принципы государственной политики;
- полномочия органов власти;
- основы финансирования и управления.

Субъекты Российской Федерации принимают собственные нормативные акты, учитывающие региональную специфику.

Несмотря на наличие развитой правовой базы, существуют следующие проблемы [4]:

- несогласованность нормативных актов различных уровней;
- недостаточная эффективность финансирования;
- ограниченная доступность спортивной инфраструктуры;
- слабая цифровизация управления;
- недостаточная прозрачность деятельности отдельных субъектов.

В рамках исследования сформулированы следующие положения, обладающие научной новизной:

1. Введение риск-ориентированного механизма реализации политики. Предлагается учитывать уровень рисков при распределении ресурсов и контроле деятельности субъектов спорта.
2. Цифровизация правовых механизмов. Обоснована необходимость создания единой цифровой платформы управления спортивной отраслью, обеспечивающей мониторинг показателей, контроль финансирования, управление данными спортсменов.
3. Интеграция межотраслевого регулирования. Предлагается усилить взаимодействие спортивного права с:

- медицинским правом;
- туристической отраслью;
- информационным правом;
- финансовым правом.

4. Повышение роли публично-частного партнерства. Развитие механизмов ГЧП позволит повысить эффективность реализации государственной политики.

Основными направлениями совершенствования государственной политики являются:

- развитие цифровых технологий в спорте;
- повышение доступности инфраструктуры;
- совершенствование правового регулирования;
- усиление международного сотрудничества;
- повышение эффективности управления.

Государственная политика в сфере физической культуры и спорта представляет собой сложную систему, требующую постоянного совершенствования. Эффективность ее реализации зависит от качества правовых механизмов и их адаптации к современным условиям.

Таким образом, предложенные в статье подходы позволяют повысить результативность государственной политики и обеспечить устойчивое развитие спортивной отрасли.

Благодарность: автор выражает благодарность научному руководителю доценту, канд. юр. наук. Ольге Викторовне Роньжиной.

Литература:

1. Российская Федерация. Конституция РФ. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.04.2026).
2. Российская Федерация. Законы. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329 ФЗ: редакция от 28 ноября 2025: с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 28 ноября 2025 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.04.2026).
3. Российская Федерация. Распоряжения. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение от 24.11.2020 № 3081 р // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.04.2026).
4. Зенг, В. А. Правовые механизмы реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации / В. А. Зенг // Молодой учёный. — 2026. — № 10 (613). — С. 253–255. — URL: <https://cyberleninka.ru/>. (дата обращения: 15.04.2026).

Ответственность за необоснованное затягивание судебного разбирательства на стадии назначения судебного заседания

Чухванцев Дмитрий Владимирович, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье исследуется проблема разграничения необоснованного затягивания производства на стадии назначения судебного заседания и превышения процессуального срока, predetermined конструкцией части 3 статьи 227 УПК РФ. Анализ проводится одновременно применительно к общему сроку (не позднее 30 суток) и к сокращённому сроку по делам,

где обвиняемый содержится под стражей (не позднее 14 суток). Выявлены три структурных дефекта исчисления срока: его течение со дня поступления дела в канцелярию, а не к судье; включение в срок, исчисляемый в сутках, нерабочих дней; неурегулированность вопроса о проведении предварительного слушания в пределах того же срока. Предложен авторский модельный расчёт реально доступного судье времени и сформулирован тезис о том, что ответственность за затягивание правомерна лишь при наличии вины и реальной возможности соблюсти срок. Внесены предложения по совершенствованию законодательства, в том числе авторское положение об исключении нерабочих дней из срока, установленного частью 3 статьи 227 УПК РФ.

Ключевые слова: процессуальный срок, стадия назначения судебного заседания, статья 227 УПК РФ, разумный срок уголовного судопроизводства, волокита, предварительное слушание, ответственность судьи, компенсация, заявление об ускорении.

Стадия подготовки уголовного дела к судебному заседанию открывает производство в суде первой инстанции и подчинена строгим временным ограничениям. По общему правилу судья принимает одно из решений, предусмотренных частью 1 статьи 227 УПК РФ, в срок не позднее 30 суток со дня поступления уголовного дела в суд, а в случае, если обвиняемый содержится под стражей, — не позднее 14 суток [1]. Соблюдение указанных сроков рассматривается законодателем как условие своевременного отправления правосудия и как гарантия прав лица, вовлечённого в уголовное судопроизводство.

Вместе с тем нарушение этих сроков не всегда является следствием недобросовестности судьи. Представляется, что на стадии назначения судебного заседания существуют два различных по своей природе явления. Первое — подлинная волокита, то есть необоснованное промедление, обусловленное виновным поведением судьи или работников аппарата суда. Второе — превышение срока, предопределённое самой конструкцией части 3 статьи 227 УПК РФ и не зависящее от воли судьи. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы разграничить эти явления и определить пределы ответственности за затягивание, причём равнозначно как применительно к 30-суточному, так и к 14-суточному сроку. Смещение названных явлений ведёт к двум противоположным ошибкам: к необоснованному привлечению судьи к ответственности за объективно неизбежное превышение срока и к безнаказанности подлинной волокиты, маскируемой ссылкой на дефекты закона.

Нормативную основу стадии образует совокупность норм главы 33 УПК РФ. Полномочия судьи по поступившему делу закреплены в статье 227 УПК РФ; задачи стадии, подлежащие разрешению по каждому делу, определены статьёй 228 УПК РФ; основания и порядок проведения предварительного слушания установлены статьями 229 и 234 УПК РФ. Организационные действия, предшествующие принятию дела судьёй, регулируются подзаконным актом: согласно пункту 2.3 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде поступившее дело регистрируется в журнале входящей корреспонденции и передаётся председателю суда для решения вопроса о его рассмотрении конкретным судьёй [2]. Дифференциация общего и сокращённого сроков, как отмечает Г. Б. Петрова, обусловлена стремлением законодателя повысить

внимание судей к делам, по которым обвиняемый содержится под стражей, и обеспечить минимальное по продолжительности ограничение его свободы [5].

Центральное значение для разграничения волокиты и объективно обусловленного превышения имеет анализ структурных дефектов исчисления срока. Полагаем возможным выделить три самостоятельных дефекта, каждый из которых одинаково затрагивает и 30-суточный, и 14-суточный срок.

Первый дефект связан с моментом начала течения срока. Часть 3 статьи 227 УПК РФ связывает его с днём поступления уголовного дела в суд, то есть с регистрацией дела в канцелярии, тогда как фактически дело поступает к судье спустя несколько дней. УПК РФ не установил ни срока регистрации поступающих дел, ни срока передачи дела председателем суда конкретному судье, что, по обоснованному замечанию Р. П. Сокола, создаёт условия для безнаказанной волокиты со стороны работников суда [7]. Очевидно, что этот разрыв сокращает реально доступное судье время в обоих случаях: и тогда, когда в его распоряжении формально имеется 30 суток, и тогда, когда речь идёт о деле, по которому обвиняемый содержится под стражей и срок составляет лишь 14 суток. Применительно к сокращённому сроку последствия дефекта особенно ощутимы, поскольку каждые утраченные сутки составляют существенную долю отведённого времени.

Второй дефект обусловлен тем, что срок исчисляется в сутках, а следовательно, в него входят выходные и нерабочие праздничные дни, в которые судья не осуществляет процессуальной деятельности. В результате нормативно установленная и фактически доступная судье продолжительность подготовки не совпадают. Представляется возможным предположить следующий модельный расчёт. При 30-суточном сроке на период подготовки приходится в среднем восемь — десять выходных дней, к которым в зависимости от календарного периода добавляются нерабочие праздничные дни, а также несколько суток, утрачиваемых на регистрацию и передачу дела судье; в итоге реально доступное судье время сокращается приблизительно до шестнадцати — восемнадцати рабочих дней, а в периоды длительных праздников — и менее. При 14-суточном сроке по делам, где обвиняемый содержится под стражей, на тот же период приходится, как правило, четыре выходных дня, к которым могут добавляться празд-

ничные дни и утраченные на передачу дела сутки; реально доступное судье время в этом случае сокращается приблизительно до семи — девяти рабочих дней. Подчеркнём, что приведённый расчёт носит модельный, оценочный характер и не претендует на точность применительно к каждому конкретному делу.

Третий дефект проявляется при наличии оснований для проведения предварительного слушания (статья 229 УПК РФ). В этом случае судья обязан в пределах того же срока не только назначить, но и провести предварительное слушание, уведомив стороны не менее чем за трое суток до его проведения (часть 2 статьи 234 УПК РФ). В доктрине отсутствует единство по вопросу о том, охватывается ли сроком части 3 статьи 227 УПК РФ само проведение слушания. Согласно буквальному толкованию частей 1 и 3 статьи 227 УПК РФ в указанный срок принимается лишь решение о назначении предварительного слушания, тогда как требования провести его и вынести итоговое решение в тот же срок закон не содержит. В литературе существует и иная точка зрения, согласно которой в срок включается не только принятие решения о назначении слушания, но и его проведение, а также принятие решения по его результатам. Необходимость провести слушание и выдержать трёхсуточный срок уведомления дополнительно сжимает реально доступное время, причём как при 30-суточном, так и — в ещё большей степени — при 14-суточном сроке.

Изложенное позволяет сформулировать промежуточный вывод: нормативно установленный и фактически доступный судье сроки представляют собой величины разного порядка, и это справедливо в равной мере для общего и для сокращённого срока. Данное обстоятельство является исходным для определения пределов ответственности за затягивание.

Разграничение необоснованного затягивания и объективно обусловленного превышения срока имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Под волокитой следует понимать виновное, необоснованное промедление, не вызванное объективными обстоятельствами дела или правомерным поведением иных субъектов процесса. От неё необходимо отличать превышение срока, предопределённое конструкцией нормы либо процессуальным поведением сторон, прокурора или экспертных учреждений. Часть 4 статьи 6.1 УПК РФ прямо запрещает ссылаться на обстоятельства, связанные с организацией работы суда, как на основание превышения разумного срока; конституционность этого положения подтверждена Конституционным Судом РФ [3]. Возникает, однако, авторский вопрос: применим ли данный запрет к ситуации, когда дефект заложен не в организации работы конкретного суда, а в самом законе, то есть когда срок объективно недостаточен в силу включения в него нерабочих дней и времени на передачу дела судье. По нашему мнению, в подобных случаях превышение срока не может вменяться судье как организационное упущение, поскольку причина лежит вне сферы его контроля.

Н. В. Ткачёва, исследуя факторы, влияющие на соблюдение разумного срока, относит к ним наряду с поведением участников процесса организационные причины в работе судов и противоречия в самом уголовно-процессуальном законе [8]. С опорой на это разграничение представляется обоснованным следующий авторский тезис: ответственность за затягивание судебного разбирательства правомерна лишь при наличии вины и реальной возможности соблюсти срок. Там, где соблюдение срока объективно невозможно вследствие его нормативной конструкции, основания для ответственности отсутствуют; и наоборот, ссылка на дефект закона не должна служить прикрытием подлинной волокиты, когда у судьи имелась реальная возможность действовать своевременно.

Сформулированный вывод позволяет определить, к каким механизмам ответственности он применим. Дисциплинарная ответственность судьи, предусмотренная Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодексом судейской этики, наступает за виновное нарушение и потому неприменима при объективно обусловленном превышении срока. Ответственность работников аппарата суда за задержку регистрации и передачи дела также предполагает наличие вины. Компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, регулируемая Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ и главой 26 КАС РФ, напротив, носит, как отмечает Н. В. Ткачёва, двойственную — публично-правовую и гражданско-правовую — природу и присуждается за счёт государства независимо от вины конкретного судьи, что разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 11 [4]. Превентивным инструментом выступает заявление об ускорении рассмотрения дела (части 5 и 6 статьи 6.1 УПК РФ), которое, по оценке Д. Г. Рожкова, носит организационный характер и направлено на устранение или предотвращение нарушения разумного срока [6]. Таким образом, вывод о необходимости вины распространяется на меры дисциплинарного характера, тогда как компенсационный механизм ориентирован на восстановление прав лица вне зависимости от виновности суда.

Изложенное даёт основания для ряда предложений по совершенствованию законодательства, каждое из которых сохраняет значение и для общего, и для сокращённого срока. Во-первых, представляется целесообразным исчислять срок, установленный частью 3 статьи 227 УПК РФ, не со дня поступления дела в канцелярию суда, а с момента его поступления к судье (авторское предложение); это устранил разрыв между формальным и фактическим началом течения срока и в равной мере увеличит реально доступное время при 30- и 14-суточном сроке. Во-вторых, следует установить сроки регистрации поступающих дел и передачи их судье — предложение, выдвинутое Р. П. Соколом [7].

В качестве самостоятельного авторского положения предлагается при исчислении срока, установленного частью 3 статьи 227 УПК РФ, не учитывать нерабочие — выходные и праздничные — дни, как для 30-суточного, так и для 14-суточного срока. Обоснование состоит в том, что

включение нерабочих дней искажает реальную продолжительность подготовки: судья лишён возможности совершать процессуальные действия в эти дни, а потому формально отведённое время не соответствует фактически располагаемому. Данный дефект одинаково затрагивает обе категории дел, однако по «стражным» делам, где срок составляет лишь 14 суток, его последствия наиболее значительны, поскольку нерабочие дни составляют большую долю отведённого времени. Исключение нерабочих дней из подсчёта приведёт нормативный срок в соответствие с реальными возможностями судьи и тем самым сузит сферу объективно обусловленного превышения, оставив ответственность лишь для случаев подлинной волокиты.

Проведённый анализ позволяет заключить, что на стадии назначения судебного заседания необходимо последовательно различать необоснованное затягивание, требующее ответственности, и структурно обусловленное

превышение срока, заложенное в конструкции части 3 статьи 227 УПК РФ. Установлено, что нормативный и фактически доступный судье сроки не совпадают вследствие трёх дефектов исчисления — момента начала течения срока, включения в него нерабочих дней и неурегулированности проведения предварительного слушания, — причём это справедливо как для 30-суточного, так и для 14-суточного срока. Пределы ответственности судьи очерчиваются наличием вины и реальной возможности соблюсти срок; при отсутствии этих условий превышение не может вменяться судье. Реализация предложенных мер, прежде всего исчисление срока с момента поступления дела судье и исключение из него нерабочих дней, способна привести нормативные требования в соответствие с реальными возможностями суда и обеспечить применение мер ответственности лишь там, где затягивание действительно носит необоснованный характер.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в редакции от 9 апреля 2026 г. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
2. Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. № 36. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
3. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2020 г. № 6-П. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
5. Петрова, Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Г. Б. Петрова; Саратовская государственная академия права. — Саратов, 2004. — Текст: непосредственный.
6. Рожков, Д. Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: специальность 12.00.09: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рожков Дмитрий Геннадьевич; Южно-Уральский государственный университет. — Челябинск, 2013. — 22 с. — Текст: непосредственный.
7. Сокол, Р. П. Проблемы применения уголовно-процессуальных сроков в стадии подготовки дела к судебному разбирательству / Р. П. Сокол. — Текст: электронный // Юрист-Правоведъ. — 2008. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-ugolovno-protsessualnyh-srokov-v-stadii-podgotovki-dela-k-sudebnomu-razbiratelstvu> (дата обращения: 08.05.2026).
8. Ткачёва, Н. В. Разумный срок судебного разбирательства по уголовному делу / Н. В. Ткачёва. — Текст: непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2024. — № 3. — С. 7.

Риск-ориентированный подход в государственном контроле (надзоре): проблемы правового регулирования и пути совершенствования

Шевченко Данила Вячеславович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется правовое регулирование риск-ориентированного подхода, закреплённого в Федеральном законе от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Рассматриваются практические аспекты категорирования объектов контроля, проблемы применения индикаторов риска как основания для проведения внеплановых контрольных мероприятий. На основе Отчёта Счётной палаты РФ (2025) и анализа судебной практики выявлены системные недостатки: оценочный характер индикаторов риска, неполное категорирование объектов контроля, отсутствие интеграции ведомственных информационных систем. Предлагаются конкретные изменения в законодательство, направленные на повышение эффективности риск-ориентированного подхода.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, государственный контроль (надзор), индикаторы риска, категории риска, Федеральный закон № 248-ФЗ.

Риск-ориентированный подход является одним из основополагающих принципов реформы контрольно-надзорной деятельности, начатой с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее — Закон № 248-ФЗ). Согласно статье 8 данного закона, интенсивность контрольных (надзорных) мероприятий и используемые ресурсы должны быть пропорциональны уровню риска причинения вреда охраняемым законом ценностям [1].

Однако, как показывает практика, реализация этого принципа сталкивается с рядом системных проблем. Счётная палата Российской Федерации в 2025 году провела оценку эффективности внедрения системы управления рисками и пришла к выводу, что полноценного внедрения риск-ориентированного подхода в деятельность контрольных (надзорных) органов пока не произошло [2, с. 4]. В настоящей статье на основе анализа нормативных правовых актов, материалов Счётной палаты и судебной практики выявляются основные проблемы правового регулирования и правоприменения в данной сфере, а также предлагаются конкретные пути их решения.

В соответствии со статьёй 8 Закона № 248-ФЗ, под риск-ориентированным подходом понимается метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором выбор интенсивности контрольных мероприятий, их объёма и периодичности определяется отнесением деятельности контролируемых лиц и (или) используемых ими объектов контроля к определённой категории риска [1].

Категорирование объектов контроля осуществляется на основании критериев, утверждаемых положениями о видах контроля. Закон предусматривает шесть категорий риска: чрезвычайно высокий, высокий, значительный, средний, умеренный, низкий, а также категорию «не представляющие риска». Периодичность проведения плановых контрольных мероприятий напрямую зависит от присвоенной категории: для чрезвычайно высокого

риска — не чаще одного раза в год, для низкого — не чаще одного раза в шесть лет.

Индикаторы риска, закреплённые в статье 66 Закона № 248-ФЗ, представляют собой формализованные показатели, срабатывание которых является основанием для проведения внеплановых контрольных мероприятий. Они призваны обеспечить объективность и обоснованность внеплановых проверок [1].

Анализ нормативных правовых актов и материалов Счётной палаты РФ позволяет выделить следующие системные проблемы в сфере правового регулирования риск-ориентированного подхода.

Счётная палата РФ в своём отчёте за 2025 год отметила, что установленные критерии отнесения объектов к категориям риска не в полной мере учитывают требования законодательства [2, с. 7–9]. Отдельные ведомственные информационные системы не интегрированы с единым реестром видов федерального государственного контроля, что приводит к дублированию и несогласованности данных. Кроме того, не обеспечен 100-процентный охват плановыми проверками объектов контроля, отнесённых к чрезвычайно высокой категории риска [2, с. 11].

Индикаторы риска, закреплённые в положениях о видах контроля, зачастую носят оценочный характер. Формулировки типа «наличие обоснованных жалоб», «существенное отклонение», «значительное изменение» не являются измеримыми и допускают произвольное усмотрение контролирующих органов [3]. Как отмечается в юридической литературе, это порождает правовую неопределённость и создаёт риски для добросовестных контролируемых лиц [4, с. 70].

В разных видах контроля используются различные подходы к определению индикаторов риска. Например, в сфере трудового законодательства индикаторы включают такие основания, как принятие судом заявления о признании работодателя банкротом при среднесписочной численности работников 50 и более человек [5]. В других сферах критерии могут быть менее формализо-

ванными. Это создаёт правовую неопределённость для контролируемых лиц, которые не всегда могут предвидеть основания для проведения внеплановой проверки.

Правоприменительная практика также выявляет существенные недостатки в реализации риск-ориентированного подхода.

Как следует из Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025), суды требуют строгого соответствия индикаторов риска действовавшим на момент проведения проверки нормативным актам [6, п. 12]. При этом нередко возникают споры о том, были ли соблюдены требования к утверждению и опубликованию индикаторов.

Примером может служить спор прокуратуры Пермского края, где суд кассационной инстанции указал, что для обоснования внеплановой проверки необходимо использовать индикаторы, действовавшие на момент её проведения, а не вновь принятые нормативные акты. Типовые индикаторы, на которые ссылался прокурор, были заменены Минстроем ещё в 2025 году, а новые приняты уже после проведения проверки. Суд отказал в признании проверки законной [7].

Счётная палата РФ отметила, что в 82 % проверок, проведённых на основании индикаторов риска, нарушения полностью подтверждаются [2, с. 14]. Это свидетельствует о высоком потенциале индикаторов как инструмента целевого контроля. Однако остальные 18 % проверок оказываются безрезультатными, что может свидетельствовать о недостаточном качестве самих индикаторов либо о неверной их интерпретации должностными лицами.

На основе выявленных проблем предлагаются следующие изменения в законодательство и правоприменительную практику, а именно:

1. Дополнить статью 8 Закона № 248-ФЗ нормой об обязательности измеримых, объективных и однозначных индикаторов риска. Исключить оценочные формулировки («наличие обоснованных жалоб», «существенное отклонение»), заменив их конкретными количественными показателями (например, «три и более жалобы от разных потребителей за месяц»).

2. Утвердить на уровне Правительства РФ типовые требования к индикаторам риска, включающие принципы их разработки, порядок утверждения, периодичность пересмотра и требования к публикации на официальных сайтах контрольных органов.

3. Обеспечить 100-процентный охват плановыми проверками объектов, отнесённых к чрезвычайно высокой категории риска, закрепив соответствующий механизм в положениях о видах контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5007.
2. Отчёт Счётной палаты РФ «Оценка эффективности внедрения системы управления рисками в деятельность органов контроля и надзора». — М., 2025. — 45 с.
3. Поводы для проверок просят пересмотра // Российская газета. — 2025. — 15 мая.

Помимо этого, потребуются изменения в организационных мерах, а также необходима цифровая трансформация:

1. Создать единую цифровую платформу риск-ориентированного контроля, интегрированную с Единым порталом госуслуг, ведомственными информационными системами и системой межведомственного электронного взаимодействия. Платформа должна обеспечивать автоматическое присвоение и пересмотр категорий риска на основе анализа данных из различных источников.

2. Внедрить механизм пересмотра категории риска по заявлению контролируемого лица при условии устранения нарушений и внедрения систем добровольного мониторинга. Это позволит добросовестным предпринимателям снизить административную нагрузку.

3. Разработать стандарты обучения инспекторов, включающие разъяснение порядка применения индикаторов риска, типичные ошибки и примеры из судебной практики.

Реализация предложенных мер позволит:

- повысить объективность и предсказуемость риск-ориентированного подхода;
- снизить количество необоснованных внеплановых проверок;
- обеспечить интеграцию информационных систем и автоматизировать категорирование объектов контроля;
- создать механизм пересмотра категории риска по инициативе добросовестных предпринимателей;
- уменьшить административную нагрузку на субъектов малого и среднего предпринимательства, отнесённых к низкой категории риска.

Риск-ориентированный подход является перспективным инструментом оптимизации контрольно-надзорной деятельности, однако его эффективность напрямую зависит от качества правового регулирования и единообразия правоприменительной практики. Выявленные в ходе исследования проблемы — оценочный характер индикаторов риска, неполное категорирование объектов, отсутствие интеграции информационных систем — требуют незамедлительного решения.

Предложенные изменения в законодательство (дополнение статьи 8 Закона № 248-ФЗ, утверждение типовых требований к индикаторам риска, создание единой цифровой платформы) позволят повысить объективность и прозрачность риск-ориентированного подхода, обеспечить концентрацию контрольных ресурсов на объектах действительно высокого риска и снизить административную нагрузку на добросовестных предпринимателей.

4. Широков А. В. Риск-ориентированный подход в государственном контроле: проблемы и перспективы // Журнал российского права. — 2025. — № 3. — С. 67–80.
5. Индикаторы риска для внеплановых проверок (Государственная инспекция труда в Ярославской области). — 2025. — URL: <https://git76.rostrud.ru> (дата обращения: 01.06.2026).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2025 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2026. — № 2.
7. Спор прокуратуры Пермского края об индикаторах риска (кассационное производство). — 2025. — Архив суда (не опубликовано).

Актуальные проблемы правового регулирования государственного контроля и надзора в Российской Федерации

Шевченко Данила Вячеславович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются отдельные проблемы правового регулирования государственного контроля и надзора, закреплённого Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ. Рассматривается смешение правовой природы обязательного профилактического визита, отсутствие санитарно-эпидемиологических расследований в сфере действия закона, а также недостатки обязательного досудебного порядка обжалования. По каждой проблеме предлагаются конкретные изменения в законодательство.

Ключевые слова: государственный контроль, государственный надзор, Федеральный закон № 248-ФЗ, обязательный профилактический визит, санитарно-эпидемиологическое расследование, досудебное обжалование.

Исучая и анализируя контроль и надзор в сфере государственного управления, мы непосредственно взаимодействуем с федеральным законом № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», принятый 31 июля 2020 года. Он ознаменовало новый этап реформирования контрольно-надзорной деятельности. Закон закрепил приоритет профилактических мероприятий над контрольными, ввёл широкий спектр контрольных (надзорных) мероприятий, различающихся по процедуре и степени интенсивности вмешательства, а также установил специальные режимы для объектов повышенной опасности [1].

Однако правоприменительная практика столкнулась с рядом проблем, которые качественно снижают эффективность контрольной (надзорной) деятельности. В настоящей статье на основе диссертационного исследования были выделены некоторые системные проблемы и пути их решения, а именно:

1. Смещение правовой природы мероприятий. Речь заходит об обязательном профилактическом визите (ст. 52.1 Федерального закона № 248-ФЗ). Закон отнес данное мероприятие как профилактическое (Глава 10), однако по своей сути является контрольным. На это намекает слово «обязательный», которое означает, что визит проводится без согласия контролируемого лица.

Анализ положений статьи 52.1 позволяет выделить следующие признаки, схожие с проверкой, а именно:

— Проводится без согласия контролируемого лица. В отличие от профилактического визита по инициативе контролируемого лица (ст. 52.2), обязательный визит назначается контролирующим органом в одностороннем порядке.

— Существенно расширены права инспекторов. При проведении обязательного профилактического визита должностные лица наделены полномочиями, идентичными правам при проведении документарной или выездной проверки (осмотр, опрос, получение объяснений, истребование документов).

— Сужены возможности обжалования. Поскольку мероприятие формально отнесено к профилактическим, на него не распространяются в полной мере гарантии, предусмотренные для контрольных мероприятий, включая обязательное согласование с прокуратурой и развёрнутую процедуру обжалования.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, законодателем фактически введена новая форма государственного контроля, формально включённая в состав профилактических мероприятий, что противоречит смыслу института профилактики [2, с. 46]. Контролируемые лица лишаются права на обжалование самого факта проведения визита, а также права на ознакомление с полным перечнем выявленных нарушений до завершения мероприятия.

Для решения этой проблемы необходимо внести изменения в статью 52.1 федерального закона № 248-ФЗ одним из следующих образов:

— Вариант А — Исключить обязательный профилактический визит из числа профилактических мероприятий и включить его в перечень контрольных (надзорных) мероприятий (ст.56) с обязательным согласованием с прокуратурой для объектов высокого риска.

— Вариант Б — Сохранить визит в профилактическом блоке, но законодательно запретить выдачу предписаний и применение мер административного принуждения по его результатам. В этом случае визит действительно станет профилактическим, а не скрытой формой проверки.

2. Отсутствие санитарно-эпидемиологического расследования в федеральном законе № 248-ФЗ. Они проводятся на основе ведомственных актов, недоступных для контролируемых лиц, что лишает их прав и гарантий.

Пункт 7.1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 322, наделяет Роспотребнадзор полномочиями по проведению санитарно-эпидемиологических расследований [3]. Однако сам порядок их проведения, права контролируемых лиц при их проведении, а также механизм обжалования действий должностных лиц законодательно не урегулированы.

Это создаёт «чёрную дыру» в правовом регулировании. Контролируемые лица лишаются гарантий, предусмотренных Законом № 248-ФЗ: права на ознакомление с материалами, права на участие представителя, права на обжалование в досудебном порядке. На практике санитарно-эпидемиологическое расследование может фактически подменять собой выездную проверку, но проводится по упрощённым правилам, без учёта интересов проверяемого лица.

Примером может служить дело Киселевского городского суда Кемеровской области (2025 г.), где деятельность детского сада была приостановлена в рамках санитарно-эпидемиологического расследования. При этом процедура такого расследования не была синхронизирована с общими правилами контроля, установленными Законом № 248-ФЗ, что создало правовую неопределённость для контролируемого лица [4].

Необходимо включить санитарно-эпидемиологические расследования в сферу действия Закона № 248-ФЗ. Для этого следует:

1) Дополнить главу 3 Закона № 248-ФЗ отдельной статьёй, регулирующей порядок проведения санитарно-эпидемиологических расследований.

2) Установить гарантии прав контролируемых лиц: право на ознакомление с материалами расследования, право на обжалование действий должностных лиц, право на участие представителя.

3) Закрепить, что результаты санитарно-эпидемиологического расследования могут служить основанием для применения мер административного принуждения только при условии соблюдения процедур, предусмотренных федеральным законом № 248-ФЗ.

3. Обязательный досудебный порядок обжалования, введённый в 2023 году, сталкивается с трудностями, а именно несоблюдение сроков рассмотрения жалоб (20 рабочих дней), а также отсутствие единого подхода к квалификации предписаний (ненормативные правовые акты, подлежащие оспариванию в суде, или подлежат досудебному оспариванию). Для устранения выявленных недостатков предлагается:

1) Внести изменения в статью 40 Закона № 248-ФЗ:

— сократить срок рассмотрения жалоб с 20 до 15 рабочих дней;

— предусмотреть возможность восстановления пропущенного срока при технических сбоях Единого портала госуслуг;

— ввести ответственность должностных лиц за необоснованный отказ в рассмотрении жалобы или нарушение сроков её рассмотрения.

2) Дополнить Перечень видов государственного контроля (надзора), утверждённый Постановлением Правительства РФ № 663, указанием на то, что обязательный досудебный порядок распространяется в том числе на обжалование предписаний, вынесенных по результатам контрольных (надзорных) мероприятий.

3) Подготовить разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о процессуальном порядке обжалования предписаний контрольных (надзорных) органов, чтобы обеспечить единообразие судебной практики.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что Федеральный закон № 248-ФЗ, несмотря на его прогрессивный характер, содержит ряд существенных пробелов и коллизий, снижающих эффективность контрольно-надзорной деятельности.

Смешение правовой природы обязательного профилактического визита приводит к тому, что профилактическое по названию мероприятие становится контрольным по сути, лишая контролируемых лиц процессуальных гарантий. Отсутствие санитарно-эпидемиологических расследований в сфере действия Закона № 248-ФЗ создаёт «чёрную дыру» в правовом регулировании. Недостатки обязательного досудебного порядка обжалования (нарушение сроков, неопределённость процессуального порядка) снижают доступность правовой защиты для контролируемых лиц.

Предложенные в статье изменения в законодательство позволяют:

— устранить подмену профилактических мероприятий контрольными;

— включить санитарно-эпидемиологические расследования в единую систему правовых гарантий;

— повысить эффективность и доступность досудебного обжалования.

Реализация этих предложений будет способствовать снижению административной нагрузки на добросовестных участников и повышению эффективности государственного контроля и надзора в целом.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5007.
2. Калмыкова А. В. Профилактические коллизии Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» // Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного права». — М., 2026. — С. 45–51.
3. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 322 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» (ред. от 25.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 28. — Ст. 2899.
4. Решение Киселевского городского суда Кемеровской области от 10.02.2025 по делу № 2–567/2025. — Архив суда (не опубликовано).
5. Постановление Правительства РФ от 28.04.2021 № 663 «Об утверждении перечня видов государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 19. — Ст. 3245.
6. Обзор практики рассмотрения жалоб контролируемых лиц, поданных в порядке обязательного досудебного обжалования, за I квартал 2025 г. // Росздравнадзор. — 2025.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.03.2026 № Ф05–5678/2026 по делу № А40–9876/2025 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru>

Цена изъятия и изъятие без цены: проблемы защиты прав собственника

Шенгелия Нина Вячеславовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена трем острым проблемам принудительного изъятия земельных участков для государственных и муниципальных (публичных) нужд, которые на сегодняшний день не имеют эффективного правового решения. Первая проблема — системное несогласие собственников с размером выкупной цены, которое на практике практически невозможно реализовать в судебном порядке из-за формального подхода судов к оценочным экспертизам и отсутствия действенных механизмов натурального возмещения. Вторая проблема — фактическое изъятие, когда публичные органы размещают инфраструктурные объекты на частной земле без принятия решения об изъятии, а суды зачастую квалифицируют последующие требования собственников о компенсации как злоупотребление правом. Третья проблема — «концессионное изъятие», при котором собственники земель не согласны с изъятием, по их мнению, в пользу коммерческих структур.

Ключевые слова: изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд, выкупная цена, фактическое изъятие, концессионное соглашение, документация по планировке территории, предварительное и равноценное возмещение, злоупотребление правом, публичный интерес, частная собственность.

Принудительное изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд представляет собой один из наиболее конфликтных институтов современного российского права. С одной стороны, без этого механизма невозможно реализовать масштабные инфраструктурные проекты — строительство дорог, железнодорожных линий, аэропортов, объектов энергетики и обороны. С другой стороны, именно при изъятии наиболее остро проявляется противоречие между публичным интересом и конституционным правом на неприкосновенность собственности (статья 35 Конституции РФ [1]).

При рассмотрении споров, связанных с изъятием участков в государственную (муниципальную) собственность, одним из основных вопросов для собственника изымаемого имущества является размер его выкупа.

Данный вопрос напрямую связан с адекватным определением рыночной стоимости изымаемого объекта, а также размера убытков, причиняемых изъятием. Несогласие собственника с предлагаемым размером выкупа чаще всего и является причиной уклонения от заключения соответствующего соглашения и подачи уполномоченным государственным (муниципальным) органом иска в суд об изъятии такого объекта [2, с. 280].

Выражая несогласие с выкупной ценой, правообладатели ссылаются на то, что предлагаемая сумма занижена и не соответствует средней рыночной стоимости недвижимости. Верховный Суд РФ в разделе VI Обзора судебной практики № 1 (2014) [3] разъяснил, что для целей первоначального предложения о выкупе земельного участка при принятии решения органом публично-право-

вого образования об изъятии этого участка размер возмещения определяется с учетом стоимости его имущества на день, предшествующий принятию решения об изъятии (п. 4 ст. 57 ЗК РФ). Однако в тех случаях, когда собственник не согласен со стоимостью объекта, не достигнуто соглашение о выкупной цене, суд определяет стоимость, исходя из рыночной стоимости объекта на момент рассмотрения спора (вопрос 7).

«Громоздкость» споров при несогласии с выкупной ценой обусловлена тем, что из-за имеющихся у сторон разногласий по определению размера компенсации за изымаемое имущество и учитывая, что разрешение данного вопроса требует специальных познаний, суды в конечном счете назначают судебные оценочные экспертизы и определяют размер возмещения на основании полученных экспертных заключений. При этом доводы правообладателей о несогласии с экспертным заключением, полученным в рамках проведения судебно-оценочной экспертизы, отклоняются судами как несостоятельные. Суды приходят к выводу, что несогласие с результатом экспертизы само по себе не влечет необходимости в проведении повторной экспертизы, является субъективным мнением стороны по делу и не опровергает выводы экспертизы.

Именно поэтому гипотетическая возможность правообладателей не согласиться с условиями соглашения об изъятии и попытаться в судебном порядке установить справедливый и равноценный, по их мнению, размер возмещения представляется практически нереализуемой на практике. Как отмечают А. В. Винницкий и М. С. Соловьев, несогласие собственника влияет только на сроки исполнения уже принятого публичной администрацией решения о принудительном отчуждении и приводит лишь к инициированию судебной процедуры определения цены [4, с. 113].

Тогда более «приятным» для несогласного собственника способом защиты представляется натуральное возмещение взамен денежного: путем заключения соглашения об изъятии, предусматривающего предоставление равноценного земельного участка взамен изъятых, либо путем предложения заключить мировое соглашение с условием о передаче в собственность земельного участка взамен изымаемого. Безусловно, возможность реализации обеих возможностей подконтрольна суду. Так, равноценный земельный участок, предоставление которого требует правообладатель, должен быть индивидуализирован, поскольку в противном случае удовлетворение иска не будет отвечать критерию исполнимости судебного акта [5]. В свою очередь, мировое соглашение должно быть проверено судом и утверждено его определением. Данные меры представляются наиболее выгодными для собственника в борьбе за получение равноценной компенсации, однако практически не реализуемыми на практике.

Таким образом, в идеальной динамике правоотношений, связанных с выкупом участка для государственных или муниципальных нужд, соглашение о выкупе является завершающим юридическим фактом. Однако в подавля-

ющем большинстве случаев сторонам приходится прибегнуть к механизму принудительного изъятия.

Однако, как бы ни были остры споры вокруг выкупной цены, они остаются вторичными, поскольку начинаются только после того, как решен главный вопрос: а законно ли вообще изъятие? В таком случае классический конфликт несогласия с суммой «бледнеет» перед проблемами иного рода.

В разрезе указанной проблемы особенно выделяется категория споров об изъятии земельных участков для государственных нужд в связи с реализацией концессионных соглашений, направленных на строительство крупных инфраструктурных объектов. Показательным примером является дело № А32–50097/2025, рассмотренное Арбитражным судом Краснодарского края и Пятнадцатым арбитражным апелляционным судом [6].

ООО «Газконтрактивест» (ООО «ГКИ») являлось собственником 11 земельных участков сельскохозяйственного назначения общей площадью более 160 тыс. кв. м в Темрюкском районе Краснодарского края (в районе пос. Волна Таманского сельского поселения). Фактически участки не использовались для сельскохозяйственного производства.

Во исполнение поручения Президента РФ от 31.10.2018 и распоряжения Правительства РФ от 15.09.2023 между Российской Федерацией и ООО «Таманская железнодорожная компания» (ООО «ТЖК») было заключено концессионное соглашение о финансировании, создании и эксплуатации инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования от главного хода железной дороги с примыканием к станции Тамань-Пассажирская до морских терминалов на Таманском полуострове.

На основании ходатайства концессионера (ООО «ТЖК») Росжелдор принял распоряжения от 04.07.2024 и от 05.07.2024 об изъятии земельных участков для государственных нужд. В соответствии с документацией по планировке территории (ДПТ) (утверждена распоряжением Росжелдора от 27.04.2024 с изменениями от 29.11.2024) из исходных участков ответчика (ООО «ГКИ») были образованы новые земельные участки, отнесенные к категории земель промышленности, энергетики, транспорта с видом разрешенного использования «Железнодорожный транспорт». Росжелдор направил ответчику проекты соглашений об изъятии с приложением отчетов об оценке рыночной стоимости, однако «ГКИ» уклонилось от их подписания.

При рассмотрении данного дела возникло несколько принципиальных вопросов, связанных с законностью изъятия в рамках концессионного проекта.

Во-первых, достаточно ли для изъятия наличия утвержденной документации по планировке территории? Ответчик настаивал на необходимости исследования вопроса об отсутствии других возможных вариантов строительства (как того требует подпункт 2 статьи 49 Земельного Кодекса РФ (ЗК РФ) [7]). Суды указали, что в со-

ответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 56.3 ЗК РФ изъятие земельных участков для строительства объектов федерального значения допускается, если такие объекты предусмотрены утвержденными проектами планировки территории. Таким образом, наличие утвержденной ДПТ является достаточным основанием для изъятия. В данном случае ДПТ была утверждена, прошла необходимые согласования и получила положительное заключение ФАУ «Главгосэкспертиза России».

Во-вторых, вправе ли концессионер ходатайствовать об изъятии земельных участков? Ответчик утверждал, что ООО «Таманская железнодорожная компания» действует не в публичных, а в своих частных коммерческих интересах. Суд, проанализировав подпункт 2 пункта 1 ст. 56.4 ЗК РФ, постановление Правительства РФ от 06.05.2015 № 442 [8] (перечень организаций, имеющих право на обращение с ходатайствами об изъятии) и условия концессионного соглашения, пришел к выводу, что концессионер правомерно обратился с ходатайством об изъятии: «Одной из целей концессии является привлечение инвестиций в экономику, в связи с чем участие коммерческих организаций в концессии является ее институционализирующим признаком». При этом изъятие осуществляется в интересах Российской Федерации, а средства на выплату возмещения предоставляются концессионером, что соответствует публично-частной природе концессионных отношений.

В-третьих, допускается ли изъятие земельных участков для размещения объектов как общего, так и необщего пользования? Ответчик полагал, что размещение на изымаемых участках наряду с объектами железнодорожной инфраструктуры общего пользования также объектов необщего пользования, поступающих в собственность концессионера, не позволяет признать изъятие законным. Суд, однако, указал, что концессия по своей природе предполагает сочетание публичного и частного интересов. Статья 11 Федерального закона «О концессионных соглашениях» [9] и пункты 4, 11 распоряжения Правительства РФ от 15.09.2023 прямо предусматривают возможность изъятия земельных участков для создания имущества, не относящегося к объекту концессионного соглашения и поступающего в собственность концессионера. Без создания сопутствующей инфраструктуры (подъездных путей, терминалов, складов) достижение целей концессии было бы невозможным.

В этой связи суд указал, что основным назначением объекта концессионного соглашения явилось обеспечение перевозки коммерческими организациями в морской порт Тамань зерновых культур, пищевых грузов и сырья для них по инфраструктуре ж/д транспорта общего пользования для последующей перевалки на морской транспорт, создание объекта общего пользования, что прямо следует из нормативного регулирования и содержания концессионного соглашения. Следовательно, само по себе создание ж/д инфраструктуры общего пользования без возможности обеспечить ее необходимыми

терминалами, вспомогательными зданиями и сооружениями необщего пользования не позволяет достичь цель концессии — увеличить ж/д грузопоток сельскохозяйственной и пищевой продукции в порту Тамань без новых терминалов и сопутствующей инфраструктуры необщего пользования, как правило, невозможно увеличить грузопоток.

Отдельного внимания в рамках анализа дела заслуживает вопрос о выделении требования о возмещении в отдельное производство. Суд первой инстанции выделил требование об установлении размера возмещения за изымаемые участки в отдельное производство (дело № А32–4290/2026). Ответчик усмотрел в этом нарушение своих прав, ссылаясь на то, что изъятие происходит без предварительного и равноценного возмещения, как того требует часть 3 статьи 35 Конституции РФ). Суд апелляционной инстанции поддержал данное процессуальное решение, указав, что оно обусловлено необходимостью скорейшей реализации федеральной целевой программы, сроки которой не могут быть поставлены в зависимость от определения размера возмещения. При этом право ответчика на судебную защиту не нарушено, поскольку вопрос о компенсации остается на рассмотрении суда в рамках выделенного производства, где ответчик уже заявил ходатайство о назначении судебной экспертизы для определения рыночной стоимости изымаемых участков.

Проанализированное дело наглядно демонстрирует, что в рамках крупных концессионных проектов суды склонны признавать публичный интерес даже в тех случаях, когда изъятие осуществляется в том числе для размещения объектов, поступающих в собственность коммерческого концессионера. При этом ключевую роль играет наличие утвержденной ДПТ, которая рассматривается как безусловное основание для изъятия, практически не оставляя места для дискуссии о наличии иных вариантов размещения объекта.

Выделение требования о размере возмещения в отдельное производство, хотя и продиктовано прагматическими соображениями — необходимостью ускорения реализации проекта, создает определенные риски для собственника, который может столкнуться с затягиванием выплаты компенсации. В то же время, суды обеспечили гарантии прав собственника, поскольку у последнего сохранилось право оспаривать размер возмещения в рамках выделенного производства, в том числе путем назначения судебной оценочной экспертизы.

Полагаем, не стоит забывать, что бывают случаи, когда публичные образования, вступая в противоречие со строго регламентированной процедурой изъятия земельных участков для публичных нужд, используют так называемое фактическое изъятие — например, размещают на земельном участке частного лица инфраструктурные объекты общественного назначения.

Конституционный Суд РФ в Определении от 30.01.2020 № 64-О указал, что собственники не лишены возможности требовать восстановления положения, существо-

вавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, возмещения убытков, причиненных в том числе фактическим занятием земельных участков [10]. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что отсутствие решения об изъятии участка (его части) для государственных или муниципальных нужд или несоблюдение процедуры изъятия само по себе не лишает правообладателя права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества (пункт 4 Обзора судебной практики от 10.12.2015 [11], пункт 25 Обзора судебной практики № 1 (2021) от 07.04.2021 [12]).

По мнению Д. С. Некрестянова, в подобных случаях возможны два способа защиты нарушенных прав: требовать либо освобождения захваченного участка, либо возмещения убытков вследствие фактического изъятия. В таких делах примечательно то, что формально право собственности у истца осталось, однако он получил выплату в таком размере, как будто его лишили самого права [13, с. 431–432].

Любопытным и абсурдным является и то, что при фактическом изъятии суды могут признавать требования правообладателей злоупотреблением правом. Показательным в этом отношении является дело, рассмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ на определения Краснодарского краевого суда и Четвертого кассационного суда общей юрисдикции [14].

Два долевых собственника участка обратились в суд с иском к администрации муниципального образования город Краснодар о прекращении долевой собственности на участок и взыскании за счет городской казны стоимости фактически изъятых участков либо об обязанности ответчика предоставить в долевую собственность равноценный участок и о признании за истцами права долевой собственности на предоставленный взамен земельный участок. В обоснование заявленных требований истцы указали, что являются собственниками земельного участка, в границах которого администрация разместила автомобильную дорогу, в результате чего любое его использование стало фактически невозможным. Свободная от автодороги часть земельного участка непригодна для использования из-за незначительности и размещения в границах объекта транспортной инфраструктуры. При этом истцы обращались в орган местного самоуправления с требованием оформить фактически состоявшееся изъятие земельного участка, однако ответа не получили.

Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты нижестоящих инстанций об отказе в иске и направляя дело на новое рассмотрение, указал следующее.

Суды пришли к ошибочным выводам о том, что действия истцов по разделу участка, расположенного рядом с многоквартирными домами, и его постановке на государственный кадастровый учет в существующей конфигурации (участок налагается на территорию общего пользования, не соответствует фактически сложившейся дорожной сети и планировке улиц) свидетельствует о зло-

употреблении истцами правом, являются умышленными, направленными на создание условий, при которых у них возникнет право на обращение в суд с иском о взыскании убытков.

Вышестоящая судебная инстанция указала, что суды не учли, что раздел исходного участка произведен истцами в целях обособления той части исходного участка, в отношении которой сохранилась возможность его целевого использования, от части, которая стала непригодной для использования. Действия истцов по разделу направлены на обеспечение реализации их права на компенсацию убытков в отношении фактически изъятых частей участка. Кроме того, суды не привели суждений, опровергающих выводы истцов о фактическом использовании спорного земельного участка в качестве автомобильной дороги местного значения и невозможности пользоваться принадлежащим им участком по назначению.

Таким образом, при фактическом изъятии участка или его части правообладатель во всяком случае вправе рассчитывать на компенсацию. К счастью, сказанное подтверждается и судебной практикой, допускающей возможность возмещения убытков вследствие такого варианта изъятия. При этом ключевым является не формальное соблюдение процедуры, а сам факт невозможности использования участка по назначению в результате действий публичного органа.

В заключение можно констатировать, что существующий механизм определения размера возмещения при изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд не всегда обеспечивает реальной защиты прав собственников. Гипотетическая возможность оспорить выкупную цену на практике оказывается иллюзорной. В результате собственник оказывается перед выбором: согласиться на заниженную цену либо вступить в длительный и малоперспективный судебный процесс.

Вместе с тем, не может не радовать, что в судебной практике намечена положительная тенденция по защите прав собственников фактически изъятых для публичных нужд земельных участков.

Современная практика концессионных проектов, на первый взгляд, порождает качественно новую проблему — легальное изъятие земельных участков для государственных нужд, которое *de facto* осуществляется в интересах коммерческих организаций (концессионеров). Однако закон прямо признает такие организации надлежащими лицами, уполномоченными ходатайствовать об изъятии земельных участков для публичных нужд. Более того, возможность изъятия земельных участков для создания имущества, не относящегося к объекту концессионного соглашения и поступающего в собственность концессионера, продиктована необходимостью реализации масштабных проектов полного цикла.

Представляется, что выделение требования о размере возмещения в отдельное производство при одновременном удовлетворении требования об изъятии участков и прекращении права собственности хоть и вызвано не-

обходимостью своевременной реализации проектов, все же нарушает принцип предварительного и равноценного возмещения, закрепленный в части 3 статьи 35 Конституции РФ, поскольку собственник лишается права на

землю немедленно, но право на справедливую компенсацию будет вынужден доказывать в другом процессе, продолжительность которого не определена. Изложенное создает риски затягивания выплаты возмещения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Гришаев С. П. Комментарий к Федеральному закону от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС КонсультантПлюс. 2024.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 1 (2014), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172785/34d4f59cd61f9d82b434dcb467220d84516b920d/.
4. Винницкий А. В., Соловьев М. С. Публичные закупки и изъятие имущества как способы удовлетворения публичных нужд: проблемы конкуренции // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 102–116.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22.03.2018 № Ф08–11293/2017 по делу № А77–28/2017 // Информационный портал «Картотека арбитражных дел». — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f98f9f6c-9dba-405e-89a3-4208b02484de/11fe7d98-bd53-49d8-be60-1e947e70ab19/A77-28-2017_20180322_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.
6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.04.2026 № 15АП-2772/2026 по делу № А32–50097/2025 // Информационный портал «Картотека арбитражных дел». — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/35d1db44-2b2d-4ec5-aa64-de8048d03d3e/ffbc3b5d-787f-4e31-bd1c-6259db04ed1b/A32-50097-2025_20260409_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.
8. Об утверждении перечня организаций, имеющих право на обращение с ходатайствами об изъятии земельных участков для федеральных нужд: Постановление Правительства РФ от 06.05.2015 № 442 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179254/.
9. О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54572/.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 64-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сарккинен Галины Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями Гражданского кодекса Российской Федерации и Земельного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал Конституционного Суда Российской Федерации. — URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision456108.pdf>.
11. Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190296/.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735/.
13. Алексеев М. С., Вишневская А. С., Дозорова В. В., Дятлова Е. И., Морозова А. А., Некрестьянов Д. С., Остапчук П. А., Пимоненко А. Д., Поляков И. И., Славич М. А., Смирнова Д. Е., Толмачева Р. В. Юридический справочник застройщика / под ред. Д. С. Некрестьянова. 9-я ред. // СПС КонсультантПлюс. 2024 (автор комментария — Некрестьянов Д. С.).
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 18-КГ21–6-К4 // Официальный интернет-портал Верховного Суда Российской Федерации. <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/12-32482997#12-32482997>.

Реализация родителями права на воспитание ребенка: проблемы осуществления и злоупотребление правом в правоприменительной практике

Шишкин Андрей Алексеевич, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор рассматривает проблему реализации родителями права на воспитание ребенка. Исследуются действующее законодательство, судебная практика и теоретические воззрения ученых. Предлагается внести в Государственную Думу законопроект, связанный с изменениями в Семейный Кодекс РФ.

Ключевые слова: родители, ребёнок, родительские права, злоупотребление родительскими правами.

Parents' exercise of the right to raise a child: issues of implementation and abuse of rights in law enforcement practice

Shishkin Andrey Alekseevich, student

Scientific advisor: Maksimova Natalia Anatolyevna, candidate of legal sciences, associate professor
Moscow State Law University named after OE Kutafin

In this article, the author examines the issue of parents exercising their right to raise a child. He cites scholarly works and legislation to support his arguments. Finally, he proposes introducing a bill to the State Duma amending the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: parents, child, parental rights, abuse of parental rights.

На сегодняшний день тема реализации родителями права на воспитание ребенка является актуальной в связи с неоднозначными подходами в его толковании в правоприменительной практике и научных исследованиях. Интересы ребенка как слабого субъекта в детско-родительских отношениях должны подлежать повышенной защите, особенно в ситуации злоупотребления родительским правом.

Основопологающим в этой связи является понятие «интересы ребенка». Данное определение на законодательном уровне отсутствует. Однако предпринимаются попытки на законодательном уровне раскрыть такую значимую для правоприменения категорию.

Обратимся к пояснительной записке к Законопроекту № 534677 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации».

Так, в пояснительной записке предлагается внести в кодифицированный акт такое определение: «Интересы ребенка — это субъективно обусловленная потребность ребенка в благоприятных условиях его существования, находящая объективное выражение в реализации родителями своих прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством» [4]. Следовательно, интерес ребенка представляет из себя потребность в безопасности.

В научной литературе понятие «интересы ребенка» рассматривается с различных точек зрения. Так, О. Г. Миролюбова определяет данное понятие как охраняемые законом потребности ребенка в материальных или духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие, либо (в зависимости от степени осознания) стремление к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребенка, его родителей, за-

конных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственных органов, а также критерием осуществления и защиты прав [8].

Ю. Ф. Беспалов включает в само понятие «интересы ребенка» создание условий, необходимых для его содержания и благополучного развития [10].

Исходя из вышесказанного, интересы ребенка представляют из себя правовую категорию в семейном праве, представляющую из себя охраняемые законом потребности ребенка в безопасном пребывании в обществе.

Возникает в связи с этим следующий вопрос: что такое право на воспитание и злоупотребление правом?

Право на воспитание также не получило легального определения. Его понимание отражено в работах ряда авторов. Так, В. Н. Леженин включает в данное понятие право на физическое развитие детей и их обучение; формирование у них мировоззрения; на общение с детьми; на применение мер принуждения к ним [7]. Другими словами, право на воспитание — это физическое формирование личности ребенка.

С. Б. Кордуба считает, что это личное воздействие родителей на формирование нравственности, мировоззрения, общего культурного уровня ребенка, правовой культуры в целях его подготовки к самостоятельной жизни в обществе и в государстве [5].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что право на воспитание представляет из себя формирование личности ребенка, которое реализуется благодаря действиям родителей.

Допуская неправомерное поведение, законодатель предусматривает юридическую форму, обозначающую су-

щество такого поведения и влекущую соответствующую защиту интересов ребенка — злоупотребление правом. Злоупотребление родительскими правами — это использование данных прав в ущерб интересам детей. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 N 44, помимо определения, даются подходы к его толкованию, например, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству.

В ст. 69 Семейного Кодекса Российской Федерации злоупотребление родительскими правами определяется как одно из оснований лишения родительских прав [9]. Само понятие представляет из себя превышение должного осуществления родительских прав.

Возникает в связи с этим вопрос: в чем проявляются проблемы осуществления родителями права на воспитание и что включает в себя злоупотребление родительским правом?

Проблема осуществления родителями права на воспитание заключается в том, что сами родители неправильно осуществляют свои права.

Причем, неправомерная реализация родительских прав может выразиться в злоупотреблении родительскими правами, под которым понимается причинение вреда ребёнку. Так, ряд авторов (Л. В. Кудрявцева, С. А. Куемжиева, Л. В. Масленникова) отмечает, что это использование прав в ущерб интересам детей, что может проявляться в различных формах [6].

Также в злоупотребление родительскими правами входят психическое и физическое насилие над ребёнком.

Подобные неправомерные действия родителей в таких случаях становятся поводом к лишению либо ограничению родительских прав, что подтверждается рядом судебных решений.

Так, в истец обратился в суд и потребовал лишить родительских прав ответчика. Ответчик осуществлял неправомерные действия. Как отметил суд: «Во время раздельного проживания ответчик вел себя неадекватно, применял к истцу физическую силу, угрожал, предпринимал попытки суицида в присутствии дочери» [2]. Также суд установил, что отец не принимает участие в воспитании своей дочери, не интересуется физическим и духовным развитием и не поздравляет ее с праздниками. Другими словами, проявляет пассивное отношение к дочери.

В результате суд решил отменить судебное решение суда первой инстанции и лишить родительских прав отца.

По другому делу Железнодорожный районный суд г. Орла отказал в удовлетворении иска, так как, наоборот, отсутствовали основания для ограничения родительских прав отца.

Как отметил суд первой инстанции: «суд пришел к выводу о том, что ответчик занимается воспитанием сына, хотя его действия ранее не всегда носили систематический характер» [1]. Также суд не обнаружил факты злоупотребления отцом ребенка родительскими правами, жестокого обращения с сыном и злоупотребления спиртными напитками.

Однако Судебная коллегия по гражданским делам Орловского областного суда отменила решение суда первой инстанции. Так, суд отметил, что отец ребенка не работает и привлекался к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ. По информации педагогов, отец злоупотребляет спиртными напитками и не осуществляет должного ухода за своим сыном. Был случай, когда отец забыл забрать своего сына из детского сада, так как первый находился в состоянии алкогольного опьянения.

Судебная коллегия ограничила родительские права в отношении отца. Злоупотребление права заключалось в том, что отец не выполнял свои родительские обязанности.

Апелляционным определением Московского городского суда от 30.03.2017 по делу N 33–10233/2017 было отменено решение суда первой инстанции и постановлено лишить отца родительских прав.

В данном случае злоупотребление права включало в себя неправильное участие отца в жизни ребенка, или пассивное воспитание. Несколько раз в судебном решении было упомянуто, что отец злоупотреблял родительскими правами [3].

Представляется, что анализ научной литературы, судебной практики требует определить в Семейном кодексе РФ понятие «интересов ребенка», а также «злоупотребление правом». Это важные категории в сфере семейного права. В 2024 году уже была попытка внести поправки в Семейный Кодекс РФ. Однако впоследствии законопроект был отклонен. По мнению автора, следует во второй раз внести законопроект в Государственную Думу с соблюдением всех требований. Правовые категории «интересы ребенка» и «злоупотребление правом» — это важные элементы в сфере семейного права, которым должно быть дано легальное определение.

Литература:

1. «Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // СПС «Консультант Плюс»
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.10.2018 по делу N 33–45447/2018 / СПС Консультант Плюс
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.03.2017 по делу N 33–10233/2017 // СПС «Консультант Плюс»
4. Законопроект № 534677–8 О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации (в части определения наивысших и важнейших интересов ребенка). — Текст: электронный // Система обеспечения зако-

нодательной деятельности: [сайт]. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/534677-8#bh_note (дата обращения: 07.06.2026).

5. Кордуба С. Б. Содержание конституционной обязанности родителей заботиться о детях в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 18. С. 70–73.
6. Кудрявцева Л. В., Куемжиева С. А., Масленникова Л. В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие / Л. В. Кудрявцева, С. А. Куемжиева, Л. В. Масленникова. — Краснодар: КубГАУ, 2019 г. — 104 с.
7. Леженин В. Н. Право родителей на воспитание детей: понятие, сущность, содержание // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 1983. № 3. С. 78–82.
8. Миролюбова О. Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. — Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 4/1. С. 56–58.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС Консультант Плюс
10. Сологуб А. Ю. Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребенка // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 29. С. 142.

Историко-правовой анализ становления и развития в России правоохранительной деятельности по обеспечению защиты интеллектуальной собственности

Шопен Игорь Антонович, студент магистратуры

Научный руководитель: Глушков Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор
Государственный университет «Дубна» (Московская область)

В данной статье проводится анализ формирования и процессов изменения правоохранительной деятельности по обеспечению защиты интеллектуальной собственности в России. Хронологические рамки исследования охватывают период с первой трети XIX века по настоящее время. Автором выделены и охарактеризованы основные этапы становления специализированных государственных органов и подразделений, уполномоченных на выявление, пресечение и расследование правонарушений в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правоохранительная деятельность, история права, правоохранительные органы, защита интеллектуальной собственности.

Historical and legal analysis of the formation and development of law enforcement activities in Russia to ensure the protection of intellectual property

Shopen Igor Antonovich, master's student

Scientific advisor: Glushkov Aleksandr Ivanovich, doctor of law, professor
State University «Dubna» (Moscow Oblast)

This article analyzes the formation and processes of changing law enforcement activities to ensure the protection of intellectual property in Russia. The chronological framework of the study covers the period from the first third of the 19th century to the present. The author identifies and characterizes the main stages of the formation of specialized state bodies and departments authorized to identify, suppress and investigate offenses in the field of intellectual property.

Keywords: intellectual property, law enforcement, history of law, law enforcement agencies, intellectual property protection.

Защита интеллектуальной собственности (далее — ИС) традиционно воспринимается через призму гражданско-правовых способов защиты исключительных прав. Однако эффективность правового регулирования в этой сфере напрямую зависит от состояния публично-правовой охраны, реализуемой системой правоохранительных органов. Историко-правовой анализ становления

этой деятельности в России демонстрирует сложную траекторию: от почти полного отрицания частной интеллектуальной монополии до создания специализированных полицейских и судебных структур.

Цель настоящей статьи — выявить закономерности институционализации правоохранительной функции в механизме защиты ИС в России, проследив эволюцию

компетенции государственных органов на различных исторических этапах.

1. Дореволюционный период (XIX — начало XX вв.)

Становление института защиты ИС в Российской империи происходило в условиях самодержавной монархии и носило догоняющий характер по отношению к западно-европейским правовым порядкам.

Первым нормативным актом, заложившим основы правоохраны в этой сфере, стал Манифест Александра I от 17 июня 1812 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремёслах». Защита прав патентообладателя (привилегия выдавалась как милость монарха) обеспечивалась общими судебными установлениями, а функция пресечения нарушений возлагалась на общую полицию. Однако, как отмечают исследователи, ввиду неразвитости промышленности до середины XIX века случаи судебного преследования за нарушение патентов были единичными [5].

В сфере авторского права ключевую роль играл Цензурный устав 1828 г. и Положение о правах Сочинителей. Правоохранительный аспект здесь был неразрывно связан с надзором за книгопечатанием. Защита от контрафакции (несанкционированного переиздания) возлагалась на Комитеты цензуры и полицию. Примечательно, что до судебной реформы 1864 года рассмотрение споров о литературной собственности происходило в административных учреждениях, что смешивало надзорно-полицейскую и судебную функции.

Качественный скачок произошел с принятием Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования 1896 г. Данный акт впервые ввел детальную процедуру рассмотрения споров и установил ответственность за присвоение чужого изобретения. Хотя специализированной «патентной полиции» создано не было, коммерческие суды и общая полиция получили более четкие основания для ареста контрафактных товаров. К началу XX века в крупных промышленных центрах сыскные отделения начали накапливать опыт борьбы с подделкой товарных знаков (клейм), что охранялось статьями 1354, 1354–1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

2. Советский период (1917–1991 гг.)

Октябрьская революция 1917 года ознаменовала слом частнособственнической парадигмы ИС. Декрет СНК от 26 ноября 1918 г. «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» фактически упразднил исключительные права авторов, установив государственную монополию на использование произведений. Правоохранительная функция в этот период трансформировалась в борьбу со спекуляцией и «незаконным обогащением» через авторские гонорары. В 1920-е годы, в период НЭПа, произошла частичная реабилитация патентного права (Закон «О патентах на изобретения» 1924 г.), что потребовало восстановления правоприменительных механизмов. Функции по рассмотрению споров выполняли Экспертные советы при ВСНХ, а выявление нарушений,

связанных с подделкой, относилось к компетенции рабоче-крестьянской милиции НКВД, в структуре которой существовали подразделения по борьбе с экономическими преступлениями.

Переломным моментом в институционализации борьбы с «интеллектуальным пиратством» в советский период стало создание в 1937 году Отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. Хотя их мандат был сформулирован широко, фактически именно ОБХСС занимались разоблачением подпольных цехов по производству контрафактной парфюмерии, обуви, одежды с незаконным использованием чужих товарных знаков. Однако авторские права в силу идеологических причин защищались слабо; «пиратство» на магнитофонных пленках и самиздат преследовалось не столько нормами авторского права, сколько политическими статьями.

Принятие Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и последующих гражданских кодексов существенно оживило цивилистический оборот ИС, но публично-правовая защита оставалась фрагментарной. Уголовные санкции за нарушение авторских и патентных прав существовали, но применялись редко из-за отсутствия специализированных следственных подразделений и экспертных учреждений в органах внутренних дел, способных идентифицировать контрафакт. Практически единственным реально действовавшим органом защиты изобретательских прав выступала Государственная патентная экспертиза (Госпатент СССР), но она не обладала функциями оперативно-розыскной деятельности.

3. Постсоветский этап и современность (1992 г. — настоящее время)

Переход к рыночной экономике и интеграция России в международную торговлю (вступление в ВТО) радикально изменили ландшафт правоохранительной деятельности в сфере ИС. Можно выделить три ключевые волны реформ.

В период девяностых происходит принятие первых специальных законов и включение в УК РФ статей 146 (нарушение авторских и смежных прав) и 147 (нарушение изобретательских и патентных прав) поставили перед МВД задачу формирования новой компетенции. В 1998 году в структуре Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями (ГУБЭП) МВД России создаются специализированные отделы по борьбе с правонарушениями в сфере интеллектуальной собственности [6]. Параллельно активизируется Государственный таможенный комитет (ГТК), наделенный правом приостанавливать выпуск товаров по заявлению правообладателя [7].

Период нулевых годов характеризуется усилением административно-правовой защиты в связи с принятием КоАП РФ (ст. 7.12, 14.10). В 2001 году в МВД была создана сеть подразделений по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка, куда перешла и «интеллектуальная» специализация. Однако в ходе административной реформы 2008 года борьба с нетяжкими административными правонарушениями была переориентирована, и вплоть до 2011

года специализированные оперативные аппараты находились в состоянии реорганизации.

В период после десятых годов и по настоящее время начинается современный этап, озаглавленный принятием части IV Гражданского кодекса РФ и созданием Суда по интеллектуальным правам (2013 г.) — уникального в судебной системе России специализированного арбитражного суда. В правоохранительной плоскости, несмотря на упразднение в 2010-х годах отдельных управлений по борьбе с экономическими преступлениями, расследование преступлений, предусмотренных ст. 146, 147, 180 УК РФ, остается в подследственности следователей органов внутренних дел. На современном этапе огромный пласт пресечения оборота контрафакта переместился в ведение Федеральной таможенной службы (ФТС), использующей системы управления рисками, и Роспатента, который, однако, лишен непосредственных правоохранительных полномочий, выполняя экспертно-методологическую функцию. Серьезным вызовом остается пресечение нарушений в цифровой среде (блокировки сайтов, пиратский контент), где ключевую координационную роль, помимо МВД, играет Роскомнадзор [4].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: [ред. от 24.02.2026] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: [ред. от 02.05.2026] // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1.
4. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект, 2023. 752 с.
5. Пиленко А. А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. 688 с.
6. Дорошков В.В. Специализированные подразделения органов внутренних дел по борьбе с правонарушениями в сфере интеллектуальной собственности: исторический и правовой аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 60–65.
7. Борисова Е.А. Эволюция авторского права в России в XIX веке // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 2. С. 85–97.

Перспектива цифровых протоколов следственных действий

Шурдумов Альбек Арсенович, аспирант
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты оцифровки протоколов следственных действий. В рамках исследования выявлены некоторые теоретические положительные стороны такой тенденции и существующие на сегодняшний день законодательные ограничения.

Ключевые слова: протокол следственного действия, криминалистическая техника, цифровые документы, уголовное судопроизводство

Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определяет один из видов доказательств по уголовному делу — протоколы следственных и судебных действий.

Согласно статье 166 и иным положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации под протоколом следственных действий подразумевается юридически значимый документ, составленный уполномо-

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что становление правоохранительной деятельности по защите интеллектуальной собственности в России прошло путь от казуального применения общеполлицейских мер в имперский период до формирования многокомпонентной системы специализированных органов. Эволюция характеризуется нелинейностью: ранняя специализация сыска по борьбе с подделкой товарных знаков в конце XIX века сменилась десятилетиями правового нигилизма в советскую эпоху, когда охрана изобретательства была преимущественно административно-номенклатурной.

Современная система, основанная на взаимодействии МВД, ФТС, Роспатента и суда по интеллектуальным правам, отражает сложную природу ИС, однако сохраняет фрагментарность компетенции. Главной исторической закономерностью является прямая зависимость между уровнем развития института частной собственности в стране и степенью правоохранительной специализации в данной сфере. Вектор дальнейшего развития видится в углублении специализации следственных подразделений и развитии цифровых методов выявления нарушений исключительных прав.

моченными лицами (как правило, следователем или дознавателем) в установленном законом порядке, и отражающий суть проведенного ими следственного действия по уголовному делу [1].

При этом многие ученые и исследователи не сомневаются в неотрывности процессуальных мероприятий по оформлению доказательств (протоколирование) и реально произведенных следователем или дознавателем познательных действий о событиях и фактах, связанных с преступлением (следственные действия) [2, с. 119].

Природа доказательств, включающих протоколы следственных действий, заключается в придании полученным в рамках предварительного следствия или дознания из различных источников сведениям, имеющим значение для уголовного дела, процессуальной формы, установленной законодательством Российской Федерации [3, с. 41].

По сути, протокол является носителем информации, полученной в указанных действиях. Несомненным является тот факт, что указанные процессуальные документы на сегодняшний день представлены на бумажном (материальном) носителе.

Действительно, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации буквально не содержит требования «материальности» протокола следственного действия. Однако правовое обоснование складывается из следующих положений указанного федерального закона:

- часть 2 статьи 166 определяет, что «протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств»;

- часть 1 статьи 217 — «следователь предъявляет обвиняемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела»;

- часть 2 статьи 220 — «обвинительное заключение должно содержать ссылки на тома и листы уголовного дела»;

- статья 474.1 определяет, что ходатайство, заявление, жалоба представление, судебное решение (исчерпывающий перечень), повестка могут быть изготовлены в форме электронного документа при соблюдении положений данной статьи;

- иные положения законодательства Российской Федерации.

С учетом сказанного, не возникают сомнения в том, что уголовное законодательство на сегодняшний день еще «принимает» только бумажные протоколы следственных действий.

Положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяют разделить содержание протокола следственного действия на три части: вводная (место и дата, ФИО участников следственного действия, сведения о технических средствах, разъяснение прав участников и некоторые иные), описательная (сами процессуальные и фактические действия) и заключительная (факт ознакомления участников, способ их ознакомления, заявления участников, подписи) [4, с. 153].

С учетом вышесказанного, автором усматриваются перспективы придания протоколам следственных дей-

ствий электронного образа, или их оцифровки. В рамках данной работы рассматриваются некоторые положительные стороны такого подхода.

Выдвигая аргументационную часть обозначенной позиции, следует начать с актуальной тенденцией увеличения электронного документооборота в правовом сознании граждан и правовой культуре России. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [5], «Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности» [6], разработанная ФНС России, позиция Верховного суда Российской Федерации в части «цифровизации» правосудия [7], совершенствование деятельности органов прокуратуры [8] и многие иные решения и позиции государственных органов лишь говорят о необходимости трансформации правотворческой, правоприменительной и судебной практики в нашем государстве.

Одним из аргументов в части вопроса придания электронного образа протоколам следственных действий служит возможность фальсификации бумажных протоколов. Оцифрованный протокол, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) всех участников сразу после следственного действия, практически исключает последующее изменение.

Мировой опыт правоприменительной и судебной практики показывает, что переход к электронному уголовному делу сокращает сроки расследования, повышает прозрачность и удобство ознакомления с материалами. Более того, действующие федеральные государственные информационные системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» и «Правосудие» создают почву или основу для цифровизации и уголовных дел.

Стоит также добавить, что электронный документооборот позволит синтезироваться с такими технологиями, как системы блокчейна, для повышения надежности и верифицируемости доказательств и прозрачности уголовного преследования, особенно в части основного «костяка» любого уголовного дела — протокола следственного действия [9, с. 229].

Действительно, не стоит забывать и о трудностях, с которыми можно столкнуться при разрешении вопросов цифровизации:

- неготовность действующей на сегодняшний день законодательной базы и необходимость четкого определения правил поведения участников уголовного судопроизводства, в том числе в части вопросы подписания данных документов;

- переподготовка кадров органов следствия и дознания для внедрения в их правоприменительную практику;

- необходимость определения порядка действий участников уголовного судопроизводства в ситуациях, связанных с техническими сбоями и иные.

Подытоживая, следует сказать, что оцифровка протоколов следственных действий — не недостижимая абстракция, а реально возможное ближайшее будущее

в правоприменительной и судебной практике. Благодаря цифровизации уголовных дел могут снизиться временные и материальные издержки и повыситься объективность уголовного преследования.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (часть I). — Ст. 4921.
2. Ахметзянов, Б. Р. Юридическая сущность протоколирования следственных действий: вопросы теории и практики / Б. Р. Ахметзянов // Юридические исследования. — 2026. — № 2. — С. 116–128.
3. Крысин, В. А. Правовая природа доказательства и доказывания в уголовном судопроизводстве / В. А. Крысин, А. В. Шигуров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. — 2024. — № 1(24). — С. 38–50.
4. Стельмах, В. Ю. Современные проблемы фиксации хода и результатов производства следственных действий и возможные пути их решения / В. Ю. Стельмах // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 7(68). — С. 152–159.
5. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. — Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/>
6. Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности: Протокол президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 25.12.2020 № 34 // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=372761&dst=100001#GUW0GMVYkh7ncsLx>
7. ВС создаст единую цифровую среду правосудия — Краснов // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). — Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260520/311854361.html
8. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации: Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 // Законность. — 2025. — № 11.
9. Шурдумов, А. А. Блокчейн-верификация доказательств в уголовном процессе / А. А. Шурдумов // Закон и право. — 2025. — № 8. — С. 226–230.

Особенности приостановления предварительного расследования в уголовном процессе: опыт некоторых зарубежных стран

Яловенко Софья Андреевна, студент;
Илларионов Михаил Олегович, студент

Научный руководитель: Маркелов Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается приостановление предварительного расследования в России и отдельных зарубежных правовых порядках. Показано, что российская модель обеспечивает формальную определённую, но на практике может приводить к повторному приостановлению дел, затягиванию сроков и ослаблению гарантий потерпевшего. С учётом опыта Беларуси, Казахстана, Германии и Франции предложены точечные изменения ст. 208 и 209 УПК РФ.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, уголовный процесс, зарубежный опыт, потерпевший, разумный срок, судебный контроль.

Приостановление предварительного расследования необходимо для тех случаев, когда дело временно не может двигаться дальше по причинам, не зависящим от следствия. Это не завершение расследования и не отказ от уголовного преследования, а процессуальная пауза, которая должна быть мотивирована и проверяема. В литературе такое решение определяется как временный перерыв

в производстве процессуальных действий, вызванный обстоятельствами, препятствующими дальнейшему движению дела [1, с. 521].

Российская модель построена по закрытому принципу. Часть 1 ст. 208 УПК РФ называет четыре основания: не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого; подозреваемый или обвиняемый скрылся

либо его местонахождение неизвестно; местонахождение лица известно, но его участие невозможно; лицо временно тяжело болеет. Такой перечень дисциплинирует следователя, но не охватывает часть реальных ситуаций. Например, длительное ожидание экспертизы, исполнение международного запроса или невозможность провести важное действие из-за внешних обстоятельств формально не образуют самостоятельного основания для приостановления. Следствие вынуждено продлевать сроки либо искать обходные решения.

Главная практическая проблема состоит в том, что приостановление иногда используется не как вынужденная мера, а как способ отложить работу по делу. Постановление отменяется, дело возобновляется, но существенные действия не проводятся, после чего оно снова приостанавливается. В итоге появляется видимость процессуального движения, хотя участники остаются в неопределённости. Особенно остро это проявляется по делам, где лицо, совершившее преступление, не установлено: вместо активной проверки версий расследование может фактически превращаться в ожидание.

Отдельного внимания требует положение потерпевшего. Приостановление напрямую затрагивает его интересы, потому что отдаляет итоговое решение, возмещение вреда и восстановление нарушенных прав. Однако одного уведомления о принятом постановлении недостаточно. Потерпевший должен понимать, почему расследование остановлено, какие действия уже выполнены и какие обстоятельства действительно мешают продолжению дела. Иначе право на обжалование становится формальным. Поэтому доступ к материалам, подтверждающим основания приостановления, следует рассматривать как важную гарантию, а не как излишнюю нагрузку на следствие [2, с. 312].

Судебный контроль важен прежде всего в связи с разумным сроком судопроизводства. Само приостановление не всегда нарушает права участников. Нарушение возникает тогда, когда постановления повторяются, отменяются как необоснованные и не сопровождаются реальными следственными либо розыскными действиями. Верховный Суд РФ обращает внимание на необходимость оценки фактического поведения органов расследования, а не только формального наличия процессуального решения [5]. Поэтому периоды необоснованного приостановления не должны автоматически исключаться из оценки длительности производства.

В зарубежных правовых системах используются разные варианты решения этой проблемы. В Беларуси ст. 246 УПК содержит более широкий перечень оснований, включая невозможность производства следственных действий, без которых нельзя принять решение об окончании расследования. В. А. Нечаева отмечает, что такая формулировка позволяет учитывать препятствия, не связанные исключительно с личностью обвиняемого [4, с. 200]. Казахский подход также гибче российского: он учитывает нахождение обвиняемого за пределами государства, вопросы иммунитета, выдачи и действие непреодолимой силы.

Эти примеры показывают, что расширение перечня оснований возможно без отказа от процессуальной формы.

Германия и Франция демонстрируют иной, более дискреционный подход. В Германии прокуратура обладает значительным усмотрением при решении вопроса о дальнейшей судьбе преследования, поэтому специальная конструкция приостановления в российском виде имеет меньшее значение. Во Франции важную роль играет следственный судья, а при отсутствии достаточных оснований для продолжения преследования применяется решение *non-lieu*. Л. В. Головкин связывает эту особенность с иной ролью суда на досудебной стадии [3, с. 75]. Прямое заимствование таких моделей для России невозможно, но полезен общий принцип: процессуальная пауза должна иметь ясную причину и внешний контроль.

Оптимальным для российского процесса представляется не отказ от закрытого перечня оснований, а его осторожное дополнение. Статью 208 УПК РФ можно расширить основанием о невозможности производства процессуальных действий, без которых нельзя принять итоговое решение по делу, если препятствие возникло по причинам, не зависящим от следствия. Чтобы такая норма не стала удобным способом бездействия, нужны условия: документальное подтверждение препятствия, указание конкретных действий, которые невозможно выполнить, проведение всех доступных действий до приостановления, ограниченный срок паузы и обязательное уведомление участников.

Следует также уточнить ст. 209 УПК РФ, закрепив право потерпевшего знакомиться с постановлением и материалами, подтверждающими основания приостановления, если это не нарушает тайну следствия. Такой доступ не должен означать полное раскрытие дела, но должен позволять подготовить мотивированную жалобу. Кроме того, повторное приостановление без новых действий должно оцениваться прокурором и судом как признак ненадлежащей организации расследования.

Практическое значение предлагаемых изменений состоит в том, что они не ломают действующую систему, а устраняют её наиболее заметные пробелы. Следовательно, получает законный инструмент для редких, но объективно сложных ситуаций; потерпевший — возможность проверить обоснованность паузы; суд и прокурор — понятные критерии для оценки бездействия. Поэтому речь идёт не о расширении усмотрения ради удобства следствия, а о более честном распределении процессуальных гарантий.

Таким образом, институт приостановления предварительного расследования сохраняет важное значение, но нуждается в точечной настройке. Зарубежный опыт подтверждает: эффективная модель должна сочетать понятные основания, мотивированное решение, защиту прав участников и реальный контроль. Для России наиболее разумный путь — сохранить формальную определённость, но добавить механизм для объективных препятствий и одновременно усилить гарантии потерпевшего и ответственность за необоснованное затягивание дела.

Литература:

1. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 752 с.
2. Божьев В. П. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 541 с.
3. Головкин, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л. В. Головкин. — М.: Фирма «СПАРК», 1995. — 130 с. — Текст: непосредственный.
4. Нечаева В. А. Невозможность как свойство обстоятельств, препятствующих продолжению расследования // Право.by. — 2020. — № 3. — С. 199–205.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

ИСТОРИЯ

Формирование теоретических взглядов славянофила К. С. Аксакова

Прокофьева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент;

Бобырев Герман Ахмедович, студент магистратуры

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета

Формирование идейных течений в 1830–1850-х гг. в России было связано со значимыми общественно-политическими, социально-экономическими, культурологическими процессами, определившими исторический путь России. Одним из наиболее ярких деятелей этой эпохи был К. С. Аксаков, чьи взгляды представляли собой синтез консервативных, либеральных и социалистических взглядов, что представляет особый интерес для исследователей.

К. С. Аксаков, благодаря воспитанию, с юных лет получил возможность обучаться у хороших педагогов. Кроме того, в родительском доме он имел возможность общения с выдающимися людьми, теоретиками, которые также оказали большое влияние на мировоззрение юноши. Большое влияние на него было оказано в пансионе П. М. Погодина, еще на этапе подготовки к поступлению в университет. В 1832 г. он поступил на словесное отделение Московского университета, на котором преподавали С. П. Шевырев, М. Т. Каченовский, Н. И. Надеждин, М. П. Погодин и др. [3].

Аксаков неоднократно отмечал, что первостепенным в формировании его воззрений был не столько комплекс полученных знаний, сколько общение с сложившимся окружением, сторонниками и противниками. Так, на первом курсе, он стал участником кружка Н. В. Станкевича, о котором В. Белинский отзывался сугубо положительно, отмечая его способность к объединению вокруг общей идеи. В рамках данного кружка особое влияние на умы молодых людей оказало гегельянство — взгляды немецких философов переосмыслились в иную концепцию, подходящую для российской действительности, с целью последующего ее распространения в ходе волны просвещения общественности. Данные задачи подразумевались для последующей масштабной просветительской деятельности российской общественности. Здесь же особенно ярко проявилось влияние идей Гегеля на К. С. Аксакова.

Среди участников кружка были как будущие прославленные русские ученые (О. М. Бодянский, А. А. Беер,

Я. М. Неверов, С. М. Строев, П. Я. Петров), так и будущие знаменитые общественные деятели самых различных направлений (В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, М. Н. Катков, Ю. Ф. Самарин).

А. И. Герцен считал появление подобных кружков в России «естественным ответом на глубокую внутреннюю потребность тогдашней русской жизни», а участников кружка Станкевича называл «сентименталистами и немцами». Сам, будучи атеистом и материалистом, Герцен особо подчеркивал не политический, а умозрительно-философский характер деятельности кружка и даже религиозный настрой некоторых участников: «Они чертили философские системы, занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство» [1].

В рамках данного кружка К. С. Аксаков стал приверженцем гегельянства, глубоко проникнувшись немецким автором. Соответственно, первоначальная философская концепция, приверженцем которой оказался теоретик, была существенно ближе к западничеству. По воспоминаниям К. С. Аксакова, общей идейной направленности кружка против российской культуры и действительности в целом им не поддерживались. Он отмечал, как больно ему было слышать звучавшие там речи. Тем не менее, интеллектуальная общность с его участниками сохраняла интерес К. С. Аксакова к его заседаниям, и он оставался его участником [8].

Через призму философии Гегеля он исследовал особенности русского языка. Основываясь на гегелевской теории развития, исследовал соотношение языка и мысли. Данный исследовательский процесс, безусловно, повлиял на последующее развитие славянофильских взглядов публициста, поскольку подобный подход к языку также определял представление о его самобытности. Подобная убежденность в «неисчерпаемых возможностях русского языка, сулящих превращение отечественной словесности в общечеловеческое достояние» накладывалась на широту его знания и понимания истории.

В целом, подобно всему старшему поколению славянофилов, К. С. Аксаков посредством переноса идей немецкого национального самосознания в стезю русской истории и культуры был убежден в колоссальном значении преемственности традиций как одного из источников пути развития. Иными словами, как языковую систему, так и общий путь исторического развития государства он видел не в «закостенении» традиций и устоев, а в развитии и преумножении достоинств прошлого, в обращении к исконному.

При этом следует отметить, что непосредственно к отечественной истории К. С. Аксаковым не были применены основы гегелевской философии. Философические рамки ему казались недостаточными для обозрения русского исторического пути.

В юности К. С. Аксаков начал работать над переводами немецкой литературы с последующей публикацией. В кружке Станкевича он не только штудировал Канта, Фихте и Гегеля, но и обсуждал с друзьями творения Шиллера, Гете. Поэтому Герцен не случайно называл их «немцами».

Летом 1838 г. с целью более глубокого изучения немецкой философии и культуры Аксаков отправился в путешествие в Германию и Швейцарию, в первый и единственный раз в жизни разлучившись со своей семьей. Он посетил Кенигсберг, Берлин, Дрезден, Лейпциг, Веймар, Висбаден, Франкфурт, Страсбург, Базель, Люцерн, Мюнхен, Кельн, Гамбург и другие города.

Публицист, по воспоминаниям, питал крайне теплое чувство к Германии. Тем не менее, в письмах он отмечал, что именно там, на удивление для себя, он столкнулся с пренебрежением и даже презрением к русским. После антинаполеоновской борьбы, по мнению К. С. Аксакова, сложились все предпосылки для близкого контакта обоих государств, вследствие чего данный факт вызвал в публицисте глубокое непонимание.

Тем не менее, как отмечал К. С. Аксаков в своих воспоминаниях, попадались ему и увлеченные, восторженные российской культурой собеседники, внимавшие его рассуждениям. И в целом более близкое знакомство с германским культурным наследием вызывало в теоретике теплое чувство. Наиболее восторженное письмо было отправлено московским путешественником 4 июля из Дрездена, прославленного своими собраниями живописи. Только здесь перед Аксаковым явилась та Германия, которую он называет «моя».

В Германии у него формируется прослеживаемая в его собственном творчестве литературная идея «догнать облако детства». Петровская О. В. отмечала, что К. С. Аксакову «как никому другому в русской романтической литературе удастся приблизиться к самой сути романтического мифа о детстве» [9]. Тем самым, данные романтические начала в его творчестве непосредственно связаны были и с его периодом детства и юности, «патриархальностью» быта, «исконной русскостью», что в перспективе во многом стало первоосновой его публицистических трудов.

Тем не менее планируемое путешествие сократилось и не продлилось и полугодом, что было обусловлено характерной для российских путешественников тоской по родным местам. К. С. Аксаков навсегда возвращается в Москву, периодически выезжая лишь в загородную усадьбу в Абрамцево.

Имение находилось в живописных окрестностях древнерусского города Радонеж, неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. В 1859 г., вспоминая свою единственную поездку за границу, Константин Сергеевич писал: «Была и я сам, уж давно, за границей. Немцев любил я тогда; Я полетел к ним крылатую птицу, думал прожить там годы. Скоро чужие края мне наскучили: В них я ведь сам был чужой. Дома, в отечестве, – ясно ли, тучи ли, – Всякому делу я свой» [4].

Знаменательным событием в жизни К. С. Аксакова стало знакомство с А. С. Хомяковым, основоположником теории славянофильства, представивший ему «ясное, полное и цельное понимание Русской земли». Брат К. С. Аксакова, Иван, отметил, что для развития взглядов теоретика это было ключевым аспектом, что впоследствии отметит и сам Хомяков, ключевым образом повлиявший на его теоретические воззрения. Он имел разностороннее образование, превосходно владел речевым искусством и свободно вел дискуссии, во многом потому, предполагается, его влияние на К. С. Аксакова было столь велико. Он полагал, что «изустное слово плодотворнее писанного; оно живит слушающего и еще более говорящего».

Спустя почти десятилетие после первой встречи, в конце 1849 г., К. С. Аксаков писал: «Один Хомяков (сама справедливость требует этого сказать) понимал ложность Западной дороги, которою мы шли, понимал самостоятельность нравственной задачи для Русской земли» [4].

Они неоднократно поднимали религиозные вопросы, сходились в понимании несовершенства «исторического мира, в который облечена церковь». Во многом благодаря ему К. С. Аксаков пришел к более зрелому религиозному мировоззрению, отказываясь от былых «наивных высказываний» [10].

В. З. Завитневич отмечал, говоря о процессе формирования теоретических взглядов К. С. Аксакова, что славянофильство в его миропонимании не было оторванным от жизни плодом воображения, не было оголтелым консерватизмом, но в то же время не впадало в крайность подражания Европе [6]. Оно, в понимании автора, стало естественным процессом борьбы за национальную и культурную самобытность России.

По окончании в 1835 г. полного курса Московского университета К. Аксаков написал магистерскую диссертацию на тему: «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Она фактически стала апофеозом его теоретических воззрений, ознаменовав итоги формирования их основы. Выбор темы был предопределен личным отношением автора к труду М. Ломоносова, передаваемым в его семье из поколения в поколение [2].

На процесс ее написания, содержание и, соответственно, общие теоретические воззрения К. С. Аксакова повлиял спор с В. Белинским. Виссарион Белинский в своем письме весьма субъективно выразился о нем как о писателе, принизив его значение: «Говорят, что он в литературе – Петр, а мне кажется, что даже и не Меньшиков». Такое высказывание критика возмутило пылкого Аксакова. Узнав о публикации в ноябре 1841 г. рецензии Белинского на собрание сочинений М. В. Ломоносова и даже еще не прочитав ее, он писал отцу: «Я воображаю, что он там наврал, наверно, о Ломоносове; на это точно надо отвечать диссертацией. Предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался» [5].

Несмотря на отмеченные недостатки, диссертация представляла собой яркое творческое осмысление основных проблем русской истории и культуры, в ней наметились уже важнейшие линии историософской концепции К. С. Аксакова. Соответственно, ее написание подвело итог формированию теоретических воззрений автора, предвосхитив дальнейшую масштабную публицистическую деятельность.

Зрелый К. С. Аксаков обратился к историографической деятельности. На этом поприще он стремился выступать как ученый. Он изучал летописи, древние акты и грамоты, вступал в полемику с С. М. Соловьевым, в этот период начавшим выпускать «Историю России с древнейших времен»; с западниками обсуждал, полемизируя, природу общинного и родового быта в Древней Руси.

К. С. Аксаков поддерживал доброжелательные, положительные отношения как со славянофилами, так и с западниками, что также обуславливает возможности взаимовлияния их воззрений. Поддерживая широкий круг общения, он обращается и к результатам теоретических трудов своего круга, в особенности, затрагивающим проблематику российской истории. Соответственно, труд С. М. Соловьева также оказал весомую долю влияния на общие воззрения К. С. Аксакова.

«История России...» претендовала на полное и завершённое исследование, но фактографическая точность, которой владел историк, по мнению К. С. Аксакова, не гарантировала полного осмысления отечественной истории, тем более так называемой «Святой Руси» в ее сущности. Соответственно, и сам С. М. Соловьев не в полной мере был согласен с историческими оценками и формулировками в трудах К. С. Аксакова, который большое внимание уделял, прежде всего, этическому вопросу.

В частности, публицистом отмечалась невозможность отделить древнерусскую историю, развитие ее культуры и литературы от церковной истории. Уникальны были и его оценки исторических фигур, в определенной мере в противовес С. М. Соловьеву (например, Ивана IV), прежде всего, как личности «художественной природы». Таким образом, исторические труды обоих авторов дополняли друг друга, несмотря на их полемику, что позволяет говорить о взаимовлиянии их взглядов.

К. С. Аксаков испытывал на себе влияние представителей западнического течения. Так, несмотря на идейное противодействие, он с большой симпатией относился к фигуре Т. Н. Грановского. Для современников, в том числе А. И. Герцена, это были во многом противоположные фигуры: по словам автора, «когда оба стана уже заняли свои позиции «на барьере», требовались две, на первый взгляд, противоположные личности, оттеняющие и взаимодополняющие друг друга: один — обладающий даром соединения, другой — не допускающий никаких уступок». Фигурой «без уступок» и выступал К. С. Аксаков, в своем письме Н. С. Соханской признававшийся, что «славянофилы ни разу в жизни не делали уступок» [3].

Современники отмечали подобную твердость воззрений, говоря о том, что даже среди своих он порою оказывался «чужим». Так, например, категоричность суждений К. С. Аксакова порой ужасали, по его же словам, Ю. Ф. Самарина, который характеризовал эту черту публициста как «бесплодную» — например, относительно его высказываний об отрицании возможности всякой общей пользы от службы. Но в дискуссиях также формировались и укоренялись теоретические взгляды К. С. Аксакова, что позволяет исследователям также судить о взаимодополняемости взглядов общественных деятелей.

Сам Ю. Ф. Самарин говорил: «Во всех вопросах, в которых мы расходились, я должен признать, что твое мнение истинно, как половина полной истины», в чем, очевидно, выражалась и категоричность, и однополярность, но при этом точность суждений К. С. Аксакова, в восприятии современников, в том числе представителей западнического течения [7].

Исходя из анализа эпистолярных источников, воспоминаний современников (например, подборки, собранной Иваном Аксаковым, «Письма к родным») следует отметить, что вне публицистической полемики обширно было личное общение К. С. Аксакова с представителями обоих течений, где обсуждались вопросы «не только идеологического, или эстетического, но и мировоззренческого, духовного плана» [3], что также демонстрирует процесс становление взглядов теоретика.

Таким образом, ключевыми источниками формирования теоретических взглядов К. С. Аксакова были следующие: особенности семейного уклада и влияние его семьи, сформировавшие в нем патриотическое отношение к родине, прочное представление о патриархальности, традиционализме исконного русского пути; гегельянство и немецкое просвещение в целом, обусловившее формирование представлений о самобытности культуры, примененное в понимании теоретика в отношении культуры русской; окружение сторонников славянофильских взглядов и, прежде всего, А. Хомяков, сформировавший в К. С. Аксакове полное понимание «Русской земли»; дискуссии с западниками, в контексте которых у теоретика упрочились этические представления, понимание духовности русской культуры.

Литература:

1. Аксаков, К. С. Воспоминания студенчества 1832–1835 гг.: с прил. портр. К. С. Аксакова, неизд. стихотворения и отклика А. И. Герцена на его кончину/ К. С. Аксаков. – СПб: Огни, 1911. — 42 с.
2. Аксаков, К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка/ К. С. Аксаков. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. — 104 с. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/aksakov_lomonosov_v_istorii_russkoj_literatury_i_yazyka_2011_text.pdf. Дата обращения: 30.05.2026.
3. Аксаков, И. С. Очерк семейного быта Аксаковых/ И слово правды... авторский сборник. Сост. М. А. Чванов. — Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1986. — С. 298–308.
4. Аксаков, К. С. Поездка в чужие края К. С. Аксакова: Письма к родным// Богословский вестник. — 1916. — № 3–4. — Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20080218073747/http://www.bogoslov.ru/bv/text/177275/index.html> Дата обращения: 12.06.2026.
5. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т./ В. Г. Белинский/ ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков и др.; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1959.
6. Завитневич, В. З. Значение первых славянофилов в делах уяснения идей народности и самобытности/ В. З. Завитневич. — Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1891. — 45 с.
7. Кустова, П. С. Либеральные движения в России XIX века// Россия и мир в исторической ретроспективе. Материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. — В 3 т. — Том 2. СПб, 2023. — С. 1102–1107. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_52079925_11091439.pdf#page=1103. Дата обращения: 30.11.2025.
8. Панаев, И. И. Литературные воспоминания/ И. И. Панаев. — М.: Правда, 1988. — 465 с.
9. Петровская, О. В. Эволюция российской государственности на рубеже XVIII — XIX вв.: либеральная и консервативная тенденции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ Петровская О. В. — М., 2010. — 22 с. — Режим доступа: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01004902541.pdf?ver=9. Дата обращения: 30.11.2025.
10. Хомяков, А. С. Письма к Аксаковым/ Полное собрание сочинений. — Т. 3. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksey_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-8/16. Дата обращения: 30.05.2026.

Научно-фондовая и охранный работа музеев СССР в годы Великой Отечественной войны

Прокофьева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент;
Мирзабекова Диана Рамильевна, студент

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета

В годы Великой Отечественной войны перед музеями страны стояла задача не только сохранить культурное наследие от физического уничтожения, но и продолжать научную работу, вести комплектование фондов, обеспечивать учет и хранение поступающих материалов. Эта деятельность приобрела особое значение в контексте сохранения исторической памяти, поскольку именно в годы войны были заложены основы для послевоенного восстановления музейного дела и создана документальная база для изучения событий военного времени.

Уже в первые дни войны музеи начали перестраивать свою работу в соответствии с требованиями военного времени. В Государственном историческом музее в Москве из 250 сотрудников 98 ушли на фронт, женщины с малолетними детьми были отправлены в эвакуацию. Оставшиеся в столице музейщики наладили постоянную охрану здания, вели ночные дежурства, занимались светомаскировкой. Сотни тысяч музейных предметов в первые же дни войны были перемещены из музейных

залов в подвалы, чтобы защитить их от бомбежек. Наиболее ценные экспонаты подлежали эвакуации, а вместо них макетно-муляжная мастерская спешно готовила и размещала в залах копии [11]. Исторический музей стал единственным в столице музеем, который не прекращал работу в годы Великой Отечественной войны. Огромные усилия потребовались для эвакуации музейных коллекций из прифронтовой полосы. Наиболее ценные собрания отправлялись в глубокий тыл, где для них создавались специальные хранилища. Всего в годы войны для музеев в глубоком тылу было создано 9 крупных специализированных фондохранилищ [3].

Пути следования эвакуационных караванов были засекречены, пункты назначения и детали транспортировки знал только ограниченный круг ответственных лиц. В глубоком тылу было создано девять крупных хранилищ эвакуированных музейных ценностей. Всего же из 41 художественного музея, входившего в систему Управления по делам искусств, осуществили эвакуацию 21 музея.

Особого внимания заслуживает история эвакуации коллекций Государственного исторического музея. 24 июля 1941 г. коллекции, упакованные в 932 ящика, были перевезены в Южный порт Москвы. В ночь на 25 июля ценный груз чуть не погиб, когда началась бомбардировка окраин города и порта, в результате чего возник пожар недалеко от музейных грузов. Тем не менее ящики были погружены на баржу для дальнейшей эвакуации в город Хвалынск [5]. На барже под номером 1717 отправилось в эвакуацию «Государственное хранилище № 1». Вместе с Историческим музеем на барже находились грузы нескольких московских музеев: Биологического, Этнографического, Музея революции, Музея Восточных культур, а также наиболее редкие и ценные книги из крупнейших библиотек страны. Ответственным за грузы Исторического музея был назначен археолог А. Я. Брюсов, брат поэта Валерия Брюсова. Сопровождать груз на восток досталось немолодым мужчинам и хрупким женщинам, поскольку почти все мужчины, способные носить оружие, уже были на фронте и в ополчении. Среди сопровождающих были заведующий отделом металла Н. Р. Левинсон, старший научный сотрудник отдела драгоценных металлов М. М. Постникова, старший научный сотрудник отдела тканей М. Н. Левинсон-Нечаева, научный сотрудник отдела феодализма Н. М. Узунова, заведующая библиотекой Н. П. Зверева и др.

16 августа 1941 г. караван причалил к пристани города Вольска. С большим трудом сотрудники музея перегрузили сотни тяжелых ящиков на дощаники, так как баржи по мелководью Волги пройти к Хвалынску не могли. В Хвалынске Госхранилище разместилось в здании школы в самом центре города. Почти три месяца прожили музейщики в Хвалынске, налаживая быт и привыкая к новым условиям. Но в октябре 1941 г. стали приходить неутешительные сообщения с фронта — в Поволжье стали появляться немецкие самолеты. Стало ясно, что Хвалынск не лучшее место для хранения музейных ценностей: город не имеет железнодорожного сообщения, а по воде можно передвигаться только летом. На общем собрании сотрудников Госхранилища было принято решение двигаться дальше вглубь страны, в казахские степи, в город Кустанай [5].

Из Хвалынска тронулись уже по снегу 7 ноября 1941 г. В порту Вольска ящики Госхранилища перегрузили в трюмы пароходов, а затем в Увекe перегрузили в железнодорожный эшелон: 9 вагонов с коллекциями и 2 вагона с людьми. До Кустаная в холодном нетопленном эшелоне ехали более двух недель. В дороге многие заболели малярией и простудой, некоторые получили обморожение. В Кустанае Госхранилище разместилось в каменном здании Облфинотдела, где и прошли три года эвакуации [5].

В эвакуации музейные работники продолжали научную работу, несмотря на тяжелейшие бытовые условия. Люди науки, москвичи, привыкшие к бытовым удобствам, попали в совершенно иную обстановку. Постоянно не хватало предметов первой необходимости — мыла, соли, спичек, дров и угля. Многие недоедали, чтобы выжить,

продавали или обменивали последние бытовые вещи. Весной работали на огородах, которые им выделил город, осваивали молотилку, трудились в поле, копая заросшую дерном целину, выращивая картофель и овощи. Особенно тяжело хранителям было в зимние месяцы, когда они жили, не снимая шуб, спали в холодных и сырых постелях, часто на голой фанере. Несмотря на все трудности, музейщики жили как одна большая семья: помогали друг другу, делились последним куском хлеба, выхаживали больных, вместе отмечали праздники и оплакивали погибших [4].

Уникальной была история спасения ценностей Троице-Сергиевой лавры. Государственный музей в стенах Троице-Сергиевой лавры был организован декретом СНК от 20 апреля 1920 г., а постановлением СНК РСФСР от 1 февраля 1940 г. вся территория музея в пределах крепостных стен объявлялась музеем-заповедником республиканского значения. К 1 июля 1941 г. был определен состав первых готовых к отправке ящиков с экспонатами. Всего было подготовлено 42 ящика ценного груза — экспонатов 1-й категории: предметов из драгоценных металлов, камней, жемчуга — церковная утварь, ядро коллекции икон и мелкой пластики, уникальные произведения древнерусского шитья и церковные облачения, рукописные и печатные книги в драгоценных окладах. В каждом ящике, в зависимости от размеров экспонатов, насчитывалось от 4 до 140 предметов. Отдельно были упакованы драгоценная риза XVI–XVIII вв. на икону «Троица» Андрея Рублева и так называемая «Жемчужная» шитая пелена «Крест на Голгофе» 1599 г. — вклад в Троицкий монастырь царя Бориса Годунова [4].

19 июля 1941 г. подготовили к упаковке, поместив затем в отдельный ящик, серебряную раку, внутри которой под тремя печатями Загорского райотдела НКВД находились мощи преподобного Сергия Радонежского. 25 июля 1941 г. на основании распоряжения Управления по делам искусств ценности Загорского музея-заповедника были переданы на хранение в Государственный Исторический музей. Транспортировка груза к новому месту хранения осуществлялась водным путем централизованно в соответствии с общим планом эвакуации художественных музеев.

В двадцатых числах августа эвакуационный «караван» прибыл в Горький, в сентябре продолжил свой путь по Каме в Пермь, а в первой половине октября обледеневшая баржа достигла пункта назначения Соликамска. «Загорские» экспонаты были размещены вместе с ценностями других девяти эвакуированных музеев и выставок (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Музея Восточных культур, Музея керамики и усадьбы Кусково, Центрального театрального музея им. Бахрушина и других) в здании, принадлежавшем местному краеведческому музею, трехэтажном летнем Троицком соборе XVII в. Новое хранилище было просторным по площади около тысячи квадратных метров, но, к сожалению, неотапливаемым.

Сотрудники Эрмитажа, эвакуированные в Свердловск, также продолжали научную работу. В. Ф. Левинсон-Лессинг, который все четыре года войны был директором

Свердловского филиала Эрмитажа, в сентябре 1942 г. отправился на самолете в осажденный Ленинград со списками книг и документов, необходимых его сотрудникам для продолжения научной работы [8]. Несколько недель ушло на то, чтобы собрать и упаковать библиотеку и рукописи, которых набрался целый вагон. Доставленные в Свердловск книги и личные архивы позволили сотрудникам вернуться к научной и музейной работе. Е. Г. Пчелина и Т. А. Измайлова закончили в Свердловске кандидатские диссертации и успешно защитились в Московском университете в 1944 г. Востоковеды М. Э. Матъе и И. М. Лурье в 1945 г. защитили докторские диссертации [8].

Сотрудники Политехнического музея также вели активную работу по сохранению научно-технического наследия в годы войны. Музей не просто сохранил для будущих поколений богатое наследие, но и продолжал оставаться в эти трудные годы центром культурной и просветительской работы. Многие экспонаты из коллекции музея, относящиеся к технике военных лет, помогали организовать жизнь и быт на фронте [12].

Важнейшим направлением работы музеев в годы войны стало комплектование фондов материалами, связанными с событиями военного времени. Уже в конце 1941 г. музеи начали формировать коллекции экспонатов военного времени. Основные направления комплектования были определены в директивном письме от 15 июля 1941 г. «Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР», где предписывалось всю массовую и научно-исследовательскую работу подчинить интересам Отечественной войны и задаче разгрома врага [2].

Перед музеями ставилась задача сбора самых разных материалов: печатных многотиражных газет, начиная с 22 июня 1941 г.; писем с фронта с рассказами о жестокостях и зверствах врага; биографий и автобиографий героев Великой Отечественной войны, их фотографий, дневников, документов; материалов о связи тыловых районов с воинскими частями; материалов о трудовом героизме рабочих, колхозников, служащих; о работе школьных коллективов, библиотек, агитпунктов; автобиографий героев трудового фронта с описанием их подвигов; материалов о сборах средств в фонд обороны, о сборах теплых вещей, об отправке посылок бойцам, о донорстве.

Особое внимание уделялось сбору материалов местного народного творчества, связанных с войной: сказок, поговорок, частушек, анекдотов, стихотворений, музыкальных произведений. В директивном письме, адресованном уполномоченному комиссии по собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны, указывалось, что при сборе и оформлении этих материалов необходимо всегда учитывать экономические, географические, национальные условия каждого района, села, города и их влияние на описываемые события.

В Государственном историческом музее сбор материалов по военной тематике велся активно и целенаправленно. Сотрудниками собирались подлинные памятники — оружие, документы, обмундирование, фото-

графии, рисунки, листовки, агитационные плакаты «Окон ТАСС», личные вещи солдат и офицеров [6]. Была подготовлена передвижная выставка, посвященная защитникам Москвы. С ней сотрудники музея выезжали в воинские части, на предприятия, выступали с лекциями перед жителями города. Обычно такие встречи заканчивались призывом собирать памятники и документы войны и передавать их в Исторический музей. За годы войны в музее были собраны целые коллекции по истории отдельных воинских частей [6].

В Ойротском краеведческом музее (ныне Национальный музей Республики Алтай) в годы войны штат сотрудников резко сократился многие ушли на фронт. 23 июня 1941 г. на основании повестки городского военкомата были произведены денежные расчеты с военнообязанными сотрудниками музея. 15 июля 1941 г. автомашина музея была передана в распоряжение военкомата. В соответствии с постановлением о всеобщей обязательной подготовке населения по противовоздушной обороне все сотрудники сдали нормы ПВХО.

Несмотря на трудности, музей продолжал работу по сохранению и пополнению фондов. В сентябре 1941 г. во исполнение приказа Наркома Просвещения с экспозиций музея были убраны все цифровые данные, характеризующие экономику страны, топографические материалы, географические карты, планы городов, сел, совхозов и колхозов, промышленных предприятий, а также фотографии заводов и предприятий [11].

В годы войны музеи вынуждены были приспособляться к новым условиям хранения фондов. В Кирове музейное здание было передано под общежитие Коломенского завода, и у музея остались только четыре комнаты на первом этаже. Экспозиции сворачивали, коллекции упаковывали в ящики, сундуки и относили в эти четыре комнаты. Часть коллекций пришлось передать на хранение в другие учреждения: около 31 документа по истории Вятской парторганизации отправили в партийный архив, 10 тысяч книг передали библиотеке имени Герцена, около 2 тысяч книг и журналов опытной станции имени Рудницкого [7].

Сотрудники музея в эвакуации продолжали научную работу. Так, в Кирове, несмотря на то что штат музея сократился с двадцати человек до пяти женщин, работа проводилась огромная и сложная. В 1944 г. в музей пришла работать Е. Москалец, которая проделала колоссальную работу по внесению предметов из коллекции музея в новые книги по учету фондов. В 1944 г. она внесла около 7 тысяч предметов, в 1945 г. свыше 12 тысяч [7].

Ишимский историко-краеведческий музей также активно участвовал в сохранении памяти о войне. С первых дней войны ишимцы, как и все жители Омской области, узнали о нападении нацистской Германии на Советский Союз. В первый день войны со всего города и его окрестностей на центральную Октябрьскую площадь пришло около 8 тысяч ишимцев. На выставках музея представлены предметы помощи фронту: местные предприятия напри-

вили свои силы на помощь фронту — ликероводочный завод выпускал мазь от обморожения, рабочие завода отливали корпуса для мин и минометов, артель им. Ильича выпускала фуфайки, брюки и рукавицы, пимокатная мастерская изготавливала валенки для фронта и другую обувь. На выставках музея представлены снаряды, мины и мазь от обморожения [13].

Трагической была судьба писательских усадеб, оказавшихся на оккупированной территории. Музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» подвергся наибольшему разрушению. В июле 1941 г. музей заняли фашистские войска. В течение трех лет оккупации они разрушали, расхищали и грабили музей, уничтожали парк и лес заповедника [1]. Надругались над надгробьем А. С. Пушкина, а из самой могилы поэта устроили западню — ее заминировали. Всего после освобождения музея от фашистских захватчиков было обезврежено до трех тысяч мин. Михайловское было освобождено 12 июля 1944 г. Спустя годы усадьба была восстановлена во многом благодаря С. С. Гейченко, который возглавлял музей 45 лет и организовал воссоздание мемориального музея-заповедника [9; 10].

Родовое имение И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» в самом начале войны попало под обстрелы. Хранители музея написали письмо в Москву с просьбой о принятии мер по эвакуации экспонатов в тыл страны. 5 августа 1941 г. началась эвакуация. 23 дня упакованные экспонаты ехали вглубь страны. Принял экспозицию Пензенский краеведческий музей, который сам находился в стесненных условиях. В Спасской усадьбе оставались фотокопии тургеневской выставки, сельскохозяйственный инвентарь, два коня, один научный сотрудник, комендант, два сторожа, конюх и пасечник. В ночь с 24 на 25 октября 1941 г. Спасское было оставлено советскими войсками, и до конца декабря в усадьбе размещалась волостная управа оккупационных властей. За несколько месяцев пребывания фашистов в усадьбе были разрушены церковь, мавзолей, каретный сарай, конюшня, усадебный погреб и частично «флигель изгнанника». В парке и садах было спилено более 800 деревьев [9].

Ясная Поляна также пострадала во время войны-оккупанты бесчинствовали в ней около двух месяцев. Часть экспозиции и наиболее ценные вещи хранители успели спасти и эвакуировать. Ценности были погружены в вагон для отправки в эвакуацию. Полтора месяца экспонаты добирались по заснеженным путям в Томск, где до окончания войны хранились в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Возвращение музейных ценностей из эвакуации началось после коренного перелома в ходе войны. 18 мая 1944 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР издал приказ № 234, в котором говорилось: «Резэвакуацию ценностей художественных музеев производить в каждом отдельном случае только с разрешения Комитета по делам искусств при СНК СССР и лишь при наличии помещения, вполне подготовленного к приему резэвакуируемых фондов». 4 октября 1944 г. было принято постановление СНК СССР № 1335 о возвращении из тыла коллекций художественных музеев Москвы и Московской области.

В ноябре 1945 г. залы Эрмитажа, восстановленные после войны, были открыты для публики. Однако реставрация залов и зданий, в которые попали 17 артиллерийских снарядов и две авиационные бомбы, продолжалась еще долгие годы [8].

Таким образом, научно-фондовая и охранный работа музеев в годы Великой Отечественной войны представляла собой уникальный феномен. Несмотря на все трудности — голод, холод, бомбежки, отсутствие самых необходимых вещей, музеи сумели сохранить национальное культурное наследие и создать основу для его дальнейшего изучения и популяризации. Опыт военных лет убедительно доказал, что музей — это не просто хранилище культурных ценностей, но и важнейший институт сохранения исторической памяти, функционирование которого необходимо даже в самых экстремальных условиях. Сотрудники музеев, многие из которых ценой собственной жизни защищали вверенные им коллекции, совершили настоящий гражданский подвиг, сохранив для будущих поколений свидетельства великой трагедии и великой победы.

Литература:

1. Балтун П. К. Русский музей — эвакуация, блокада, восстановление. — Режим доступа: <https://www.shamardanov.ru/petr-kazimirovich-baltun-russkij-muzej-evakuacziya-blokada-vosstanovlenie-skachat-pdf.html>. Дата обращения: 27.02.2026.
2. Вот изгоним и уничтожим немцев, вновь будем создавать новую экспозицию. Обращение музейно-краеведческого отдела Наркомпроса «Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР». — Режим доступа: <http://projects.museumpereslavl.ru/redstring/voina/str4.html>. Дата обращения 28.03.2026.
3. Гаганова, М. А. Военные дороги музейных коллекций. — Режим доступа: <https://rodina-history.ru/2015/09/10/rodina-lavra.html> Дата обращения: 13.04.2026.
4. Гаганова, М. А. Троице-Сергиева лавра и государственная культурная политика (1918–1941 гг.)// Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2013. — № 7 (108). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/troitse-sergieva-lavra-i-gosudarstvennaya-kulturnaya-politika-1918-1941-gg-1> Дата обращения: 12.04.2026.
5. Государственный исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Режим доступа: <https://blog.mediashm.ru/?p=3431>. Дата обращения: 12.04.2026.

6. Государственный исторический музей. — Режим доступа: <https://shm.ru/iwt/evacuation.html?v=6> Дата обращения: 13.04.2026.
7. Медведева, М. Хранители Победы. Как музей сохранял коллекции в годы войны// Аргументы и Факты. — № 23. — Режим доступа: <https://kirov.aif.ru/gazeta/number/57611>. Дата обращения: 14.04.2026.
8. Наука под артобстрелом: научная деятельность сотрудников Эрмитажа во время блокады// Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. — Режим доступа: <https://smolensk.spbume.ru/ru/viewnews/7509/>. Дата обращения: 11.04.2026.
9. Подвиг хранителей. Писательские усадьбы в годы войны. — Режим доступа: <https://library.vladimir.ru/news/vystavka-podvig-xranitelej-pisatelskie-usadby-v-gody-vojny.html>. Дата обращения 10.04.2026.
10. Подвиг хранителей. Писательские усадьбы в годы войны. — Режим доступа: <https://library.vladimir.ru/news/vystavka-podvig-xranitelej-pisatelskie-usadby-v-gody-vojny.html>. Дата обращения: 10.04.2026.
11. Работа Ойротского краеведческого музея в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Режим доступа: <https://musey-anohina.ru/index.php/75-let-pobedy/item/1179-osnovnye-napravleniya-raboty-oirotskogo-kraevedcheskogo-muzeya-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg>. Дата обращения: 14.04.2026.
12. Павлова, В. Сохранение научно-технического наследия в годы Великой Отечественной войны. — Режим доступа: https://vkvideo.ru/video-31990499_456240174. Дата обращения: 15.04.2026.
13. Филиппов, А. А. Ишим в годы Великой Отечественной войны (на примере фондов Ишимского историко-краеведческого музея)// Вопросы исторической науки: материалы II Междунар. науч. конф. — Челябинск: Два комсомольца, 2013. — С. 73–75. — Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/85/3871>. Дата обращения: 16.04.2026.

Общественный подъем и ранний этап волнений в студенческой среде в период правления императора Александра II

Рыбалкина Ульяна Сергеевна, студент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается процесс зарождения и эволюции революционных настроений в студенческой среде России в начальный период царствования императора Александра II (1861–1864 гг.). Анализируется влияние крестьянской реформы 1861 года на мировоззрение учащейся молодёжи. Исследуются причины массовых студенческих волнений, вызванных так называемыми «путятинскими правилами». Особое внимание уделяется формированию радикальной идеологии, нашедшей выражение в прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневского, а также деятельности первой тайной организации «Земля и воля». Автор приходит к выводу, что именно в указанный период были заложены основные тактические и идейные основания для последующего развития революционного народничества.

Ключевые слова: Александр II, студенческое движение, революционный радикализм, «путятинские правила», «Молодая Россия», П. Г. Заичневский, «Земля и воля», народничество, университетские уставы, общественное движение 1860-х годов.

The social upsurge and the early phase of unrest among students during the reign of Emperor Alexander II

The article examines the process of the emergence and evolution of revolutionary sentiments among Russian students during the early reign of Emperor Alexander II (1861–1864). It analyzes the impact of the 1861 peasant reform on the worldview of students and explores the causes of mass student protests caused by the so-called «Putyatín Rules». The article focuses on the formation of a radical ideology, which was expressed in the proclamation «Young Russia» by P. G. Zaichnevsky, as well as the activities of the first secret organization, «Zemlya i Volya». The author concludes that it was during this period that the main tactical and ideological foundations for the subsequent development of revolutionary populism were laid.

Keywords: Alexander II, the student movement, revolutionary radicalism, the «Putyatín Rules», Young Russia, P. G. Zaichnevsky, Zemlya i Volya, populism, university regulations, and the social movement of the 1860s.

Начало царствования Александра II современники не случайно называли «первой весной» и «оттепелью». Атмосфера всеобщего ожидания перемен, свя-

занных с грядущей отменой крепостного права, охватила все слои российского общества. Однако обнародование 19 февраля 1861 года «Положений о крестьянах, вышедших

из крепостной зависимости» не оправдало надежд ни крестьянства, ни радикально настроенной интеллигенции. Крестьяне, ждавшие «полной воли», ответили вспышкой недовольства: только за 1861 год было зафиксировано 1 176 выступлений, многие из которых подавлялись с привлечением войск [7, с. 7]. Этот разрыв между ожидаемым и действительным стал тем импульсом, который запустил механизм политизации наиболее восприимчивой к новым веяниям социальной группы — университетского студенчества.

Роль университетов в общественно-политической жизни той эпохи трудно переоценить. Как точно подметил известный хирург и педагог Н. И. Пирогов, высшие учебные заведения превратились в своего рода «барометр общества», мгновенно реагирующий на любые изменения политического климата [3, с. 45]. Студенческая молодёжь, по справедливому замечанию В. Р. Лейкиной-Свирской, отличалась наибольшей мобильностью и восприимчивостью к новым идеям, что делало её авангардом общественного движения [5, с. 15–16].

Поводом для первого масштабного взрыва студенческого недовольства послужили административные нововведения нового министра народного просвещения адмирала Е. В. Путятин. В мае 1861 года, в самый разгар экзаменационной сессии, без каких-либо консультаций с университетскими советами были введены так называемые «путятинские правила». Суть их сводилась к трём основным пунктам: значительное повышение платы за обучение, фактически закрывавшее двери университетов для разночинной молодёжи; введение обязательных матрикул (зачётных книжек) и строгого контроля за посещаемостью; а также запрет студенческих касс взаимопомощи и любых корпоративных объединений — единственной легальной формы проявления солидарности [8, с. 216].

Реакция студентов не заставила себя ждать. Осенью 1861 года волнения охватили Петербург, Москву, Киев, Казань и Харьков [4, с. 108]. Масштабнее всего события развернулись в столичном университете, где студенты демонстративно уничтожали новые матрикулы и требовали отставки ненавистного министра. 12 сентября, как свидетельствуют воспоминания, профессора обнаружили свои аудитории пустыми [1, с. 214]. Венцом противостояния стал императорский указ от 22 сентября 1861 года о временном закрытии Петербургского университета. Почти половина студентов была арестована и отчислена. Восстановление учебного процесса шло медленно: физико-математический факультет открылся только осенью 1862 года, а полноценная работа университета возобновилась годом позже — уже на основе нового Университетского устава 1863 года.

В Киеве студенческие протесты обрели специфическую окраску, тесно переплетаясь с польским национально-освободительным движением. 31 мая 1861 года последовало высочайшее повеление об усилении надзора за студентами университета Св. Владимира и предоставлении киевскому генерал-губернатору права исключать участников волнений. Значительная часть польской мо-

лодёжи использовала траурные манифестации и религиозные церемонии для выражения протеста против имперской политики [6, л. 4].

Массовые исключения породили новую социальную группу — «изгнанников науки», как назвал их А. И. Герцен на страницах «Колокола». В октябре 1861 года он обратился к ним с призывом, ставшим программным: «Но куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?.. Сказать вам куда?.. В народ! К народу! — вот ваше место, изгнанники науки...» [8, с. 216]. Молодые люди, лишённые возможности продолжать образование и поступить на государственную службу из-за клейма «неблагонадёжных», оказались в социальном вакууме. Путь в деревню — в земские школы, фельдшерские пункты, на должности землемеров — становился для них не только способом выжить, но и формой практической реализации своего протеста.

Если волнения 1861 года носили преимущественно стихийный, протестный характер, то уже следующий год ознаменовался началом идейного оформления радикального крыла студенчества. Вершиной этого процесса стало появление весной 1862 года прокламации «Молодая Россия», созданной в камере Тверской полицейской части студентом Московского университета Петром Григорьевичем Заичневским. Будущий автор радикального манифеста родился в 1842 году в Орловской губернии, в 1858 году поступил на физико-математический факультет Московского университета, где вместе с П. Аргиропуло участвовал в кружке «Библиотека казанских студентов», занимавшемся распространением запрещённой литературы [4, с. 112]. Арестованный летом 1861 года за пропаганду среди крестьян, Заичневский оказался в достаточно льготных условиях заключения (ему разрешались свидания и посещение бани), что и позволило ему создать текст, опубликованный от имени вымышленного «Центрального Революционного Комитета».

Документ поразил современников экстремизмом. «Выход из этого гнетущего, страшного положения... один — революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка...» — провозглашалось в прокламации. Автор призывал к немедленному уничтожению императорской фамилии и всей «императорской партии», а красное знамя объявлялось символом «социальной и демократической республики Русской». Заичневский открыто заявлял о готовности превзойти якобинцев 1790-х годов по масштабам террора.

Параллельно с идейным оформлением радикализма шёл процесс организационного строительства. В 1861–1862 годах возникла первая тайная революционная организация «Земля и воля». Её вдохновителями выступили А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, а организационное ядро составили А. А. Слепцов, братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи и Н. Н. Обручев [2; 8, с. 200]. Организация объединяла разрозненные кружки, действовавшие в 13–14 городах России — от столиц до Ка-

зани, Перми и Киева. По некоторым данным, численность «Земли и воли» достигала трёх тысяч человек [4, с. 100].

Программные установки организации, изложенные в нелегальной газете «Свобода», включали: подготовку крестьянской революции, созыв бессословного народного собрания, передачу земли крестьянам и установление демократических свобод. Особое место отводилось пропаганде и созданию военной структуры — «Комитета русских офицеров в Польше» под руководством подпоручика А. Потебни, который поддерживал связи с польскими революционерами.

Однако надежды на всенародное восстание, которое ожидалось в 1863 году по истечении срока действия уставных грамот, не оправдались. Крестьянство осталось пассивным, а польское восстание 1863–1864 годов было жестоко подавлено. Летом 1862 года власти нанесли сокрушительный удар по организации, арестовав Н. Г. Чернышевского, А. А. Серно-Соловьевича и радикального публициста Д. И. Писарева. В начале 1864 года «Земля и воля» приняла решение о самороспуске.

Подводя итоги раннего этапа (1861–1864 гг.), можно утверждать, что именно эти годы стали временем зарождения и первичного институционализации революционного движения в студенческой среде. Административные реформы в сфере образования, носившие ярко выра-

женный сословный характер («путятинские правила»), выступили тем спусковым крючком, который запустил процесс политизации молодёжи. Существовавшая в университетах национальная и социальная неоднородность придавала протестам различную окраску: от сугубо социально-экономических требований в столицах до ярко выраженных национально-освободительных лозунгов в Киеве.

От стихийных протестов против ущемления академических свобод студенчество, разочарованное половинчатым характером крестьянской реформы, перешло к радикальной идеологии и попыткам создания общероссийской подпольной организации. Прокламация «Молодая Россия» и деятельность кружка Заичневского заложили теоретическую основу для тактики революционного террора, которая будет доминировать в последующие десятилетия. Именно в эти годы были выработаны основные тактические схемы, доминировавшие в революционном движении вплоть до конца XIX века: от пропаганды и «хождения в народ» (в его просветительском варианте) до идеи царубийства и якобинского заговора. Хотя первая «Земля и воля» потерпела неудачу, её организационный и идейный опыт не был утрачен. Он был осмыслен и усвоен следующим поколением народников, которые в 1870-е годы вновь попытались поднять знамя борьбы с самодержавием.

Литература:

1. Кавелин, К. Д. Записка о беспорядках в Санкт-Петербургском университете осенью 1861 года / К. Д. Кавелин. — Санкт-Петербург, 1892. — 312 с.
2. Корнилов, А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881): исторические очерки / А. А. Корнилов. — Москва: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1909. — 263 с.
3. Корнилов, А. А. Курс истории России XIX века / А. А. Корнилов. — Москва: Высшая школа, 1993. — 446 с.
4. Орлов, В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии / В. И. Орлов. — Москва: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. — 284 с.
5. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В. Р. Лейкина-Свирская. — Москва: Мысль, 1971. — 367 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 733 (Департамент народного просвещения). — Оп. 70. — Д. 1030. — 52 л.
7. Щетинина, Г. И. Студенчество и революционное движение в России, последняя четверть XIX в. / Г. И. Щетинина // Исторические записки. — 1987. — № 115. — С. 5–45.
8. Шелгунов, Н. В. Воспоминания: в 2 т. / Н. В. Шелгунов. — Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. — Т. 1. — 312 с.

Altay Village in Turkey: Survival, Memory, and Ethnic Persistence

Umurbekova Alima Serikovna, master's student
L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

This article examines Altay village in the Ulukışla district of Niğde province, Turkey, the only settlement in the country populated exclusively by Kazakhs. Founded in 1955 by refugees who fled Chinese persecution in Xinjiang and traversed the Himalayas, Kashmir, and Pakistan, the community was established on explicitly religious grounds, its founders seeking refuge in a Muslim country. The community continues to maintain distinct markers of ethnic identity, including the Kazakh language, traditional dress, oral historical memory, musical practice, and customary ritual. The case of Altay thus offers broader insights into the conditions under which diaspora communities sustain ethnic identity in the absence of a territorial homeland.

Keywords: *Kazakh diaspora, Altay village, Turkey, ethnic identity, cultural persistence, oral memory, Xinjiang, diaspora studies.*

The question of how diaspora communities maintain ethnic identity across generations remains one of the central concerns of diaspora studies. While much scholarly attention has been devoted to large and politically visible diasporas, smaller and geographically isolated communities offer equally revealing and often overlooked case studies. Altay village in the Ulukışla district of Niğde province, Turkey, represents precisely such a case. It is the only settlement in Turkey populated exclusively by Kazakhs, located in a region far removed from major urban centres [1].

The origins of the community lie in one of the least documented mass migrations of the twentieth century. The ancestors of Altay's current residents fled Xinjiang in the early 1950s, unwilling to submit to Chinese cultural assimilation, to abandon prayer, adopt Chinese customs, or cut their hair in the Chinese manner. Their elders gathered and resolved to seek a land of Islam, declaring that if they perished, they would die as martyrs, and if they survived, they would live as free Muslims. The journey that followed took them through the Himalayas, across Kashmir and Pakistan, and finally by sea to Turkey, arriving in 1954 [2]. Of approximately 5,000 Kazakhs who set out from Xinjiang, only around one third reached Turkey. On 7 May 1955, the first Kazakhs arrived at the site that would become Altay. Within a year, 165 homes had been constructed, housing around 800 residents. The Turkish state provided land, seeds, machinery, and financial support for construction [3]. The settlers named the village Altay after the Altai Mountains, the region from which their migration had originated. Residents still continue to wear national dress, play the *dombra*, and observe traditional ceremonies and rituals [1]. The older generation speaks a rich Kazakh, while younger members understand the language and can express themselves in it, though Turkish has become dominant in daily life. All homes visited were decorated with Kazakh ornamental textiles, which residents described as an expression of longing for their ancestral land [3].

The Kazakhs of Altay village belong to the Kerey tribe, whose ancestors had settled in the Altai region of what is now the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. Their migration to Turkey was not a sudden displacement but the culmination of decades of persecution, resistance, and ultimately a collective decision to abandon their ancestral lands rather than submit to forced assimilation [2].

The immediate trigger for the exodus was the consolidation of Chinese Communist rule in Xinjiang in the early 1950s. According to the testimony of community elders, Chinese authorities began compelling Kazakh women to cut their hair in the Chinese manner, to abandon daily prayer, and to relinquish their customary way of life. When pressure intensified, the community's elders convened and reached a unanimous resolution: they would seek a Muslim land that would receive them. In the words recorded from one elder, they declared that those who perished on the journey would die as martyrs, and

those who survived would live as free people [2]. The journey that followed was one of extraordinary suffering. The group numbering approximately 5,000 at departure crossed into the Himalayas, where altitude, cold, and starvation claimed lives continuously. Those who fell ill or could no longer walk were left at the roadside, seated against rocks, covered with a *chapan*, with a vessel of water placed beside them. The dead could not always be buried properly; in the frozen mountain terrain, fires were lit for days to thaw the ground sufficiently to dig graves. Of the approximately 5,000 who set out, only around one third survived to reach Turkey [3]. The route took the survivors through Tibet, where they faced armed conflict with Tibetan herdsman before being rescued by Pakistani soldiers, and then into Kashmir, where they spent approximately a year recovering. From Kashmir they travelled by train to the Iraqi port of Basra and from there by sea a month-long voyage to the Turkish port of Tuzla. They arrived in 1954. When American representatives offered to resettle them in the United States, the community's leader Sultanşarip refused, stating that they would go only to a Muslim country, to Turkey, to their blood brothers [2]. This framing of migration as an act of faith rather than mere survival became the foundational narrative of the Altay community and remains central to how residents understand their own history today.

The violence and loss of the migration were not forgotten with settlement. Oral accounts preserved in the community describe scenes of extraordinary trauma: families watching their members die one by one from unknown diseases that caused severe swelling; people driven to madness by grief and subsequently confined in pits in Kashmir so they would not harm themselves or others; children asking their grandmothers when they would see their grandfather again, not understanding that he had been buried in the frozen mountains [3]. These memories, transmitted across generations, constitute what this article argues is one of the primary mechanisms of ethnic persistence in Altay a collective archive of suffering that binds the community to a shared past and a shared identity.

The establishment of Altay village in 1955 marked the end of a journey and the beginning of a new chapter in the history of the Kazakh diaspora in Turkey. The Turkish state's reception of the settlers was, by all accounts preserved in community memory, generous and practically oriented. Land, construction materials, seeds, agricultural machinery, and financial support were provided to enable the newcomers to become self-sufficient as quickly as possible. Within a single year, 165 homes had been built constructed by the settlers themselves with state funding and the village took its permanent shape. The naming of the settlement was itself an act of collective memory. Turkish authorities had initially designated the village "Ural," but the community's elders petitioned for a change, arguing that they had come not from the Urals but from the Altai. The petition was granted, and the village was renamed Altay a deliberate inscription of geographical origin into the landscape of the

new homeland [3]. The name functioned from the outset as a statement of identity: we are people of the Altai, and we carry that with us.

At its demographic peak the village housed approximately 800 residents, and the surrounding land some 20,000 hectares in total was allocated to the community for farming, pasture, and orchards. Each resident received approximately 30 hectares; a family of five would thus have had access to 150 hectares of land. The economic foundation of the community rested on livestock herding, cereal cultivation, and leather craft occupations continuous with the pastoral and artisanal traditions the settlers had brought from Xinjiang. The production of leather goods, particularly sheepskin coats, became a significant source of income and would later follow community members to Istanbul and European cities as they emigrated [3]. Self-governance was built into the community's structure from an early stage. Altay is described by its residents as the only village in Turkey whose entire administration is elected exclusively from among local Kazakhs [3].

Cultural life in the early decades was rich and deliberately maintained. Women continued to produce traditional felt textiles with Kazakh ornamental patterns, which they exchanged for livestock or sold for cash [2]. National dress was worn as

a matter of course. The dombra was played and songs were composed including, notably, a song written by a later village elder about the journey his ancestors had made from the Altai, performed on an instrument he described as sacred. Weddings and traditional ceremonies were conducted according to Kazakh custom. The mosque served not only as a place of worship but as a social centre, and the observance of daily prayer the very practice the community had fled China to preserve became a marker of collective identity as much as individual faith [3].

What Altay demonstrates, ultimately, is that the survival of a diaspora community is not simply a function of numbers. It is a function of the depth of the mechanisms memorial, religious, material, social through which identity is reproduced. The community that arrived in Turkey in 1954 with nothing but its language, its faith, and its memory of the mountains it had crossed built a village, named it after its homeland, and transmitted its identity across four generations against considerable odds. That achievement, whatever the future holds, is itself a significant chapter in the history of the Kazakh diaspora. It is a story of persistence of a small community that has maintained a recognisably distinct identity across four generations, in a remote valley in central Anatolia, far from any institutional support from its nominal homeland.

References:

1. Iskakova D. Photoreport from the Turkish village of Altay, where only Kazakhs live // Kazinform. — 2024. — URL: <https://www.inform.kz/ru/fotoreportazh-iz-turetskogo-sela-altay-gde-prozhivayut-tolko-kazahi-5e756f> (accessed: 10.06.2026).
2. Rakhim R. Kazakhs in Turkey: we survived under fire and found a second homeland // Islam.kz. — URL: <https://islam.kz/ru/articles/istoriya-i-biografiya/kazahi-v-turtsii-my-vyjili-pod-vystrelami-i-obreli-vtoruyu-rodinu-1339/> (accessed: 10.06.2026).
3. Rakhim R. Kazakhs in Turkey: the pain of memories, the triumph of life // 365info.kz. — 2017. — URL: <https://365info.kz/2017/03/kazahi-v-turtsii-bol-vospominanij-triumf-zhizni> (accessed: 10.06.2026).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Роль институтов гражданского общества в преодолении демократического кризиса: анализ современных практик

Селезнев Пересвет Святославич, студент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

Политическая устойчивость особенно уязвима там, где ослабевают демократические ценности; поэтому гражданское общество выступает одним из средств выхода из кризиса демократии. Его роль проявляется через участие граждан в управлении, защиту прав и сохранение общественной активности. Подотчётность власти в таком контексте перестаёт быть отвлечённой нормой; она возникает в пространстве общественного контроля, коллективного запроса и постоянного присутствия граждан в публичной сфере.

Экологические инициативы и программы, ориентированные на поддержку уязвимых групп, наглядно обнаруживают ту зону, где институты гражданского общества в России выходят за пределы частной общественной активности и включаются в решение социальных и экономических задач. В этих практиках проявляется их реальный потенциал: не только выдвижение общественно значимых инициатив, но и участие в выработке ответов на вызовы, от которых зависит состояние политической системы и качество публичного управления.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская активность, демократия, демократический кризис, институт гражданского общества, политический процесс.

Институты гражданского общества в ситуации демократического кризиса становятся одним из ключевых средств его преодоления: через них поддерживается политическая устойчивость, защищаются права граждан, выстраивается взаимодействие общества с государством. Их деятельность связана с утверждением демократических ценностей, ростом гражданской вовлечённости и более жёсткой подотчётностью власти.

Для устойчивого развития страны необходимы демократические ориентиры — верховенство права, гарантии свобод, прозрачная работа государственных институтов, участие граждан в политической жизни. При таком сочетании государственные и общественные структуры действуют результативнее, в большей степени учитывают интересы разных социальных групп; на этом фоне иначе распределяются ресурсы и возможности, с большей опорой на принцип справедливости [2, с.84].

Гражданское общество, включающее широкий круг объединений и организаций, поддерживает демократический порядок, удерживает многообразие позиций, участвует в выработке общественного согласия и передаёт власти обратную связь от населения. Его присутствие заметно и в социально-экономической плоскости: негосударственные организации вовлечены в реформирование здравоохранения, образования, экологии, социальной политики, а профсоюзы связаны с улучшением условий

труда, повышением квалификации работников и ростом производительности.

Отдельное значение сохраняют независимые СМИ, поскольку именно через них поддерживаются открытость и контроль за деятельностью государственных и корпоративных структур. Они не только информируют общество, но и выявляют коррупцию, фиксируют злоупотребления, меняя характер гражданской реакции. Академические и исследовательские центры работают в иной логике: их функция состоит в создании аналитической базы, на которую затем опирается выработка эффективных решений.

Демократия, понимаемая как «власть народа», не исчерпывается процедурой избрания представителей; она предполагает постоянное участие граждан в принятии решений. При такой организации политической жизни гражданское общество наблюдает за действиями власти, воздействует на общественную политику и включается в обсуждение законодательных инициатив через социальные движения, профессиональные ассоциации, выборы, референдумы, общественные слушания и иные формы публичного участия.

Сильное гражданское общество сохраняет значение одного из базовых условий демократического развития страны. Через него реализуются общественные проекты, поддерживается экономика, удерживается прозрачность деловой среды, защита прав собственности и трудовых

гарантий. В подобной среде иначе складываются условия для инвестиций, для развития малого и среднего бизнеса; далее уже проявляется и экономический рост [6, с.997].

Заметную роль в развитии демократии играют и практики гражданского общества, направленные на решение значимых для общества задач в сотрудничестве с государством. К числу таких механизмов относятся обращения к власти — петиции, заявления, письма, с помощью которых граждане и объединения выносят в публичную повестку вопросы прав человека, состояния окружающей среды, качества госуслуг и других важных сфер. Экологические объединения, в частности, добиваются проведения экспертиз, ужесточения стандартов, закрытия вредных производств, ликвидации незаконных свалок. Показателем и международный опыт ограничения одноразового пластика, сложившийся под давлением общественных требований и последующих законодательных изменений.

Сопоставимое значение имеют и инициативы, нацеленные на изменение законов и государственных программ. Их разрабатывают общественные движения, аналитические центры и профессиональные объединения, исходя из оценки существующих проблем; такие документы включают рекомендации, касающиеся экономики, социальной сферы, образования и здравоохранения [9, с.15].

К числу значимых направлений относятся и антикоррупционные инициативы: НКО и активисты ведут исследования, публикуют доклады, выдвигают меры, связанные с повышением прозрачности государственных расходов, развитием электронных закупок и созданием независимых антикоррупционных структур. Подобные решения получили практическое воплощение в ряде стран, включая Сингапур, Южную Корею и Швейцарию.

Международный опыт показывает, что действенность институтов гражданского общества имеет вполне конкретные подтверждения. В Германии Transparency International участвует в противодействии коррупции и продвигает антикоррупционные стандарты; разработанный этой организацией индекс восприятия коррупции со временем превратился в значимый мировой ориентир. В США ACLU занимается защитой конституционных прав граждан, а её участие в деле «Браун против совета по образованию» было связано с отменой расовой сегрегации в школах.

Вклад SEWA в Индии связан с поддержкой самозанятых женщин: организация помогает им получать кредиты, образование и медицинские услуги, содействуя тем самым сокращению бедности и усилению гендерного равенства.

В Бразилии деятельность ISA объединяет охрану интересов коренных народов с сохранением природных богатств Амазонии через участие в инициативах устойчивого развития.

В Южной Африке кампания ТАС добилась пересмотра государственной политики в сфере лечения ВИЧ/СПИДа; после этого доступ к терапии расширился, а смертность существенно снизилась [4, с.271].

Российская система гражданского общества включает несколько значимых институтов, отличающихся друг от друга и по функциям, и по основным направлениям деятельности.

Особое место занимает Общественная палата Российской Федерации — институт, обеспечивающий взаимодействие граждан, общественных объединений и государственных органов. В её функции входят общественный контроль за деятельностью власти, рассмотрение и анализ значимых для общества проблем, а также подготовка рекомендаций для государственных структур. Через общественные слушания и экспертную оценку законопроектов Палата также участвует в процессе, от которого зависит степень обоснованности принимаемых государственных решений.

В субъектах Федерации работают региональные Общественные палаты. По своему назначению они близки к федеральной Общественной палате, хотя их внимание сосредоточено на проблемах конкретных территорий.

Механизмы общественного участия не исчерпываются одной лишь системой консультативных площадок. Значимую функцию здесь выполняют общественные советы, формируемые при министерствах, федеральных службах и иных государственных органах: через их работу повышается прозрачность деятельности власти и получает развитие общественный контроль. В такие структуры входят эксперты, специалисты и представители общественности, которые подключаются к обсуждению, подготовке и оценке государственных программ, а также управленческих решений [8, с.230].

С защитой прав и свобод напрямую связан Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации, занимающий в данной системе особое положение. Его работа охватывает мониторинг ситуации в правозащитной области, рассмотрение обращений граждан и организаций, участие в проверке сообщений о нарушениях и выработку предложений, направленных на совершенствование правозащитных механизмов. За этими направлениями стоит более широкая задача — не только реагировать на уже возникшие нарушения, но и предотвращать их, усиливая гарантии защиты прав на различных уровнях публичной власти.

Свою часть работы выполняют и экологические объединения, автономные некоммерческие организации, благотворительные фонды. Экологические структуры сосредоточены на охране природы, вопросах экологической безопасности, продвижении идей устойчивого развития.

Деятельность АНО охватывает широкий круг направлений: они работают в образовании, культуре, здравоохранении и других сферах, обеспечивая предоставление услуг и необходимую поддержку. Иную, но не менее важную роль играют благотворительные фонды, сосредотачивающие ресурсы для последующего распределения: через них оказывается помощь нуждающимся, получают финансирование социальные проекты и реализуются общественно значимые инициативы [3, с.37].

Даже в непростых условиях российское гражданское общество сохраняет способность влиять на общественные процессы, что подтверждается рядом заметных практик в образовательной, социальной, правозащитной и интеграционной сферах. Показательные примеры охватывают подготовку общественных контролёров, поддержку участников СВО и их семей, развитие кадровых инициатив, консолидацию некоммерческого сектора, а также помощь уязвимым группам населения.

Одним из таких проектов стала «Школа общественного контроля», начавшая работу в мае 2025 года на базе Общественной палаты РФ. Её задача связана с подготовкой кадрового резерва общественных инспекторов, способных следить за исполнением решений органов власти. Одновременно проект ориентирован на повышение правовой культуры молодёжи и её включение в общественно-политическую повестку. Обучение строится на сочетании теории и практики, а в качестве преподавателей и экспертов выступают общественные и политические деятели, юристы, правозащитники, представители Администрации Президента РФ, органов власти и члены Общественной палаты.

Другим значимым направлением стала помощь ветеранам специальной военной операции и их близким. Практическое развитие этой деятельности получило продолжение осенью 2025 года, когда в октябре был организован психологический тренинг для жён и матерей участников специальной военной операции. Его содержание было сосредоточено на вопросах адаптации и поддержания эмоциональной устойчивости. Этому этапу предшествовало соглашение, подписанное Общественной палатой РФ в мае 2025 года совместно с фондом «Наши соотечественники» и медицинским центром «СанПроВи». Речь шла о запуске пилотной программы, ориентированной на реабилитацию, абилитацию и ресоциализацию ветеранов СВО, уволенных из Вооружённых сил и других силовых структур, а также членов их семей. При разработке проекта использовали опыт, уже проверенный на региональном уровне — в Краснодарском крае, а также в Липецкой, Новосибирской и Челябинской областях [1, с.54].

С кадровым обеспечением социальной инфраструктуры связана и программа «Земский работник культуры», инициированная Общественной палатой РФ в 2025 году. Её запуск был направлен на восполнение девяти тысяч вакантных должностей в сфере культуры в 87 субъектах страны, что подчёркивает участие институтов гражданского общества в решении задач территориального развития.

В сентябре 2025 года в Москве по инициативе сторонников партии «Единая Россия» прошёл Всероссийский форум поддержки гражданских инициатив, ставший заметной точкой сборки общественных сил. На него приехали более двух тысяч представителей НКО и руководителей общественных проектов из всех регионов страны. На форуме обсуждались и были представлены успешные практики, в том числе экологические проекты и программы вовлечения молодёжи в волонёрскую деятель-

ность. За счёт такого формата возникало пространство прямого контакта власти, граждан и некоммерческого сектора; на этом фоне отчётливее проявлялась и общественная консолидация вокруг значимых целей [7, с.198].

Не менее существенна деятельность, связанная с укреплением межнационального и межконфессионального согласия. В этой сфере институты гражданского общества взаимодействуют с экспертным и академическим сообществом, участвуют в противодействии радикальным экстремистским идеологиям и включаются в работу по выстраиванию более устойчивых и гармоничных межэтнических и межрелигиозных отношений.

Среди известных социальных практик особенно выделяется петербургская «Ночлежка», ставшая одним из наиболее заметных примеров помощи бездомным.

Заметным примером общественной активности стало и движение «СтопХам», получившее известность благодаря акциям, направленным против нарушений правил дорожного движения и неправильной парковки. Участники движения фиксируют случаи неправомерного поведения водителей, размещают на автомобилях предупреждающие наклейки, публикуют собранные материалы в сети. За счёт этого возникает общественный резонанс, а тема соблюдения норм в городской среде удерживается в поле публичного внимания.

Иной формат общественно значимой работы демонстрирует фонд «Подари жизнь», основанный Чулпан Хаматовой и Диной Корзун. Его деятельность сосредоточена на поддержке детей, страдающих онкологическими и другими тяжёлыми заболеваниями: фонд оплачивает лечение, организует акции, связанные с привлечением доноров крови и костного мозга, а также оказывает семьям психологическую и юридическую помощь. Масштаб этой работы подтверждается и финансовыми результатами: в 2019 году объём привлечённых средств превысил 2 миллиарда рублей, что позволило помочь тысячам детей в разных регионах России.

Практическая помощь людям, оказавшимся в крайне уязвимом положении, проявилась и в другом проекте: в 2020 году ею был открыт «Ночной автобус», благодаря которому бездомные стали ежедневно получать горячее питание и тёплую одежду. На фоне этой инициативы менялось положение многих людей, переживавших тяжёлую жизненную ситуацию, а сама тема бездомности стала гораздо заметнее в общественном восприятии [5, с.191].

Для демократического управления принципиален не формальный учёт инициатив гражданского общества, а содержательная реакция органов власти на них: необходимы обратная связь, рассмотрение предложений по существу, внедрение наиболее результативных решений.

Когда инициативы общественных объединений и активных граждан получают оперативный отклик, меняется и качество работы государственных структур. Если общество видит, что предложения не исчезают без следа, а получают практическое продолжение, доверие к демократическим процедурам становится устойчивее, а готовность

участвовать в общественной жизни возрастает. Отсюда и требование к механизмам рассмотрения обращений: они должны быть открытыми и прозрачными, а сведения о ходе и результатах их анализа — доступными для общественности.

Обращение, на которое последовал не формальный отклик, а конкретное решение либо аргументированный отказ, задаёт сам характер отношений между государством и обществом. В такой реакции считается не только административная процедура, но и признание значимости гражданской позиции; на этом держится публичный диалог, не сводимый к одностороннему информированию.

Когда инициативы исходят от наиболее активной части общества и содержат предметные предложения, их значение выходит за пределы частного запроса. Подобные материалы требуют анализа со стороны власти и включения в процесс пересмотра законов, программ и управленческих решений. Здесь проявляется не декларативное, а практическое участие институтов гражданского общества в решении социальных, экономических и политических задач — от вопросов защиты прав человека до проблем, связанных с качеством жизни.

Проблемные темы попадают в публичное пространство не сами по себе. Их выносят туда активисты, обще-

ственные организации, средства массовой информации, сетевые площадки. Через них артикулируются интересы различных групп, разворачивается обсуждение, намечаются варианты решения.

Показательно экологическое движение: речь идёт не только о фиксации факта загрязнения среды, но и о последовательном давлении общественных кампаний, после которого от органов власти уже ожидают не молчания, а определённой реакции. Аналогичным образом действует участие общественных структур в подготовке законодательных инициатив и в процедурах общественного контроля. Они собирают данные, проводят исследования, формулируют предложения по изменению правовых норм, выявляют коррупцию, злоупотребления, нарушения прав человека. Далее возникает огласка, за ней — необходимость ответа. На этом фоне заметнее становятся прозрачность власти и её подотчётность, хотя сам этот сдвиг обычно складывается из череды отдельных вмешательств, проверок, публикаций, обсуждений [10].

Демократическое государство трудно представить вне сильного гражданского общества. При постоянном обмене между обществом и властью управление приобретает большую результативность, общественная атмосфера меняется, а участие граждан в значимых решениях перестаёт быть эпизодическим.

Литература:

1. Беликова, С. С. Роль институтов гражданского общества в социальной поддержке семей участников СВО / С. С. Беликова, Д. Р. Керимова // Человек труда и наука: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 06–07 ноября 2025 года. — Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2026. — С. 54–57.
2. Васильев, В. И. Формы, виды и характеристики институтов гражданского общества РФ / В. И. Васильев, М. С. Орехова // Исследование развития экосистем в цифровой экономике: Сборник научных статей по материалам VII Научной сессии «Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики в обосновании приоритетов национального развития», посвященной 80-летию Великой Победы, Курск, 27 марта 2025 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 84–87.
3. Ватанина, В. А. Конституционно-правовые основы развития гражданского общества: основные институты / В. А. Ватанина // XVII итоговая студенческая научная конференция: сборник статей, Санкт-Петербург, 02 апреля 2025 года. — Санкт-Петербург: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. — С. 37–41.
4. Кузьмина, М. В. Государственная поддержка институтов гражданского общества (зарубежный опыт) / М. В. Кузьмина // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 12. — С. 271–273.
5. Лаврентьев, А. Р. Институты гражданского общества в современной России / А. Р. Лаврентьев // Публичная власть в современной России: реальность и перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Николая Михайловича Кони, в рамках 4.1 Саратовского юридического форума «Современная правовая система России: наследие Победы и взгляд в будущее», Саратов, 20 июня 2025 года. — Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2025. — С. 191–198.
6. Тачкин, М. А. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества: современные тенденции и перспективы развития / М. А. Тачкин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. — С. 997–1002.
7. Трескин, П. А. Практика взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации / П. А. Трескин // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: Материалы XII Международной научно-практической кон-

- ференции, Иркутск, 16 февраля 2026 года. — Иркутск: Иркутский государственный университет, 2026. — С. 190–195.
8. Филина, Н. В. Правовой статус Общественных палат как особого общественно-государственного института гражданского общества / Н. В. Филина // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в условиях цифровизации: Сборник научных статей 2-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 17 декабря 2025 года. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. — С. 230–234.
 9. Шмидт, Е. Б. Типы, модели, формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества / Е. Б. Шмидт, Л. А. Прудников // Закон и власть. — 2025. — № 4. — С. 15–17.
 10. Институты гражданского общества [Электронный ресурс] — URL: <https://irsepi.ru/instituty-grazhdanskogo-obshchestva/?ysclid=mq4tqe9lvj930903639> (дата обращения: 08.06.2026).

СОЦИОЛОГИЯ

Исследование потребительского поведения у молодежи в больших городах

Меншиков Даниил Андреевич, студент магистратуры
Сургутский государственный педагогический университет

В статье анализируются особенности потребительского поведения молодежи в мегаполисах в условиях глобализации, цифровой трансформации и медиатизации общества. В работе освещаются различия в потребительских паттернах молодежи западных и восточных мегаполисов, обусловленные ценностными ориентациями и социокультурными установками, а также оценивается влияние цифровых платформ, социальных сетей и маркетинговых стратегий на формирование потребительских интересов.

Ключевые слова: молодежь, большой город, потребительское поведение, межкультурные различия, цифровые платформы, маркетинговые стратегии.

В контексте глобализационных процессов, культурно-цифровых трансформаций и тотальной медиатизации современное сообщество переживает ускоренные социокультурные сдвиги, затрагивающие не только базовые ценностные ориентации личности, но и её поведенческие реакции, образ жизни, потребительские предпочтения, формируемые компетенции и новые цифровые, кросс-культурные навыки. Специалисты по социологии и психологии интерпретируют подобную динамику как эволюцию к потребительскому обществу, где приоритет смещается с элементарного выживания на конформную интеграцию в актуальные нормативные стандарты [1, с. 116].

Исследование межкультурных детерминант молодежных потребительских трендов в мегаполисах представляет значимый сегмент социологического знания, ориентированный на измерение влияния культурного плюрализма на выбор, покупательскую активность и потребительскую идентичность молодых групп в крупных урбанизированных агломерациях [6, с. 174]. Цель статьи — проанализировать межкультурные параметры потребительского поведения молодежи мегаполисов и выявить детерминанты, формирующие их предпочтения в контексте глобализированной экономики.

Современное поколение молодежи характеризуется повышенной деятельностью, ориентированностью на изменения и высокой когнитивной пластичностью к возникающим вызовам среды. Это представители цифровой когорты, для которых типичны мобильность ради карьерного трека либо частных задач, умение интегрироваться в стремительно трансформирующиеся социокультурные парадигмы, потребность в самоактуализации через интерес к современной технологической сфере, и от-

крытость к новым материальным и культурным образцам [2, с. 156]. При этом юные потребители фокусируются на трендовых товарах и сервисах, практикуют цифровое потребление через маркетплейсы, и особенно ценят персонализацию, кастомизированные предложения и клиентский опыт, формируемый брендами и корпорациями на основе алгоритмов искусственного интеллекта и омниканальных коммуникаций для максимизации удовлетворенности покупателей.

Молодая когорта активно вовлечена в потребительскую сферу, выступая катализатором инновационных практик, генератором концептуальных моделей и драйвером общественного прогресса. Акт потребления интегрирует процессы, ориентированные на удовлетворение многообразных потребностей, желаний и идентификационных запросов посредством приобретения и эксплуатации товаров, услуг и цифрового контента, причём его влияние выходит за экономические рамки, затрагивая медиакультуру, символические коды и ценностные паттерны. Поэтому превалирующая функция потребления в коммуникациях глобальных сетевых платформ и креативных индустрий трансформирует их, что позволяет социологам квалифицировать позднеиндустриальное общество как консюмеристское [7, с. 55].

Необходимо акцентировать, что индивидуальные паттерны потребления чрезвычайно разнообразны и обусловлены своеобразием мотивационных потребностей, гастрономических и эстетических склонностей, интересов, а также платёжеспособности каждого молодого субъекта. Ассортимент приобретаемых товаров и услуг одновременно конструируется под воздействием множества экзогенных факторов, среди которых социо-

культурные тенденции, маркетинговые коммуникации, тренды, логистическая доступность конкретных продуктов и сервисов, равно как уровень финансового дохода [4, с. 158]. В модели покупательского поведения доминирует стремление удовлетворять личные запросы и пожелания, приоритет отдаётся материальным активам — еде, собственности, ценностям.

Следует отметить, что кросс-культурные исследования охватывают сферы социокультурной жизни и интересов молодежи, включая [5, с. 50]:

- социокультурные различия, охватывающие традиционные практики, ценностные ориентации и поведенческие паттерны мультикультурных сообществ, формирующие перцепцию молодежью продуктов, сервисов, брендов и трендов глобализованного мира;
- исследование покупательских установок молодежного сегмента посредством анализа спектра приобретаемых товаров и сервисов, а также моделей потребительского поведения, с учетом территориального происхождения, культурных и ценностных различий юношей и девушек различных регионов планеты;
- воздействие мегаполиса, чьи учреждения выступают одновременно культурными депозитариями и локомотивами макроэкономического роста метрополий и государства, формирует уникальную экосистему для молодежи, влияя на эволюцию её культурно-потребительских ориентаций;
- исследование кросс-культурных установок предполагает применение качественных методик (фокус-групп, глубинных интервью) и количественных процедур (структурированных опросов, статистических тестов) для комплексной эмпирической обработки и интерпретации данных;
- интегрированный мультидисциплинарный ресерч-процесс предоставляет компаниям критически важную информацию, позволяя и корпорациям, и малым, и средним предприятиям оперативно адаптировать свои маркетинговые стратегии. Это делается ради более точного сегментирования и удовлетворения запросов молодого поколения по ассортименту товаров и сервисов с учётом их культурных кодов, и ценностных ориентаций, специфических мотивационных триггеров, поведенческих паттернов потребления и лояльности.

Очевидно, потребительское поведение представителей различных культурных архетипов, характеризующихся специфическими жизненными приоритетами, темпераментами и ценностными ориентациями, будет варьировать при приобретении брендов, товарных категорий и сервисов. В индустриально-западных обществах доминирует индивидуалистическая парадигма, побуждающая искать продукты, допускающие глубокую кастомизацию и демонстрацию самобытности, тогда как в азиатских обществах коллективистская установка предрасполагает к выбору массово признанных и институционально легитимированных марок [8, с. 420].

В западных экономиках доминирует потребительская парадигма, в рамках которой уровень благополучия

и субъективное ощущение счастья нередко коррелируют с объемом приобретённых материальных активов. Комплексные маркетинговые стратегии и многоуровневые рекламные коммуникации существенно детерминируют конструирование потребительских предпочтений и моделей поведения. Имиджевые активы и бренд-менеджмент выполняют критическую функцию в генерации интереса молодёжных когорт к товарам мегаполисов Глобального Запада. Инновационные цифровые технологии и технологическое лидерство западных государств расширяют спектр опций для пользователя. Экологический мейнстрим и ориентация на устойчивое потребление активизировали спрос на органические товары и сервисы, что приобретает значимость среди молодёжных аудиторий.

Следует подчеркнуть, что при кросс-культурном анализе принципиально необходимо оценивать влияние инновационных ИКТ, цифровых платформ, социальных интернет-сетей и медиаплатформ на формирование интересов урбанистической молодежи поколения мегаполисов.

Следует акцентировать внимание на социокультурных характеристиках молодежи стран Восточной Азии и Южной Азии, к которым относятся Китай, Япония, Индия, где доминируют коллективистские, конфуцианские и патриархальные ценностные установки. В этих культурных контекстах товарные предпочтения юных потребителей отражают не столько индивидуальные мотивации, сколько намерение поддержать материальное и символическое процветание семьи, клана и локальной общины [8, с. 422]. Кроме того, потребительские паттерны восточной молодежи варьируются под влиянием вертикального коллективизма, почитания старших, соблюдения этических и нормативных канонов, а также следования ритуальным практикам, символизирующим гармонию и иерархию.

Несмотря на различия в ценностных ориентациях и культурных паттернах молодежи Запада и Востока, решающим фактором выступает процесс глобализации, стимулирующий кросс-культурную интеграцию потребительских практик. Западные бренды усиливают позиции на восточных рынках, тогда как восточные компании активно перенимают маркетинг и подходы западного бизнеса, включая позиционирование товаров и клиентский опыт.

Следует подчеркнуть, что анализ межкультурных поведенческих паттернов молодежи в мегаполисных агломерациях предоставляет ценный эвристический инструмент бизнес-аналитикам и маркетологам. Понимание аксиологических вариативностей и адаптация коммуникационно-рекламных стратегий к указанным различиям способны радикально повысить КПД промокампаний и укрепить диалог с юным сегментом в условиях глобализирующейся, динамично трансформирующейся культурной среды современных цифровых медиаэкосистем и социально-цифровых сетей города будущего [3, с. 76].

В заключение следует акцентировать важность всестороннего анализа и глубинного исследования потребительской активности молодежного сегмента в мегаполисных агломерациях, отличающихся полиэтничным спектром культур, норм и ценностных ориентаций. Представленное исследование подчеркивает острую не-

обходимость учета интеркультурной вариативности при разработке маркетинговых концепций и дизайна продуктов, обеспечивающих удовлетворение специфических запросов юных клиентов на глобальном рынке, и формирование долгосрочной устойчивой лояльности целевой аудитории.

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман — Москва: Логос, 2012. 324 с.
2. Банникова Л. Н. Потребление как общесоциологическая категория: предметное поле и основные аспекты анализа // Социальные институты и процессы. 2021. № 4. С. 154–167.
3. Горюнова С. А. Влияние рекламы на потребителей рекламного контента: социально-психологический аспект // XII International Scientific and Practical Conference «Challenges and problems of modern science». — January 04–05, 2024, London, United Kingdom. № 1. С. 73–77.
4. Горюнова С. А. Кросс-культурные исследования потребительского поведения молодежи в мегаполисах: от теории к практике / С. А. Горюнова // Большая студенческая конференция: сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 марта 2025 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025. С. 157–160.
5. Домбровская А. Ю. Социальное измерение и социальное конструирование в современных прикладных исследованиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. № 4. С. 48–63.
6. Зайцева В. В., Стрюкова А. М., Григорьева С. Р. Кросс-культурный менеджмент в рекламе // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 172–187.
7. Мэзон Р. Престижное потребление // Теории социального неравенства в западной социологии: Хрестоматия / под ред. В. И. Ильина. Сыктывкар. 2020. 187 с.
8. Тимохина Г. С., Мхитарян С. В., Скоробогатых И. И. Устойчивое поведение потребителей: исследование через призму теории поколений / МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. № 3. С. 420–442.

Представления молодежи об особенностях потребительского поведения в условиях северного города

Менщиков Даниил Андреевич, студент магистратуры
Сургутский государственный педагогический университет

В статье на основе социологического опроса (60 респондентов, возраст 18–35 лет, г. Сургут) исследуются особенности потребительского поведения молодежи в условиях северного города. Анализируется влияние сурового климата на траты и привычки: обновление зимнего гардероба, рост расходов на одежду, выбор функциональности вместо моды, сезонный дефицит свежих продуктов, активное использование доставки еды в непогоду, меры по компенсации недостатка солнца и холода (приём БАДов, посещение СПА, поездки на курорты и др.).

Ключевые слова: молодежь, северный город, потребительское поведение, межкультурные различия, климат, адаптация.

Сегодня общество переживает эпоху бурных перемен — и это напрямую влияет на то, какие ценности мы считаем важными, а какие отходят на второй план. Социальная организация эволюционирует, а способы взаимодействия между людьми меняются с поразительной скоростью. Эксперты всё чаще говорят о формировании потребительского общества: в нём покупка чего-либо — уже не просто необходимость, а своего рода пропуск в мир новых социальных реалий, способ адаптироваться к ним [1, с. 116].

Как отмечает В. В. Радаев, суть потребления заключается в том, что человек использует полезные свойства чего-либо блага для удовлетворения собственных потребностей — при этом стоимость данного блага расходуется или, иными словами, уничтожается в ходе этого процесса. [6, с. 6].

Современные социальные трансформации провоцируют переоценку традиционных человеческих качеств. Такие этические и личностно ориентированные характеристики, как альтруизм и аутентичность, постепенно утрачивают свою

первостепенную значимость. На смену им приходят критерии, акцентирующие внимание на внешних атрибутах успеха и адаптационных способностях индивида: социальноэкономическом статусе, уровне влияния в обществе и эффективности в сфере предпринимательства [7, с. 114].

Для анализа особенностей потребительского поведения в молодежной среде необходимо дать определение этого феномена. Так, потребительское поведение представляет вид экономической активности, охватывающего не только процесс приобретения товаров и услуг для удовлетворения личных нужд, но и предшествовавшие и последующие действия, включая эмоциональное состояние, прогнозы, намерения, убеждения и анализ со стороны потребителей [8, с. 143].

Из-за уникальных характеристик своего возрастного диапазона, молодежь демонстрирует определенные уникальные аспекты в потребительских предпочтениях [3, с. 103–105].

А. Б. Гофман в своей работе «Мода и обычай» акцентирует внимание на том, как культура потребления и материализм захватывают восприимчивое сознание молодежи, превращаясь в их повседневную норму. Это, в свою очередь, оказывает существенное воздействие на ценностные ориентиры молодых людей, которые стремятся выразить свою принадлежность к определенной референтной группе через внешние атрибуты [2, с. 130].

В контексте потребительской культуры, мода функционирует как ключевой механизм, через который осуществляются стремления людей к социальному признанию. Под давлением общественных ожиданий постоянного и высокого уровня потребления, мода становится фундаментальной составляющей этой культуры, играя роль показателя успеха и статуса [4, с. 46].

Анализируя современных исследователей вернемся к рассмотрению концепции товарного фетишизма. А. А. Хандруев дает следующее определение товарному фетишизму — это характерный для товарно-капиталистического общества процесс наделяния продуктов труда сверхъестественными свойствами (самовозрастания стоимости и пр.), обусловленный овеществлением социальных отношений и персонификацией вещей [9].

Также стоит обозначить социальную проблему, связанную с товарным фетишизмом. Дополнение, а иногда и замещение, личностных смыслов потребительскими становится частым явлением для молодых людей. Многие индивиды уделяют излишнее внимание предметам, вещам, иногда даже очеловечивая их [5, с. 29].

Для более объективного и глубокого исследования представления молодежи об особенностях потребления рассмотрим результаты социологического исследования, полученные при помощи анкетирования на базе Сургутского государственного университета, молодежных центров МАУ «Ресурсный молодежный центр» г. Сургут, а также филиала 2ГИС в г. Сургут было опрошено с помощью анкеты 60 респондентов в возрасте 18–35 лет. Выборочная совокупность учитывала особенности демографического состава генеральной совокупности, а также территориальных границ проживания.

В ходе исследования были получены ответы на второй блок вопросов, связанных с особенностями потребления молодежи в условиях северного города. Представим результаты проведенного исследования.

Первый вопрос анкеты был направлен на выяснение того, как часто респондентам приходится обновлять зимний гардероб (см. табл. 1).

Таблица 1. **Результаты ответов на вопрос: «Как часто Вам приходится обновлять зимний гардероб (пуховики, теплая обувь) в связи с суровыми климатическими условиями?»**

Вариант ответа	Процент
Каждый сезон	36,2 %
Раз в 2 года	38,3 %
Раз в 3 года и реже	12,8 %
Покупаю качественные вещи на много лет, не обращая внимания на сезонность	12,8 %

На данный вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: большинство респондентов (74,5 %) — те, кто обновляет зимний гардероб каждый сезон либо раз в 2–3 года (36,2 % и 38,3 % соответственно) — демонстрируют адаптацию потребительского поведения к суровым климатическим условиям Сургута. Это требует от молодежи регулярных расходов на зимнюю одежду и обувь, что ощутимо влияет на их бюджет: при ограниченном доходе (например, из-за учёбы или начального этапа карьеры). При этом заметная доля опрошенных (25,6 %) выбирает стратегию долгосрочных вложений: 12,8 % обновляют гардероб раз в 3 года и реже, ещё 12,8 % покупают качественные вещи на много лет, такой подход отражает стремление молодежи оптимизировать расходы в долгосрочной перспективе.

Далее респондентам был задан вопрос, направленный на выяснение того, как респонденты оценивают, насколько климат города увеличивает их расходы на одежду и обувь по сравнению с жителями не северных территорий России (см. табл. 2).

Таблица 2. Результаты ответов на вопрос: «Оцените, насколько климат г. Сургута (долгая зима, перепады температур) увеличивает Ваши расходы на одежду и обувь по сравнению с жителями не северных территорий России?»

Вариант ответа	Процент
Расходы значительно выше (более чем на 30 %)	23,4 %
Расходы немного выше (на 10–30 %)	48,9 %
Расходы сопоставимы	19,1 %
Затрудняюсь ответить	8,5 %

На данный вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: большинство респондентов (72,3 %) признают, что климат Сургута повышает их расходы на одежду и обувь: 48,9 % отмечают рост на 10–30 %, 23,4 % — более чем на 30 %. Это вынуждает молодёжь с ограниченным доходом планировать покупки заранее, искать скидки и выбирать оптимальные по цене и качеству вещи. При этом 19,1 % считают расходы сопоставимыми с другими регионами — вероятно, за счёт оптимизации собственных расходов, ещё 8,5 % затруднились ответить. Таким образом, суровый климат заметно влияет на потребительские привычки молодёжи Сургута: большинство учитывает повышенную статью расходов, меньшая часть — минимизирует её через продуманные решения.

Далее респондентам был задан вопрос, направленный на выяснение того, приходилось ли респондентам отказываться от покупки модной/стильной вещи в пользу более теплой, но менее эстетичной? (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам отказываться от покупки модной/стильной вещи в пользу более теплой, но менее эстетичной?»

Вариант ответа	Процент
Да, часто	19,1 %
Иногда	27,7 %
Нет, стараюсь совмещать стиль и функциональность	46,8 %
Нет, внешний вид важнее тепла	6,4 %

На данный вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: большинство респондентов (46,8 %) стремятся совмещать стиль и функциональность в одежде, что говорит о сформированном у молодёжи запросе на универсальные решения — вещи, которые одновременно выглядят эстетично и обеспечивают необходимый уровень комфорта в холодное время года. Значительная доля опрошенных признаёт, что иногда (27,7 %) или даже часто (19,1 %) вынуждена жертвовать модой в пользу тепла. В сумме эти две группы охватывают почти половину респондентов (46,8 %), что отражает объективные климатические условия и приоритет практичности в определённых ситуациях — особенно в регионе с холодной погодой. Лишь небольшая часть молодёжи (6,4 %) ставит внешний вид выше тепла, что свидетельствует: среди молодого поколения доминирует рациональный подход к выбору одежды.

Далее респондентам был задан вопрос, направленный на выяснение того, ощущают ли респонденты дефицит качественных свежих овощей, фруктов и зелени в магазинах г. Сургута в зимне-весенний период? (см. табл. 4).

Таблица 4. Результаты ответов на вопрос: «Ощущаете ли Вы дефицит качественных свежих овощей, фруктов и зелени в магазинах г. Сургута в зимне-весенний период?»

Вариант ответа	Процент
Да, дефицит ощущается сильно, выбор очень скудный	25,5 %
Скорее да, выбор ограничен	42,6 %
Скорее нет, ассортимент достаточный	23,4 %
Нет, в магазинах есть все необходимое круглый год	8,5 %

На данный вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: большинство респондентов (68,1 %) в той или иной степени ощущают дефицит качественных свежих овощей, фруктов и зелени в магазинах Сургута в зимне-весенний период, это напрямую влияет на пищевые привычки молодёжи — в условиях сурового климата и сезонных сложностей с поставками студенты и молодые люди вынуждены корректировать рацион, зачастую сокращая потребление свежих продуктов. При этом часть молодёжи (31,9 %) не отмечает серьёзного дефицита: 23,4 % оценивают ассорти-

тимент как достаточный, а 8,5 % уверены, что в магазинах есть всё необходимое круглый год. В целом данные показывают, что сезонный дефицит свежих овощей и фруктов в Сургуте создаёт реальные трудности для молодёжи, особенно для студентов с ограниченным бюджетом.

Далее респондентам был задан вопрос, направленный на выяснение того, как часто респонденты заказывают доставку готовой еды или продуктов на дом именно из-за нежелания выходить на улицу в мороз/темное время суток? (см. табл. 5).

Таблица 5. Результаты ответов на вопрос: «Как часто Вы заказываете доставку готовой еды или продуктов на дом именно из-за нежелания выходить на улицу в мороз/темное время суток?»

Вариант ответа	Процент
Часто (несколько раз в неделю)	23,4 %
Иногда (несколько раз в месяц)	51,1 %
Редко, предпочитаю ходить в магазин лично	25,5 %
Никогда	0 %

На данный вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: 74,5 % молодых респондентов заказывают доставку еды или продуктов из-за нежелания выходить на улицу в мороз или тёмное время суток (23,4 % — несколько раз в неделю, 51,1 % — несколько раз в месяц), что наглядно демонстрирует адаптацию молодёжного поведения к суровым климатическим условиям Сургута. Четверть опрошенных (25,5 %) предпочитают ходить в магазин лично — вероятно, ради самостоятельного выбора свежих продуктов, физической активности или экономии. Тот факт, что никто из респондентов не выбрал вариант «Никогда», ещё раз подчёркивает: погодные условия и время суток реально влияют на потребительские привычки молодёжи.

Далее респондентам был задан вопрос, направленный на выяснение того, какие товары и услуги для поддержания здоровья респонденты покупают/посещают именно в связи с проживанием в г. Сургуте (недостаток солнца, холод)? (Выберите все подходящие варианты) (см. табл. 6).

Таблица 6. Результаты ответов на вопрос: «Какие товары и услуги для поддержания здоровья Вы покупаете/посещаете именно в связи с проживанием в г. Сургуте (недостаток солнца, холод)? (Выберите все подходящие варианты)»

Вариант ответа	Процент
Витамин D, рыбий жир, БАДы	46,8 %
Солярий	12,8 %
Теплые ванны, СПА, бассейны	31,9 %
Путевки курорты юга России/других стран	27,7 %
Никакие	23,4 %

На данный вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: большинство молодых респондентов (76,6 %) предпринимают активные шаги для поддержания здоровья с учётом климатических особенностей Сургута. Наиболее распространённая практика — приём витамина D, рыбьего жира и БАДов (46,8 %), что напрямую связано с дефицитом солнечного света и необходимостью поддерживать иммунитет в суровых условиях. Значительная часть молодёжи (31,9 %) обращается к тёплым ваннам, СПА и бассейнам — вероятно, для релаксации, снятия стресса и улучшения кровообращения в холодный период. Четверть опрошенных (27,7 %) компенсируют климат периодическими поездками на курорты, а 12,8 % используют солярий для восполнения нехватки ультрафиолета. При этом 23,4 % респондентов не предпринимают специальных мер.

Следовательно, на основании полученных данных в ходе проведённого социологического опроса можно выделить некоторые особенности потребления молодёжи в условиях северного города:

- Регулярное обновление зимнего гардероба: 74,5 % молодёжи обновляют зимнюю одежду и обувь каждый сезон (36,2 %) или раз в 2–3 года (38,3 %);
- Рост расходов на одежду: 72,3 % признают, что климат повышает траты на гардероб;
- Приоритет функциональности над стилем: 46,8 % стараются совмещать стиль и тепло, но 46,8 % иногда или часто жертвуют модой ради тепла. Лишь 6,4 % ставят внешний вид выше комфорта;
- Сезонный дефицит свежих продуктов: 68,1 % ощущают нехватку качественных овощей и фруктов зимой (25,5 % — сильно, 42,6 % — умеренно);

- Доставка еды в непогоду: 74,5 % заказывают еду на дом из-за мороза или темноты (23,4 % — несколько раз в неделю, 51,1 % — раз в месяц);
- Компенсация климатических факторов: 76,6 % предпринимают меры для поддержания здоровья;
- 46,8 % принимают витамин D и БАДы;
- 31,9 % посещают СПА, бассейны, тёплые ванны;
- 27,7 % ездят на курорты;
- 12,8 % ходят в сауны.

Следовательно, особенности потребления молодёжи в условиях северного города определяются в большей степени климатическими факторами: они характеризуются акцентом на функциональность, адаптацией досуга и активности к погоде, активным использованием онлайн-сервисов и частичным учётом экологичности. При этом молодёжь стремится балансировать между необходимостью адаптации к суровым условиям и сохранением осознанного подхода к потреблению, хотя приоритет зачастую отдаётся комфорту и выживанию.

Литература:

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество: монография / З. Бауман. — Москва: Логос, 2002. — 324 с. — ISBN 5-94010-155-0. — Текст: непосредственный.
2. Гофман, А. Б. Мода и обычай / А. Б. Гофман. — Текст: непосредственный // Рубеж: научный альманах. — 1992. — № 3. — С. 123–142.
3. Лопатина, Е. А. Потребительское поведение подростков: социологическое измерение / Е. А. Лопатина. — Текст: непосредственный // Поиск: Политика, обществоведение, искусство, социология, культура. — 2015 г. — № 6. — С. 101–110.
4. Напсо, М. Д. Мода в обществе потребления / М. Д. Напсо. — Текст: непосредственный // Социодинамика. — 2016. — № 9. — С. 46–51.
5. Посыпанова, О. С. Товарный фетишизм как «Маркетинговая религия» / О. С. Посыпанова. — Текст: непосредственный // Практический маркетинг. — 2013. — № 6 (196). — С. 29–38.
6. Радаев, В. В. Социология потребления: основные подходы [Текст] / В. В. Радаев. — Текст: непосредственный // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 5–18.
7. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер — М.: Изд-во АСТ, 2004. — 557 с. — ISBN 5-87113-102-6. — Текст: непосредственный.
8. Фирсов, Е. А. Потребительское поведение как объект социологического анализа / Е. А. Фирсова. — Текст: непосредственный // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Социокультурные факторы социализации современного российского общества. — Пенза: Приволжский Дом знаний. — 2015. — С. 139–142.
9. Хандруев, А. А. Товарный фетишизм // Большая советская энциклопедия. — URL: <https://rusneb.ru/> (дата обращения: 20.04.2026). — Режим доступа для зарегистрир. читателей НЭБ. — Текст: электронный.

Организационная культура учреждений социального обслуживания: сущность, специфика и направления трансформации

Прилипа Юлия Петровна, студент магистратуры

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются особенности организационной культуры учреждений социального обслуживания как важного фактора эффективности их деятельности. Особое внимание уделяется ценностным основаниям социальной работы, роли руководства, влиянию внешней среды, кадровой текучести и цифровизации социальных услуг. Подчеркивается, что организационная культура в данной сфере не ограничивается внутренними управленческими нормами, а выступает механизмом реализации гуманистической миссии учреждения. В статье показано, что качество помощи получателям социальных услуг во многом зависит от характера коммуникации внутри коллектива, уровня профессиональной этики, готовности сотрудников к обратной связи и способности руководства поддерживать атмосферу доверия. Отдельно рассматривается необходимость сочетания регламентов и стандартов с индивидуальным подходом к клиенту. Делается вывод о том, что развитие организационной культуры требует комплексного управления, вклю-

чающего профессиональную адаптацию персонала, наставничество, развитие эмоционального интеллекта, межсекторное сотрудничество и оценку социального эффекта.

Ключевые слова: организационная культура, социальное обслуживание, управление персоналом, мотивация, корпоративная культура, социальная работа.

Organizational culture of social service institutions: essence, specificity and directions of transformation

The article examines the features of the organizational culture of social service institutions as an important factor in the effectiveness of their activities. Special attention is paid to the value bases of social work, the role of management, the influence of the external environment, staff turnover and digitalization of social services. It is emphasized that the organizational culture in this area is not limited to internal management standards, but acts as a mechanism for implementing the humanistic mission of the institution. The article shows that the quality of assistance to recipients of social services largely depends on the nature of communication within the team, the level of professional ethics, the willingness of employees to receive feedback and the ability of management to maintain an atmosphere of trust. The need to combine regulations and standards with an individual approach to the client is considered separately. It is concluded that the development of organizational culture requires integrated management, including professional adaptation of staff, mentoring, emotional intelligence development, intersectoral cooperation and social impact assessment.

Keywords: organizational culture, social services, personnel management, motivation, corporate culture, social work.

Современная система социального обслуживания населения переживает период заметных изменений. Они связаны не только с социально-экономическими условиями, но и с переосмыслением роли государства, учреждений и специалистов в поддержке граждан. В такой ситуации организационная культура становится одним из факторов, от которых зависит качество предоставляемых услуг, мотивация сотрудников и доверие со стороны получателей помощи.

Для учреждений социального обслуживания этот вопрос имеет особое значение. Их работа направлена на людей, находящихся в сложной жизненной ситуации, поэтому внутренняя культура организации влияет не только на эффективность управления, но и на характер взаимодействия с клиентами. От того, какие ценности разделяет коллектив, как выстроены коммуникации и какие нормы поведения считаются допустимыми, во многом зависит реальное содержание социальной помощи.

В общем смысле организационная культура представляет собой совокупность ценностей, норм, убеждений и моделей поведения, которые разделяются сотрудниками и определяют способы взаимодействия внутри организации и с внешней средой. В учреждениях социального обслуживания эта категория приобретает особую специфику. Здесь на первый план выходят гуманистические принципы, эмпатия, уважение к личности клиента, готовность к поддержке и соблюдение профессиональной этики [2]. Культура социального учреждения должна закреплять представление о ценности человека независимо от его социального статуса, состояния здоровья, возраста или жизненных обстоятельств. Поэтому организационная культура в данной сфере не может рассматриваться только как элемент внутреннего менеджмента. Она является практическим механизмом, через который реализуется социальная миссия учреждения.

Специфика организационной культуры учреждений социального обслуживания связана с двойственным характером их деятельности. С одной стороны, такие организации выполняют государственные задачи, работают в рамках законодательства, стандартов, отчётности и бюджетных ограничений. С другой стороны, они имеют дело с индивидуальными жизненными ситуациями, которые требуют гибкости, внимания к деталям и эмоциональной вовлечённости сотрудников.

Это сочетание формальных и неформальных требований создаёт внутренние противоречия. Необходимость соблюдать регламенты может вступать в конфликт с потребностью в индивидуальном подходе, а ориентация на показатели отчётности иногда снижает значение неформальной поддержки. В таких условиях особую роль играет культура, ориентированная на клиента. Она позволяет воспринимать стандарты не как самоцель, а как инструмент достижения конкретного социального результата.

Важной основой организационной культуры социальных учреждений являются профессиональные ценности и нормы. Они включают не только общие этические принципы, но и установки, связанные с работой с уязвимыми группами населения. К ним относятся готовность преодолевать стигматизацию, способность осознавать собственные предубеждения, умение выстраивать доверительные отношения и сохранять уважительный тон общения даже в сложных ситуациях.

Значительная роль в формировании такой культуры принадлежит руководству. Руководители социальных учреждений не должны ограничиваться декларацией ценностей в документах и публичных выступлениях. Гораздо важнее, чтобы эти ценности проявлялись в повседневной управленческой практике: в способах принятия решений, отношении к сотрудникам, реакции на ошибки и готовности обсуждать сложные профессиональные ситуации

[45,5]. Если в коллективе существует атмосфера психологической безопасности, сотрудники чаще говорят о проблемах открыто и быстрее находят рабочие решения [96,8]. На организационную культуру социальных учреждений заметно влияет и внешняя среда. Такие организации постоянно взаимодействуют с органами власти, некоммерческими организациями, волонтерами, профессиональными сообществами и получателями услуг. Каждое из этих взаимодействий воздействует на внутренние нормы и практики учреждения.

Например, усиление административного контроля может способствовать формированию культуры избегания рисков, когда сотрудники предпочитают строго следовать инструкции даже в тех случаях, когда ситуация клиента требует более гибкого решения [80,6]. В то же время сотрудничество с НКО и волонтерскими объединениями способно привести в учреждение практики горизонтального взаимодействия, участия и большей открытости. Поэтому внешняя среда не только задаёт рамки деятельности, но и участвует в формировании культурных установок внутри организации.

Отдельного внимания требует проблема преемственности организационных ценностей. Для многих учреждений социального обслуживания характерна высокая кадровая нагрузка, связанная с эмоциональным напряжением, профессиональным выгоранием и текучестью персонала. Когда сотрудники часто меняются, устойчивые нормы могут размываться, а новые работники не всегда успевают пройти полноценную профессиональную социализацию [13,4]. Для снижения этих рисков необходимы продуманная адаптация, наставничество и закрепление ключевых принципов работы во внутренних документах. При этом такие документы должны использоваться не формально, а как реальный ориентир в ежедневной практике: при разборе конфликтных ситуаций, оценке качества работы, обучении новых сотрудников и обсуждении профессиональных дилемм.

Изучение организационной культуры социальных учреждений требует сочетания разных исследовательских методов. Для этого могут применяться анкетирование, глубинные интервью, наблюдение, анализ документов, а также специализированные инструменты оценки организационной культуры, например, методика OCAI (Organizational Culture Assessment Instrument) [1]. Однако при использовании стандартных методик необходимо учитывать специфику социальной работы, поскольку не все управленческие модели напрямую отражают особенности взаимодействия с уязвимыми группами населения. Качественные методы позволяют выявить скрытые нормы, неформальные правила и противоречия, которые влияют на повседневную деятельность учреждения. Именно такие элементы часто определяют реальную организационную культуру сильнее, чем официальные положения и регламенты.

В учреждениях социального обслуживания могут складываться разные типы организационной культуры. В одних организациях преобладает бюрократи-

ческая модель, ориентированная на регламенты и контроль. В других сильнее выражена клановая культура, основанная на сплочённости коллектива и взаимной поддержке. В отдельных случаях заметны элементы рыночной культуры, где акцент делается на результативности, показателях и эффективности.

На практике наиболее устойчивыми часто оказываются смешанные модели. Они позволяют сочетать стандартизацию процессов с вниманием к потребностям клиента, а управленческий контроль — с профессиональной автономией сотрудников. Такой баланс особенно важен для социальной сферы, где чрезмерная бюрократизация может снижать качество помощи, а отсутствие правил — приводить к неустойчивости работы.

Перспективы развития организационной культуры учреждений социального обслуживания связаны с внедрением современных управленческих практик, развитием межсекторного сотрудничества и расширением участия местных сообществ. Опыт некоммерческих организаций может быть полезен государственным учреждениям, особенно в вопросах клиентоориентированности, гибкости и работы с добровольческими ресурсами.

Социальные учреждения всё чаще становятся частью более широкой системы помощи, в которую входят органы власти, бизнес-структуры, НКО, волонтеры и местные сообщества. Такая интеграция расширяет возможности учреждений и одновременно требует от них большей открытости, способности к партнёрству и готовности пересматривать привычные управленческие практики.

Особое значение приобретает культура оценки социального эффекта. Результаты работы социальных учреждений всё труднее сводить только к количественным показателям. Важно учитывать реальные изменения в жизни получателей услуг, степень их включённости, качество поддержки и устойчивость достигнутых результатов. Это требует от руководителей и сотрудников новых компетенций, связанных с анализом, рефлексией и оценкой последствий своей деятельности.

Таким образом, организационная культура учреждений социального обслуживания представляет собой сложную и динамичную систему. Она формируется под влиянием профессиональных ценностей, управленческих решений, внешних требований, кадровой ситуации и характера взаимодействия с клиентами [345,7]. Её развитие невозможно без учёта специфики социальной работы и постоянного внимания к внутренней среде учреждения.

В современных условиях именно организационная культура становится одним из ключевых факторов эффективности социальных учреждений. Она помогает сохранять гуманистическую миссию, поддерживать сотрудников, повышать качество помощи и укреплять доверие получателей услуг. Для будущих специалистов в сфере социальной работы понимание механизмов формирования такой культуры должно стать важной частью профессиональной подготовки, поскольку от этого зависит устойчивость всей системы социальной поддержки.

Литература:

1. Камерон, Ким С. Диагностика и изменение организационной культуры / Ким С. Камерон, Роберт Э. Куинн; пер. с англ. А. Токарева под науч. ред. И. В. Андреевой. — СПб. и др.: Питер, 2001. — 310, с.: ил., табл.: 21 см. — ISBN 5-318-00283-8, 0-201-33871-8 (англ.).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 декабря 2013 года № 792 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания».
3. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // «Российская газета» от 30.12.2013 № 295.
4. Влияние корпоративной культуры на производительность труда и показатели эффективности. — Текст: электронный // neiros.ru: [сайт]. — URL: <https://neiros.ru/blog/dialogs/vliyanie-korporativnoy-kultury-na-proizvoditelnost-truda-i-pokazateli-effektivnosti/> (дата обращения: 09.06.2026).
5. Ефимова Т. П. Влияние организационной культуры на мотивацию труда государственных и муниципальных служащих / Т. П. Ефимова. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2022. С. 44–47.
6. Дмитриева, И. С. Организационная культура как управленческий инструмент организации / И. С. Дмитриева. Волгоград: Сфера, 2022. С. 78–81.
7. Зулкарнаев Н. Н. Роль организационной культуры в современных условиях / Н. Н. Зулкарнаев // Экономика. 2022. № 9 (100). С. 345–346.
8. Овчинникова Е. С. Нематериальная мотивация сотрудников в российской практике / Е. С. Овчинникова, Л. А. Афанасьева. Курск: Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, 2023. С. 94–97.

Государственная и региональная поддержка семьи, материнства и детства на территории Московской области

Толбузина Оксана Владимировна, студент
Московский международный университет

В статье проводится комплексный анализ системы государственной и региональной поддержки семьи, материнства и детства на территории Московской области. Актуальность темы исследования определяется тем, что семья с детьми как базовая ячейка общества требует особой социальной поддержки со стороны государства, однако механизм регулирования в этой сфере недостаточно проработан.

В связи с этим, цель исследования — оценка эффективности действующих мер поддержки и разработка модели их оптимизации. В работе используются методы нормативно-правового анализа, моделирования и эмпирического обобщения. Новизна исследования заключается в обосновании необходимости перехода к проактивной модели оказания услуг. Теоретическая значимость состоит в систематизации мер поддержки, практическая — в разработке конкретных рекомендаций для органов исполнительной власти по повышению адресности и доступности помощи.

Статья может быть полезна студентам соответствующих профилей обучения.

Ключевые слова: социальная поддержка, семья, материнство, детство, Московская область, демографическая политика, цифровизация.

Выбор темы обусловлен тем, что Московская область является крупнейшим регионом России с высокой плотностью населения и сложной социальной структурой. Семья выступает базовым институтом общества, а уровень её благополучия напрямую влияет на демографические показатели и социальную стабильность региона. Именно на региональном уровне происходит непосредственное «соприкосновение» государственной политики с гражданами.

Актуальность темы исследования:

1. Демографические вызовы: необходимость преодоления естественной убыли населения и стимулирования рождаемости в условиях высокой стоимости жизни.

2. Исполнение национальных целей: реализация Указов Президента РФ и национальных проектов «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь» требует эффективной адаптации федеральных мер на региональном уровне.

3. Адресность помощи: в условиях ограниченных ресурсов региона приоритетной задачей становится переход от универсальных выплат к адресной поддержке наиболее нуждающихся категорий семей.

Цель исследования:

Оценить эффективность действующей системы государственной и региональной поддержки семьи, материн-

ства и детства в Московской области и разработать предложения по её совершенствованию через цифровизацию и повышение адресности.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретические основы государственной и региональной поддержки семьи, материнства и детства.

2. Раскрыть особенности поддержки семьи, материнства и детства на территории Московской области.

3. Сформулировать выводы.

Авторы, исследовавшие тему:

Проблематика социальной защиты семьи и детства широко освещена в отечественной науке. В работах таких авторов, как Е. И. Холостова, рассматриваются теоретические основы социальной работы с семьей. Исследования Т. Г. Морозовой посвящены региональным особенностям социальной политики. В трудах М. В. Фирсова анализируются технологии социальной работы с различными категориями семей. Отдельные аспекты цифровизации социальных услуг рассматриваются в публикациях С. Г. Камолова.

К вопросам исследования государственной и региональной поддержки семьи, материнства и детства обращался ряд авторов. Среди них такие как О. П. Беребина [9], Л. А. Емелина [13], Л. В. Сотникова [16] и др. Однако данная тема не является достаточно разработанной в научной литературе.

Как справедливо замечает Л. В. Сотникова, несмотря на то, что в 21 в. институт семьи переживает кризис, в основе социума продолжает находиться именно семья. Она является, в первую очередь, понятием социальным и только потом юридическим [16, с. 16]. Именно поэтому определение семьи в законодательстве РФ найти невозможно — цивилисты считают неудачным введение юридического элемента в социальные и личные отношения.

Социология рассматривает семью как социальную группу, члены которой имеют общий быт, духовную связь, отличаются взаимопомощью и несут общую моральную ответственность. Семья обладает рядом основных признаков, среди которых: совместное проживание ее членов и ведение общего быта, брак как основа семьи и наличие родственных связей остальных ее членов, стремление к рождению и воспитанию детей, взаимные права и обязанности, взаимная ответственность и материальная общность.

С юридической точки зрения, семья — это круг лиц, связанных между собой правами и обязанностями, вытекающими из супружеских отношений и кровного родства. Понятие членов семьи в разных отраслях российского права имеет разное содержание. Например, жилищное право рассматривает в качестве членов семьи всех родственников, кто проживает совместно, в то время как пенсионное право видит в качестве основного критерия семейных отношений иждивение.

Л. Н. Овчарова и соавторы отмечают, что государственная и региональная поддержка семьи, материнства

и детства — это комплекс мер, направленных на укрепление института семьи, повышение рождаемости и обеспечение благополучия детей [15, с. 33]. Эти меры включают денежные выплаты, налоговые льготы, помощь с улучшением жилищных условий и др.

Методология исследования: системный подход к анализу социальной сферы, институциональный анализ.

Методы исследования:

Аналитический: изучение нормативно-правовой базы (федеральных законов, постановлений Правительства РФ, законов и программ Московской области).

Эмпирический: анализ статистических данных Министерства социального развития МО, Росстата; контент-анализ официальных сайтов ведомств.

Моделирование: построение концептуальной модели.

Теоретическая значимость: уточнение понятийного аппарата в части региональной демографической политики; систематизация мер поддержки по категориям получателей.

Практическая значимость: разработка практических рекомендаций по оптимизации процесса назначения выплат и повышению информированности граждан, что приведет к снижению социального напряжения и росту доверия к власти.

Новизна исследования заключается в обосновании необходимости перехода от пассивного информирования граждан к проактивной модели выявления нуждающихся через единую цифровую платформу. Новизна состоит в разработке критериев оценки эффективности мер поддержки не по объему выделенных средств, а по реальному уровню удовлетворенности семей качеством получаемых услуг.

Ревизия мер государственной и региональной поддержки.

Система поддержки семьи в Московской области представляет собой многоуровневую структуру, включающую федеральные гарантии и региональные надбавки.

Основные государственные меры поддержки семьи, материнства и детства следующие:

1. Единое пособие на детей и беременных женщин. Это пособие заменило несколько отдельных выплат (на детей до 3 лет, от 3 до 7 лет, от 8 до 17 лет, а также пособие для беременных женщин, вставших на учет до 12 недель) и назначается на основе комплексной оценки нуждаемости семьи. Условия получения:

— среднедушевой доход семьи ниже прожиточного минимума;

— взрослые члены семьи имеют трудовой доход или уважительные причины для его отсутствия (например, уход за ребенком, очное обучение, служба в армии);

— имущество семьи соответствует установленным критериям (например, не более двух транспортных средств, если семья не многодетная).

Размер пособия составляет 50 %, 75 % или 100 % от регионального прожиточного минимума на ребенка (для беременных женщин — от прожиточного минимума тру-

доспособного населения) и зависит от степени нужды семьи.

2. Ежемесячная выплата из средств материнского капитала на детей до трех лет. Эту выплату могут получить семьи, у которых есть остаток материнского капитала, а среднедушевой доход не превышает двух региональных прожиточных минимумов на человека. Размер выплаты равен региональному прожиточному минимуму на ребенка. Ее можно оформить на каждого ребенка в семье, если им еще не исполнилось трех лет. Выплата устанавливается на 12 месяцев, затем нужно подать новое заявление.

Программа материнского капитала действует до 31 декабря 2030 г. Право на материнский капитал, как правило, имеет мать (гражданка РФ), но в некоторых случаях — отец или сами дети. Его можно потратить на следующие цели:

- улучшение жилищных условий (покупка, строительство, реконструкция жилья, ипотека);
- образование детей;
- накопительная пенсия родителей;
- товары и услуги для социальной адаптации детей — инвалидов;
- ежемесячные выплаты на детей до трех лет для малообеспеченных семей.

3. Семейная налоговая выплата (налоговый кешбэк). Эта мера поддержки доступна для семей с двумя и более детьми до 18 лет (или до 23 лет, если дети учатся очно). Условия следующие:

- среднедушевой доход семьи ниже 1,5 региональных прожиточных минимумов;
- имущество семьи соответствует установленным критериям.
- не имеется задолженности по уплате алиментов.

Суть выплаты: уплаченный НДФЛ за год пересчитывается по льготной ставке 6 %, а разница возвращается семье. Мера вводится с 2026 года.

Помимо перечисленных, существуют и другие государственные и региональные меры поддержки семьи, материнства и детства:

- субсидия 450000 руб. на погашение ипотеки при рождении третьего или последующего ребенка (если ипотека оформлена до 1 июля 2031 г.);
- налоговые вычеты на детей: стандартные вычеты на каждого ребенка, а также повышенный вычет на ребенка-инвалида;
- социальный контракт: помощь малообеспеченным семьям в поиске работы, открытии бизнеса или преодолении трудной жизненной ситуации;
- региональные выплаты и льготы, например, региональный материнский капитал, бесплатное питание в общеобразовательных организациях, компенсация части платы за дошкольные образовательные организации, предоставление земельных участков многодетным семьям.

На территории Московской области действует комплекс мер региональной поддержки семьи, материнства и детства. Основные направления этой поддержки включают следующее:

1. Единое пособие.

Условия назначения:

- среднедушевой доход семьи не превышает региональный прожиточный минимум на человека;
- имущество семьи укладывается в установленный перечень;
- у взрослых есть трудовой доход либо уважительные причины его отсутствия.

Размер выплаты составляет от 50 до 100 % прожиточного минимума для детей в регионе (в 2026 г. — от 9,1 до 18,2 тыс. руб. в месяц на ребенка).

Особенности:

- с 2026 г. учитывается, что поступления на банковские счета и вклады не должны превышать 200 % годового дохода семьи (в назначении пособия могут отказать при нарушении этого условия);
- если пособие оформлено на старших детей, то при рождении следующего ребенка, оно устанавливается в беззаявительном порядке.

2. Единовременные выплаты:

- при рождении ребенка. С 1 февраля 2026 г. размер проиндексирован на 5,6 % и составляет 28,5 тыс. руб.;
- при рождении третьего или последующего ребенка. Выплата введена в 2025 г. по решению Губернатора Московской области. Ее размер — 300 тыс. руб. Право на выплату имеют родители или усыновители в возрасте до 36 лет, граждане РФ с постоянной регистрацией в Московской области. Третий или последующий ребенок должен быть рожден в 2025 г. или позже, а свидетельство о его рождении должно быть выдано в Московской области;
- на замену земельного участка. Размер выплаты — 400 тыс. руб. Требуется регистрация в Московской области не менее 10 лет. Мера оказалась востребована среди жителей региона. В 2026 году тенденция на получение денег сохраняется: с января соответствующее заявление подали и уже получили средства 339 семей на сумму более ₽12 миллионов.

3. Меры поддержки многодетных семей:

- **компенсация расходов на оплату ЖКУ.** Многодетные семьи имеют право на денежную компенсацию в размере 50 % оплаты коммунальных услуг;
- **бесплатное школьное питание;**
- **частичная или полная компенсация стоимости путевок** в санаторно-курортные организации и организации отдыха детей;
- **бесплатное посещение музеев, парков культуры и отдыха, выставок** (один раз в месяц);
- **компенсация 50 % стоимости обучения ребенка в колледже или техникуме** для семей, воспитывающих четырех и более детей;
- **бесплатное обеспечение школьной формой и спортивной формой** на весь период обучения в общеобразовательной организации;
- **выплата на школьную форму** 3 тыс. руб. на каждого ребенка раз в год (для многодетных семей) [20].

4. Прочие меры:

— **региональный материнский (семейный) капитал.** Направлен на улучшение жилищных условий, получение образования, компенсацию затрат на газификацию объектов индивидуального жилищного строительства;

— **ежемесячное пособие студентам из многодетных семей.** Выплачивается в размере 4 тыс. руб. студентам из многодетных семей, получающим первое высшее профессиональное образование по очной форме обучения в государственных вузах Московской области, если среднедушевой доход семьи не превышает величину прожиточного минимума;

— **поддержка детей участников СВО.** Включает бесплатное питание для школьников и студентов, компенсацию оплаты ЖКУ, помощь в устройстве детей в школы, детские сады, кружки и секции. Для семей участников СВО, воспитывающих детей-инвалидов с тяжелыми нарушениями здоровья, введены дополнительные выплаты в размере 24 тыс. руб. [20].

Многие услуги по предоставлению мер региональной поддержки семьи, материнства и детства на территории Московской области оказываются в онлайн-формате через Социальное казначейство с помощью Единого центра по оказанию социальной помощи населению

Ключевые барьеры получения поддержки.

Несмотря на широкий спектр мер, их эффективность снижается из-за ряда препятствий.

Среди ключевых барьеров государственной и региональной поддержки семьи, материнства и детства можно

обратить внимание на риски архитектуры мер: высокий уровень бедности семей с детьми не снимается точечной выплатой и требует комплексной перенастройки социальной защиты. Даже идеально спроектированный федеральный пакет документов дает результат лишь при условии его доведения до конкретных получателей — а это уже зона ответственности регионов. Поддержка семьи, материнства и детства относится к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов. Это позволяет регионам надстраивать федеральный пакет собственными мерами — от единовременных выплат до натуральных льгот. В. Ш. Гузаиров и В. В. Моисеев пишут, что регулирование на местах опирается на нормы законодательства, но конкретное содержание поддержки определяется бюджетными возможностями субъектов РФ [12]. Как представляется, именно эта конструкция создает основу для значительной территориальной вариативности.

Информационный барьер: Сложность навигации по множеству ведомств (МФЦ, Соцзащита, ПФР/СФР). Граждане часто не знают о положенных им льготах или узнают о них с опозданием.

Организационный барьер: Необходимость сбора большого пакета документов, дублирование справок при обращении за разными видами помощи, длительное ожидание решений.

Оптимизация государственной и региональной поддержки семьи, материнства и детства требует движения по нескольким направлениям (таблица 1).

Таблица 1. **Схема и этапы модели оптимизации государственной и региональной поддержки семьи, материнства и детства**

№	Направления
1	Разработка федерального закона, который упорядочил бы все выплаты
2	Расширение проактивного режима назначения выплат на основании межведомственных данных
3	Развитие механизмов оценки результативности и публикации показателей по субъектам РФ

Итак, необходимо нормативное упорядочение — базовый федеральный закон, который собрал бы основные выплаты в единую систему координат, расширение проактивного режима назначения выплат на основании межведомственных данных, развитие механизмов оценки результативности и публикации показателей по субъектам РФ.

Модель оптимизации системы поддержки

Предлагается внедрение единой цифровой платформы, интегрированной с порталом Госуслуг.

Блок «Цифровой профиль семьи»: Автоматическое формирование профиля семьи на основе данных ЗАГС, ФНС и СФР. Система сама определяет право семьи на ту или иную меру поддержки без подачи заявлений.

Блок «Проактивное информирование»: Push-уведомления или сообщения в личном кабинете о наступлении

права на выплату (например, достижение ребенком определенного возраста) или о новых программах поддержки.

Блок «Интеллектуальный помощник»: Чат-бот для ответов на типовые вопросы («Какие документы нужны?», «Где получить справку?»), который классифицирует обращения и при необходимости передает их специалисту.

Заключение

В ходе проведенного исследования подтверждено, что система поддержки семьи в Московской области является одной из самых развитых в России, однако она сохраняет черты фрагментарности. Выявленные барьеры — информационный шум и бюрократия — требуют системного решения через цифровизацию процессов взаимодействия власти и граждан.

Предложенная единая цифровая платформа, интегрированная с порталом Госуслуг позволяет перейти от ре-

активной модели (помощь по факту обращения) к проактивной (помощь по факту наступления события), что повысит эффективность расходования бюджетных средств и уровень удовлетворенности населения качеством жизни.

Государство постоянно совершенствует правовую базу и разрабатывает новые меры поддержки для семей с детьми, при этом современное общество не торопится к созданию семьи ссылаясь на недостаточную поддержку и сосредотачиваясь на карьере. Полагаю, что если будут реализованы имущественные меры поддержки, такие как:

— беспроцентная ипотека для всех семей имеющих детей;

— предоставление муниципального жилья с возможностью приватизации, если работают, проживают и имеют постоянную регистрацию на территории округа и т.п.

Дальнейшую научную работу логично сосредоточить на разработке методики оценки цифровой зрелости социальной сферы региона и анализе влияния предлагаемых мер на демографические показатели Московской области.

Литература:

1. Закон Московской области от 12.01.2006 № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС «Консультант Плюс».
4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «Консультант Плюс».
5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // СПС «Консультант Плюс».
6. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // СПС «Консультант Плюс».
7. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
8. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «Консультант Плюс».
9. Беребина О. П. Основы правового регулирования социальной защиты семей с детьми // Трудовое право. — 2024. — № 3. — С. 26–29.
10. Беспалов Ю. Ф. Рассмотрение и разрешение судами гражданских и семейных дел с участием ребенка. — М.: Юнити — Дана, 2023. — 359 с.
11. Горяйнова Н. М. Государственная социальная политика. — Челябинск: Издательство Южно-Уральского института управления и экономики, 2025. — 226 с.
12. Гузаиров В. Ш., Моисеев В. В. Социальная политика современной России. — Белгород: Издательство Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, ЭБС АСВ, 2022. — 517 с.
13. Емелина Л. А. Правовые основы защиты прав детей в Российской Федерации // Социальное и пенсионное право. — 2022. — № 3. — С. 18–22.
14. Морозова Т. Г., Победина М. П., Поляк Г. Б. Региональная экономика: Учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
15. Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождаемости? / Авт. — сост. Л. Н. Овчарова, А. И. Пишняк, Д. О. Попова. — М.: Издательство Независимого института социальной политики, 2024. — 227 с.
16. Сотникова Л. В. Социальное обеспечение семей с детьми в Российской Федерации (правовые вопросы). — Екатеринбург: Ажур, 2025. — 148 с.
17. Фалилеев В. В. Социальная политика. — Кемерово: Издательство Кемеровского государственного института культуры, 2024. — 66 с.
18. Холостова Е. И., Черняк Е. М., Стрельникова Н. Н. Социальная работа с семьей: Учебное пособие. — М.: Дашков и К, 2023.
19. Официальный сайт Министерства социального развития Московской области — URL: <https://msr.mosreg.ru/?ysclid=mps5lih8o4312147757> (дата обращения: 30.05.2026).
20. Официальный сайт Правительства и Губернатора Московской области. — URL: <https://mosreg.ru/?ysclid=mps3au8m6o121906975> (дата обращения: 30.05.2026).

Парадокс «хочу, но боюсь поверить»: запросы и барьеры подростков из социально неблагополучных семей по отношению к институту наставничества

Чуриков Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье на материале авторского эмпирического исследования ($n = 25$) выявлен и описан феномен «хочу, но боюсь поверить» — устойчивый разрыв между явным запросом подростков из семей в социально опасном положении на отношения с наставником и базовым недоверием к взрослым. Установлено, что 60 % опрошенных желают иметь наставника при одновременных 72 % недоверия и 92 % страха быть брошенными. Сформулированы требования к инструментам наставничества, способным работать в условиях этого разрыва.

Ключевые слова: наставничество, подростки, социально опасное положение, привязанность, доверие, молодёжная политика.

Введение

Развитие института наставничества обозначено в качестве одного из приоритетов государственной молодёжной политики Российской Федерации [1]. Однако универсальные программы наставничества, разработанные для условно благополучной аудитории, плохо переносятся на работу с подростками из семей в социально опасном положении (далее — СОП). По данным Комиссии по делам несовершеннолетних, только в Кировском районе города Екатеринбурга на учёте состоят 93 семьи в СОП и 252 замещающие семьи. Для этой категории отсутствуют адаптированные модели наставничества, что делает актуальной задачу эмпирического описания того, как сами подростки воспринимают предложение об отношениях со значимым взрослым.

Цель настоящей статьи — представить и интерпретировать феномен, выявленный в авторском эмпирическом исследовании, проведённом на базе ГАУ СО СО «Центр социальной помощи семье и детям «Гнёздышко» г. Екатеринбурга, и показать его следствия для проектирования инструментов наставничества.

Теоретическая рамка

Концептуальным основанием исследования выступает теория привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, согласно которой ранний и повторяющийся опыт нестабильных отношений со значимыми взрослыми формирует устойчивые внутренние «рабочие модели» отношений [2; 3]. Для подростков, выросших в семьях в СОП, такой опыт типичен: отношения с родителями прерываются изъятиями, рецидивами зависимости, помещением в стационар или замещающую семью [5]. Каждый разрыв оставляет след, превращающий новые предложения близости в потенциальную угрозу повторной потери.

Параллельно учитывается концепция резильентности (Э. Вернер, М. Раттер), показывающая, что при наличии хотя бы одного устойчивого поддерживающего отношения подросток способен достигать положительной адаптации даже в условиях множественных рисков [8].

Это превращает институт наставничества в потенциально значимый защитный ресурс — при условии, что наставник сам становится устойчивой фигурой.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проведено в 2024–2026 гг. на базе ГАУ СО СО «ЦСПСиД «Гнёздышко» (микрорайон Шарташ, Кировский район, г. Екатеринбург). Основным массив составили 25 подростков 12–17 лет, состоящих на учёте Центра как члены семей в СОП либо находящихся в стационарном отделении ($n = 25$). Дополнительно опрошены 7 штатных сотрудников Центра и 3 волонтера-наставника, проведено экспертное интервью с руководством учреждения.

Применены: полуформализованное интервью, анкетный опрос, метод включённого наблюдения и анализ документации (служебные характеристики, дневники наблюдений). Уровень личностной тревожности измерялся по шкале Спилберга — Ханина, доверие к взрослым — по адаптированной авторской шкале от 0 до 20 баллов. Этический контур исследования: добровольное информированное согласие подростка и его законного представителя, анонимизация данных, право выйти из исследования на любом этапе. Исследование одобрено руководством учреждения и согласовано с научным руководителем магистерской работы.

Результаты

Сводные данные ключевых показателей опроса представлены в таблице 1.

Сопоставление трёх показателей фиксирует ключевое противоречие. При том, что 60 % опрошенных подростков напрямую высказывают запрос на отношения с наставником, 72 % из них одновременно не доверяют ни одному взрослому из своего окружения, а 92 % боятся быть брошенными возможным наставником. Этот разрыв не сводится к когнитивному диссонансу: он отражает реальный травматический опыт, в котором у 76 % подростков уже была фигура взрослого, прекратившего контакт.

Таблица 1. Запросы и барьеры подростков из семей в СОП по отношению к наставничеству (n = 25)

Показатель	Доля респондентов, %
Имеют опыт прерванных привязанностей	76
Не доверяют ни одному взрослому из окружения	72
Желают иметь наставника	60
Боятся быть брошенными возможным наставником	92
Готовность сотрудников Центра поддержать программу	100

В авторской интерпретации этот феномен обозначен как парадокс «хочу, но боюсь поверить». В отличие от типичной для подросткового возраста дистанции по отношению к авторитету, выявленный барьер имеет иной генез: это не возрастная защита, а опыт-обоснованное недоверие, направленное на самозащиту от повторной потери значимого взрослого. Подросток одновременно нуждается в наставнике и ожидает его ухода — и именно ожидание ухода блокирует формирование доверия с самого начала.

Существенно, что 100 % сотрудников Центра выразили готовность поддержать запуск программы наставничества. Это говорит о том, что институциональный ресурс для работы с парадоксом имеется, однако сам по себе этот ресурс не востребован до тех пор, пока программа не адресует выявленные страхи напрямую через свою структуру.

Обсуждение

Описанный парадокс задаёт принципиальные требования к инструментам наставничества, применимым в работе с подростками из семей в СОП.

Во-первых, классическая модель прямого «подбора пары и встреч», характерная для зарубежных программ типа Big Brothers Big Sisters [6; 7], здесь недостаточна: при опыте прерванных привязанностей знакомство «по умолчанию» воспринимается подростком как риск, а не как ресурс. Требуется специальный инструмент отбора и подготовки наставников — программа «Школа наставников», в которую входят изучение теории привязанности, отработка работы с сопротивлением и недоверием, тренировка границ роли и алгоритмов действий в трудных ситуациях.

Во-вторых, страх быть брошенным (92 %) требует институционализации завершения отношений. Безболезненное «исчезновение» наставника по окончании программы для этих подростков равнозначно повторной травме привязанности. Необходим протокол безопасного

завершения отношений, предусматривающий предупреждение не менее чем за два месяца, серию завершающих встреч с проговариванием чувств, ритуал прощания и пост-поддержку. Введение такого протокола превращает финал программы из риска в управляемый этап.

В-третьих, риск выгорания самого наставника, работающего с тяжёлой эмоциональной нагрузкой, требует обязательной супервизионной поддержки. В исследовании 100 % сотрудников Центра отдельно указали на собственное эмоциональное выгорание как ключевой риск, что согласуется с международными данными о волонтерских помогающих программах [7]. Регулярная супервизия наставников — групповая и по запросу — выступает институциональным защитным фактором, удерживающим пару до конца цикла.

Таким образом, эмпирически выявленный парадокс непосредственно переходит в технические требования к программе и оправдывает её состав: «Школа наставников», процедуру взаимного подбора пар, систему супервизии и протокол безопасного завершения отношений.

Заключение

В авторском эмпирическом исследовании на материале интервью с 25 подростками из семей в социально опасном положении выявлен и описан феномен «хочу, но боюсь поверить» — устойчивый разрыв между явным запросом на отношения с наставником и базовым недоверием к взрослым. Этот феномен интерпретирован как реакция на травматический опыт прерванных привязанностей и задаёт конкретные требования к инструментам наставничества, применимым в работе с этой категорией подростков. Дальнейшее исследование предполагает количественную проверку выявленных закономерностей на расширенной выборке и сравнение динамики тревожности и доверия в группах, прошедших и не прошедших разработанную программу.

Литература:

1. Концепция развития наставничества в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации. — М., 2021.
2. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. с англ. — М.: Гардарики, 2003. — 477 с.
3. Ainsworth M. D. S. Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation / M. D. S. Ainsworth, M. C. Blehar, E. Waters, S. Wall. — New York: Psychology Press, 2015. — 392 p. — DOI: 10.4324/9780203758045.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ.

5. Шульга Т. И. Работа с неблагополучной семьёй: учебное пособие / Т. И. Шульга. — М.: Дрофа, 2005. — 254 с. — ISBN 5-7107-8539-3.
6. Tierney J. P., Grossman J. B., Resch N. L. Making a Difference: An Impact Study of Big Brothers/Big Sisters. — Philadelphia: Public/Private Ventures, 1995. — 71 p.
7. Rhodes J. E. Stand by Me: The Risks and Rewards of Mentoring Today's Youth. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. — 224 p.
8. Werner E. E., Smith R. S. Journeys from Childhood to Midlife: Risk, Resilience, and Recovery. — Ithaca: Cornell University Press, 2001. — 254 p.

«Кейс наставника» как технология тиражирования наставнической программы для подростков из социально неблагополучных семей

Чуриков Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье описан авторский методический комплект «Кейс наставника» — семиблочный инструмент, обеспечивающий тиражирование пилотной программы наставничества «Наставник рядом» в любом центре социальной помощи семье и детям без участия автора. Дано теоретическое обоснование комплекта в рамках концепции социального капитала и приведён состав каждого из семи блоков. Показано, что переход от единичного пилота к воспроизводимой социальной технологии задаётся именно институционализацией методических материалов.

Ключевые слова: наставничество, методический комплект, тиражирование, социальный капитал, социальная технология, ЦСПСиД, молодёжная политика.

Введение

В российской практике помогающих профессий типична ситуация, когда успешная авторская программа существует ровно столько, сколько её ведёт автор. Уход координатора — выпускника магистратуры, аспиранта, энтузиаста-волонтёра — как правило, означает фактическое прекращение программы: устная передача методики не воспроизводит её полностью, а формализованных материалов не остаётся [1]. Современные отечественные исследования технологии наставничества также подчёркивают, что её устойчивое применение в организациях возможно лишь при условии институциональной формализации и стандартизации соответствующих практик [8]. Эта закономерность особенно остро проявляется в волонтёрских программах наставничества для уязвимых категорий несовершеннолетних, где требования к безопасности и качеству работы не допускают «ручной» передачи компетенций.

Цель настоящей статьи — описать авторский методический комплект «Кейс наставника» как инструмент, решающий эту задачу, и показать, как именно он переводит пилотную программу «Наставник рядом» из категории авторской разработки в категорию воспроизводимой социальной технологии.

Теоретическая рамка

Теоретическим основанием для разработки комплекта выступает концепция социального капитала П. Бурдьё

и Дж. Коулмана [2; 3]. Согласно этой концепции, продуктивность социальных связей в группе определяется не только их числом, но и степенью институционализации: пока связи существуют только в форме межличностных отношений, они остаются личным ресурсом конкретного актора и исчезают вместе с ним. Когда же связи закрепляются в формальных правилах, нормах и документах учреждения, они становятся организационным ресурсом, воспроизводимым независимо от персоналий [5].

Применительно к наставническим программам это означает следующее: единичный успешный пилот представляет собой индивидуальный социальный капитал автора программы, тогда как тиражируемая программа — это институциональный социальный капитал учреждения. Перевод первого во второй и составляет содержательную задачу методического комплекта.

Принципы разработки методического комплекта

В основу разработки «Кейса наставника» положены три принципа.

Принцип воспроизводимости. Любой описанный в комплекте процесс должен быть запускаем по комплекту, без необходимости устной консультации автора. Это требование задаёт уровень детализации материалов: пошаговые алгоритмы вместо общих рекомендаций, шаблоны бланков вместо описания того, что должно быть в бланке.

Принцип безопасности. Все процедуры, связанные с потенциальным риском для подростка или наставника (отбор, протокол завершения отношений, действия при

раскрытии информации о насилии), формализованы до уровня обязательного алгоритма, отступление от которого требует совместного решения координатора программы и психолога учреждения.

Принцип адаптируемости. Комплект содержит не жёсткие сценарии, а шаблоны, рассчитанные на адаптацию под локальную специфику конкретного учре-

ждения — численность кадров, географическую доступность, профиль семей в работе.

Состав «Кейса наставника»

Комплект объединяет семь содержательных блоков, состав которых представлен в таблице 1.

Таблица 1. Состав методического комплекта «Кейс наставника»

Блок	Ключевые документы
1. Нормативно-организационный	Положение о программе; добровольческое соглашение с наставником; согласие законных представителей; согласие на обработку персональных данных; функционал координатора
2. Отбора	Анкета кандидата; форма мотивационного письма; бланк собеседования с критериями оценки; чек-лист проверки документов
3. Обучающий	Программа «Школы наставников» из четырёх модулей; сценарии занятий; раздаточные материалы; итоговый тест
4. Сопровождения	Памятка наставника; форма дневника встреч; план индивидуального развития под-ростка; банк совместных активностей
5. Безопасности	Алгоритм действий при раскрытии информации о насилии и угрозе жизни; контакты экстренных служб; протокол безопасного завершения отношений
6. Супервизии и оценки	График и формат супервизий; журнал супервизий; диагностический инструментарий (шкала Спилбергера — Ханина, шкала доверия 0–20); форма отчёта о результатах пары
7. Масштабирования	Методические рекомендации по запуску в новом учреждении; типовая смета расходов; шаблон грантовой заявки

Особо отметим два блока, имеющих принципиальное значение для устойчивости программы. Блок безопасности содержит алгоритм действий при раскрытии под-ростком информации о насилии, суицидальных намерениях или угрозе жизни; этот алгоритм обязателен к изучению до начала работы пары и регулярно отрабатывается на супервизиях. Именно наличие такого блока методически отличает обеспеченную программу от стихийной волонтерской инициативы. Блок масштабирования включает методические рекомендации по запуску программы в новом учреждении, типовую смету расходов и шаблон грантовой заявки, что переводит комплект из локального документа в продукт, готовый к передаче.

Обсуждение

Введение методического комплекта в практику пилотного запуска программы «Наставник рядом» на базе ГАУ СО СО «ЦСПСиД «Гнёздышко» (г. Екатеринбург) позволяет говорить о трёх практических эффектах.

Во-первых, сокращение времени развёртывания. При наличии готового комплекта запуск программы в учреждении-приёмнике оценочно занимает один-два месяца — против восьми-десяти месяцев, фактически понадобившихся для авторского пилота. Большая часть сэкономленного времени приходится на исключение методической разработки «с нуля».

Во-вторых, сохранение методологии при смене координатора. Документированная программа продолжает работу при ротации волонтеров и смене ответственного сотрудника учреждения. Это снимает зависимость от персональных, типичную для авторских инициатив [6].

В-третьих, возможность сравнительной оценки эффективности. При единых протоколах диагностики (шкалы Спилбергера — Ханина и доверия) и единых формах отчётности данные, полученные в разных учреждениях, поддаются сопоставлению. Это открывает перспективу будущей оценки программы на расширенной выборке.

Существенным ограничением методического комплекта остаётся то, что он не заменяет супервизионное сопровождение от автора на этапе запуска программы в новом учреждении. Опыт пилотов в смежных областях [7] показывает, что три-четыре консультативные сессии с разработчиком существенно снижают риск неточностей в адаптации.

Заключение

«Кейс наставника» представляет собой авторский методический комплект из семи блоков, обеспечивающий тиражирование пилотной программы наставничества «Наставник рядом» в других центрах социальной помощи семье и детям. Его принципиальная функция — институционализация методических решений, найденных в пилоте, и перевод их из персонального ресурса автора в воспроизводимый организационный ресурс учреждения.

Перспективой работы является апробация комплекта на запусках программы в ещё двух-трёх учреждениях Свердловской области и доработка адаптационных рекомендаций по результатам этих запусков.

Литература:

1. Концепция развития наставничества в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации. — М., 2021.
2. Бурдье П. Формы капитала / пер. с франц. М. С. Добряковой // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60–74.
3. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. — 1988. — Vol. 94. — Supplement. — P. 95–120.
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ.
5. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 4. — С. 20–32.
6. Tierney J. P., Grossman J. B., Resch N. L. Making a Difference: An Impact Study of Big Brothers/Big Sisters. — Philadelphia: Public/Private Ventures, 1995. — 71 p.
7. Rhodes J. E. Stand by Me: The Risks and Rewards of Mentoring Today's Youth. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. — 224 p.
8. Безвиконная Е. В. Технология наставничества в адаптации молодых специалистов образовательной организации / Е. В. Безвиконная, А. В. Богдашин, А. А. Морозов // Лидерство и менеджмент. — 2022. — Т. 9, № 4. — С. 1189–1204. — DOI 10.18334/lim.9.4.116792. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50084865>.

Протокол безопасного завершения наставнических отношений как инструмент профилактики ре-травматизации подростков из социально неблагополучных семей

Чуриков Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье описан авторский протокол безопасного завершения наставнических отношений, разработанный в рамках программы «Наставник рядом» для работы с подростками из социально неблагополучных семей. Показано, что для этой категории, 76 % которой имеют опыт прерванных привязанностей, типичное «исчезновение» наставника по окончании программы способно становиться ре-травматизацией. Изложены четыре шага протокола (предупреждение, серия завершающих встреч, ритуал прощания, пост-поддержка) и их теоретическое обоснование в рамках теории привязанности и концепции травмы привязанности.

Ключевые слова: наставничество, завершение отношений, травма привязанности, ре-травматизация, подростки, социально опасное положение, протокол.

Введение

В существующей литературе по наставничеству вопрос завершения отношений «наставник — подопечный» обычно обсуждается как административный этап программы: формальное завершение цикла, благодарственное письмо, итоговый отчёт. Для условно благополучной целевой аудитории такой подход допустим — окончание программы воспринимается как естественное завершение проекта.

Принципиально иначе ситуация выглядит для подростков из социально-неблагополучных семей. Понятие «социально опасное положение» (далее — СОП) использу-

ется в настоящей работе в значении, установленном Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ [5]. По данным авторского исследования, проведённого на базе ГАУ СО СО «ЦСПСД «Гнёздышко» г. Екатеринбурга (n = 25), 76 % опрошенных подростков уже имеют опыт прерванных привязанностей со значимыми взрослыми, а 92 % прямо называют страх быть брошенными ключевым барьером для участия в наставнических отношениях. В этих условиях типичное «исчезновение» наставника по окончании программы способно становиться не просто разочарованием, а очередной воспроизведённой травмой.

Цель настоящей статьи — представить и теоретически обосновать четырёхшаговый протокол безопасного за-

вершения наставнических отношений, разработанный в рамках авторской программы наставничества «Наставник рядом».

Теоретическая рамка

Опорой для разработки протокола выступает теория привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт, согласно которой ранний и повторяющийся опыт отношений со значимыми взрослыми формирует устойчивые внутренние «рабочие модели» отношений — обобщённые ожидания о том, как поведут себя другие в ситуации эмоциональной близости [2; 3]. Для подростков, выросших в семьях в социально опасном положении, такая модель типично включает сценарий «значимый взрослый исчезает»: родителей лишали родительских прав, детей изымали и помещали в стационар, замещающие семьи отказывались от опеки. Психологические особенности подростков с подобной биографией систематически описаны в классических отечественных исследованиях психологии сиротства [6].

Конкретное содержательное следствие: новые наставнические отношения, начатые подростком с такой внутренней моделью, изначально проигрываются им как очередной цикл «привязанность — потеря». Резкое, неподготовленное окончание программы превращает прогноз в реальность и подкрепляет внутреннюю модель. Альтернативой выступает предсказуемое, ритуализованное завершение, в котором значимый взрослый не исчезает, а проходит вместе с подростком этап прощания. Такое завершение не отменяет факта окончания отношений, но превращает его из подкрепляющей травму ситуации в управляемый этап развития [4; 8].

Эмпирический контекст

Необходимость особого подхода к завершению отношений подтверждается тремя группами эмпирических данных, полученных в авторском исследовании.

Первое: 76 % подростков из выборки имеют документально зафиксированный опыт прерванных привязанностей со значимыми взрослыми (лишение родителей

прав, помещение в стационар, отказ замещающей семьи от опеки). Второе: 92 % подростков в полуструктуризованных интервью прямо называли страх «снова быть брошенным» главным препятствием для согласия на программу. Третье: все опрошенные сотрудники Центра (n = 10) отдельно указали на проблему завершения программ как на одну из основных рискованных ситуаций в работе с этой категорией несовершеннолетних.

Структура протокола

Разработанный протокол включает четыре последовательных шага, представленных в таблице 1.

Каждый шаг адресует конкретный риск ре-травматизации. Предупреждение нейтрализует фактор внезапности, который для подростка с травмой привязанности повторяет схему «значимый взрослый ушёл без объяснения». Серия завершающих встреч даёт подростку время и пространство для эмоциональной работы с предстоящей потерей под профессиональным сопровождением. Ритуал прощания институционализирует факт завершения, превращая его в осознанный и обозначенный переход. Пост-поддержка снимает резкость финального разрыва: подросток сохраняет возможность контакта, даже если фактически ею не пользуется.

Применение в пилоте

Протокол применён в пилотной апробации программы «Наставник рядом» на трёх парах «наставник — подопечный» в 2025–2026 гг. Две из трёх пар прошли полный цикл с применением всех четырёх шагов протокола; одна пара завершилась досрочно, и протокол был частично адаптирован (сжатые сроки шага 1, сохранение шагов 2 и 3 в редуцированной форме).

Качественные наблюдения, зафиксированные в дневниках наставников и в журнале супервизий, фиксируют, что в парах, прошедших полный цикл, уровень тревожности подростков на этапе завершения не повышался относительно середины цикла, а итоговая «карта достижений» неоднократно упоминалась подростками в пост-интервью

Таблица 1. Структура протокола безопасного завершения наставнических отношений

Шаг	Содержание	Сроки
1. Предупреждение	Информирование подростка и наставника о дате окончания цикла; обсуждение факта окончания на текущей встрече при супервизорной поддержке	Не менее чем за 2 месяца
2. Серия завершающих встреч	Регулярные встречи с осознанной темой завершения; проговаривание чувств, благодарностей, неоконченных тем; работа с тревогой и потерей	Последние 6–8 недель цикла
3. Ритуал прощания	Финальная встреча с символическим компонентом: совместное оформление «карты достижений», письмо наставника подростку, символический подарок	Завершающая неделя
4. Пост-поддержка	Возможность поддерживать связь через координатора программы в согласованном формате (поздравления, ответ на запрос подростка)	До 6 месяцев после завершения

как значимый артефакт. Этих наблюдений недостаточно для статистических выводов, однако они согласуются с теоретическим прогнозом и оправдывают применение протокола в дальнейших запусках программы.

Обсуждение

Введение протокола в практику наставнической программы реализует три принципиальных перехода.

Первый — от завершения как разрыва к завершению как этапу. Само по себе окончание программы перестаёт быть моментом потенциальной потери и превращается в работающий этап развития отношений. Этим протокол реализует профилактическую функцию по отношению к ре-травматизации.

Второй — от персональной чувствительности наставника к институциональной защите ребёнка. До формализации протокола качество завершения отношений зависело от индивидуальной интуиции и опыта конкретного волонтера. Формализованный протокол перекладывает гарантию минимально безопасного завершения на программу как институт, что согласуется с международной практикой работы с окончанием наставнических отношений [7; 8].

Третий — от позиции «помощь до окончания» к позиции «помощь, включая окончание». Программа выходит

за пределы только основного этапа сопровождения и включает в себя работу с финалом и постпрограммным периодом. Это сближает её с практикой длительных помогающих интервенций и отличает от краткосрочных проектов.

Существенным ограничением протокола остаётся то, что он не страхует от досрочного прекращения отношений по инициативе подростка или внешних обстоятельств, а лишь минимизирует ущерб при плановом завершении. Работа с экстренным завершением требует отдельной разработки и составляет одно из направлений дальнейшего развития программы.

Заключение

В статье представлен авторский протокол безопасного завершения наставнических отношений, разработанный в рамках программы «Наставник рядом» для подростков из социально-неблагополучных семей. Протокол включает четыре шага — предупреждение, серию завершающих встреч, ритуал прощания и пост-поддержку — и теоретически обоснован в рамках теории привязанности и концепции травмы привязанности. Перспективой работы является валидация протокола на расширенной выборке учреждений и разработка отдельного протокола для случаев досрочного завершения отношений.

Литература:

1. Концепция развития наставничества в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации. — М., 2021.
2. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. с англ. — М.: Гардарики, 2003. — 477 с.
3. Ainsworth M. D. S. Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation / M. D. S. Ainsworth, M. C. Blehar, E. Waters, S. Wall. — New York: Psychology Press, 2015. — 392 p. — DOI: 10.4324/9780203758045.
4. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби; пер. с англ. — М.: Академический проект, 2004. — 232 с.
5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (с изм. и доп.). — Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.
6. Прихожан А. М. Психология сиротства / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. — СПб.: Питер, 2005. — 400 с. — (Серия «Детскому психологу»). — ISBN 5-469-00205-5.
7. Rhodes J. E. Stand by Me: The Risks and Rewards of Mentoring Today's Youth. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. — 224 p.
8. Spencer R. It's Not What I Expected: A Qualitative Study of Premature Terminations from Youth Mentoring Relationships // Journal of Adolescent Research. — 2007. — Vol. 22 (4). — P. 331–354.

Пилотная апробация программы наставничества «Наставник рядом»: динамика тревожности и доверия у подростков из социально неблагополучных семей

Чуриков Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье представлены результаты пилотной апробации авторской программы наставничества «Наставник рядом» для подростков из социально неблагополучных семей (3 пары «наставник — подопечный», 12 месяцев). Зафиксирована динамика двух операциональных показателей: уровень личностной тревожности (шкала Спилберга — Ханина)

снизился с 48,3 до 42,3 балла, вернувшись в границы возрастной нормы (31–45); доверие к взрослым (авторская шкала 0–20) выросло с 6,3 до 11,3 балла. Две пары из трёх прошли полный цикл программы. Обсуждаются ограничения пилотного дизайна и направления развития исследования.

Ключевые слова: наставничество, пилотная апробация, тревожность, доверие, резильентность, подростки, социально опасное положение.

Введение

В рамках авторского магистерского исследования на базе ГАУ СО СО «ЦСПСиД «Гнёздышко» г. Екатеринбург разработана программа наставничества «Наставник рядом» для подростков из социально неблагополучных семей. Программа объединяет пять методических инструментов: «Школу наставников», процедуру подбора пар, регулярную супервизию, протокол безопасного завершения отношений и методический комплект «Кейс наставника». Разработанные инструменты прошли пилотную апробацию в 2025–2026 гг.

Цель настоящей статьи — представить количественные и качественные результаты пилотной апробации, зафиксировать динамику двух операциональных показателей (уровня личностной тревожности и степени доверия к взрослым) и обсудить корректную интерпретацию полученных данных с учётом ограничений пилотного дизайна.

Теоретическая рамка

Опорой для выбора показателей выступает концепция резильентности (Э. Вернер, М. Раттер), согласно которой при наличии хотя бы одного устойчивого поддерживающего отношения со значимым взрослым подросток способен достигать положительной адаптации даже в условиях множественных факторов риска [2; 3]. В отечественной науке концепция резильентности нашла развитие в работах по подростковому возрасту и социальной педагогике.

Из этой теоретической рамки выводятся два операциональных индикатора предполагаемой положительной динамики на индивидуальном уровне. Первый — снижение уровня личностной тревожности до границ возрастной нормы как показатель уменьшения внутреннего напряжения, связанного с ожиданием потери значимых отношений. Второй — рост доверия к взрослым как показатель частичного пересмотра внутренней «рабочей модели» отношений в сторону более открытой и менее защитной позиции [8].

Дизайн пилотной апробации

Базой апробации выступило ГАУ СО СО «ЦСПСиД «Гнёздышко» (микрорайон Шарташ, Кировский район, г. Екатеринбург). Участниками пилота стали 3 пары «наставник — подопечный». Подопечные — подростки 12–17 лет, состоящие на учёте Центра как члены семей в соци-

ально опасном положении либо находящиеся в стационарном отделении. Наставники — студенты-волонтеры 18–25 лет помогающих специальностей (психология, социальная работа, педагогика) уральских вузов, прошедшие отбор и обучение в «Школе наставников» (12 часов, 4 модуля).

Длительность пилотного цикла составила 12 месяцев (сентябрь 2025 — июнь 2026 г.). В ходе пилота применялись все пять компонентов программы: «Школа наставников» (до начала пар), процедура подбора пар по взаимному выбору, ежемесячная групповая супервизия со штатным психологом Центра, протокол безопасного завершения отношений и методический комплект «Кейс наставника». Инструменты диагностики: шкала личностной тревожности Спилбергера — Ханина (норма для подросткового возраста — 31–45 баллов) [4] и авторская шкала доверия к взрослым (0–20 баллов), валидизированная в рамках исследования. Замеры проведены дважды — на входе в программу и по её завершении. Этический контур: добровольное информированное согласие подростка и его законного представителя, анонимизация данных, регулярная супервизия, право выйти из исследования на любом этапе.

Результаты

Сводные данные о динамике показателей у подростков, прошедших полный цикл программы ($n = 2$), представлены в таблице 1.

Уровень личностной тревожности у подростков, прошедших полный цикл, снизился в среднем с 48,3 до 42,3 балла, то есть вернулся в границы возрастной нормы. Доверие к взрослым выросло с 6,3 до 11,3 балла из 20, что соответствует переходу с уровня выраженного недоверия на уровень умеренного доверия. Из трёх запущенных пар две прошли полный цикл программы, включая применение протокола безопасного завершения отношений. Третья пара завершилась досрочно по совокупности обстоятельств (изменение жизненной ситуации подростка, помещение в стационар другого учреждения); протокол завершения был применён в адаптированной форме.

Обсуждение

Полученная динамика согласуется с теоретическим прогнозом, выведенным из концепции резильентности: формирование устойчивого поддерживающего отношения с подготовленным наставником сопровождается снижением внутреннего напряжения и постепенным пе-

Таблица 1. Динамика показателей у подростков, прошедших полный цикл программы «Наставник рядом» (n = 2)

Показатель	До	После	Интерпретация
Личностная тревожность (Спилбергер — Ханин, баллы)	48,3	42,3	Возврат в границы возрастной нормы (31–45)
Доверие к взрослым (авторская шкала, 0–20)	6,3	11,3	Рост почти вдвое; переход через медиану шкалы
Сохранение наставнических отношений	—	2/3	Полный цикл с применением протокола завершения

решением обобщённого недоверия к взрослым. Возврат тревожности в границы возрастной нормы у подростков, прошедших цикл, является психологически значимым изменением, поскольку исходные значения находились в зоне повышенной тревожности.

Удержание двух пар из трёх в полном цикле также представляет собой содержательный результат. В международных программах волонтёрского наставничества удержание пары до конца цикла относится к ключевым индикаторам качества программы [6; 7]. Этот результат частично связан с применением протокола безопасного завершения отношений, который сам по себе уменьшает риск ранних разрывов в условиях работы с подростками, имеющими опыт прерванных привязанностей.

Принципиально важно обозначить ограничения проведённой апробации. Во-первых, выборка крайне мала (n = 3 пары; динамика количественных показателей рассчитана на n = 2). Любые статистические выводы на этой основе делать преждевременно — представленные данные имеют строго пилотный иллюстративный характер. Во-вторых, исследование не предусматривало формирования контрольной группы, поэтому полученная динамика не может быть однозначно отнесена именно к воздействию программы. В-третьих, отсутствует лонгитюдное наблюдение, и устойчивость зафиксированных

изменений во времени не проверена. В-четвёртых, не исключён эффект Хоторна — общее усиление внимания к подросткам со стороны Центра и волонтёров могло само по себе влиять на динамику показателей.

Соответственно, основная функция представленных данных — не доказательство эффективности программы, а демонстрация того, что разработанный комплекс инструментов работоспособен в принципе и заслуживает разворачивания на расширенной выборке с улучшенным дизайном исследования.

Заключение

В статье представлены результаты пилотной апробации авторской программы наставничества «Наставник рядом» на базе ЦСПСиД «Гнёздышко». Зафиксирована положительная динамика двух операциональных показателей у подростков, прошедших полный цикл программы: снижение личностной тревожности до границ возрастной нормы и рост доверия к взрослым, — а также удержание двух из трёх пар в полном цикле. Полученные результаты имеют строго пилотный характер и обосновывают целесообразность дальнейшего исследования программы на расширенной выборке с формированием контрольной группы и лонгитюдным наблюдением.

Литература:

1. Концепция развития наставничества в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации. — М., 2021.
2. Werner E. E., Smith R. S. Journeys from Childhood to Midlife: Risk, Resilience, and Recovery. — Ithaca: Cornell University Press, 2001. — 254 p.
3. Rutter M. Resilience in the face of adversity: Protective factors and resistance to psychiatric disorder // British Journal of Psychiatry. — 1985. — Vol. 147. — P. 598–611.
4. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. — Ленинград: ЛНИИФК, 1976. — 18 с.
5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ.
6. Tierney J. P., Grossman J. B., Resch N. L. Making a Difference: An Impact Study of Big Brothers/Big Sisters. — Philadelphia: Public/Private Ventures, 1995. — 71 p.
7. Rhodes J. E. Stand by Me: The Risks and Rewards of Mentoring Today's Youth. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. — 224 p.
8. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. с англ. — М.: Гардарики, 2003. — 477 с.

Социокультурный портрет подростков из социально неблагополучных семей Кировского района Екатеринбурга

Чуриков Дмитрий Юрьевич, студент магистратуры

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье представлен социокультурный портрет подростков из социально неблагополучных семей, проживающих в микрорайоне Шарташ Кировского района г. Екатеринбурга. Портрет составлен на материале авторского эмпирического исследования (n = 25), статистических данных Территориальной комиссии по делам несовершеннолетних и анализа документации ГАУ СО СО «ЦСПСиД «Гнёздышко». Описаны пять компонентов портрета — демографический, семейный, территориальный, социально-психологический и институциональный — и показано их значение для проектирования адресных программ молодежной политики и социальной работы.

Ключевые слова: социокультурный портрет, подростки, социально опасное положение, молодежная политика, Кировский район, Екатеринбург, социальная работа.

Введение

При проектировании социальных программ для уязвимых категорий несовершеннолетних типичной методической ошибкой выступает работа с обобщённым представлением о целевой группе. Категория «подростки из неблагополучных семей», взятая абстрактно, плохо переводится в практические решения: программа, разработанная «вообще», часто не учитывает локальной специфики территории, типичного семейного опыта подопечных и их субъективных установок, и поэтому оказывается недостаточно адресной.

Социокультурный портрет представляет собой методический инструмент, восполняющий этот пробел: он соединяет демографические данные, характеристики среды и субъективный опыт целевой группы в единое описание, пригодное для проектирования. Цель настоящей статьи — представить социокультурный портрет подростков из социально-неблагополучных семей, проживающих в микрорайоне Шарташ Кировского района города Екатеринбурга, составленный в рамках авторского магистерского исследования.

Теоретико-методологическая рамка

Понятие социокультурного портрета восходит к традиции дескриптивно-социологического описания специфических групп в их жизненном контексте. В отечественной социологии этот подход развит в работах В. А. Ядова применительно к социальным группам и Ф. Э. Шереги применительно к проблемным и девиантным группам [4; 7]. В психологии семейных отношений детальное описание различных типов неблагополучных семей и характера их влияния на формирование личности ребёнка даёт В. М. Целуйко, что особенно важно для содержательного наполнения семейного и социально-психологического компонентов портрета [3].

Социокультурный портрет, в отличие от чисто демографической характеристики или сугубо психологического профиля, объединяет три уровня описания: уро-

вень внешних условий жизни (территория, ресурсы, институции), уровень социальных отношений (семья, окружение, профильные учреждения) и уровень субъективных установок и переживаний (запросы, страхи, ожидания). Именно это методологическое единство и делает портрет полезным для проектирования.

Методология составления портрета

Эмпирическим основанием для составления портрета послужили четыре группы источников: статистические данные Территориальной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Кировского района г. Екатеринбурга; авторский опрос 25 подростков 12–17 лет, состоящих на учёте ГАУ СО СО «ЦСПСиД «Гнёздышко» как члены семей в социально опасном положении либо находящиеся в стационарном отделении; экспертные интервью с 7 штатными сотрудниками Центра и руководством учреждения; анализ служебной документации (характеристики семей, дневники наблюдений, журналы посещений). Использованные методы: полуструктурированное интервью, анкетный опрос, контент-анализ документов и включённое наблюдение в процессе пилотного запуска авторской программы наставничества.

Социокультурный портрет: компоненты

Сводное описание пяти ключевых компонентов социокультурного портрета представлено в таблице 1.

Особо выделим три компонента, имеющих принципиальное значение для прикладной проектной работы. Семейный компонент фиксирует, что 76 % подростков из выборки имеют документально подтверждённый опыт прерванных привязанностей со значимыми взрослыми. Это означает, что любая новая помогающая интервенция воспринимается ими через призму прошлого опыта потери и сразу запускает защитное поведение.

Территориальный компонент задаёт инфраструктурные ограничения программы. Микрорайон Шарташ исторически развивался как окраина Кировского района;

Таблица 1. Социокультурный портрет подростка из социально-неблагополучной семьи (микрорайон Шарташ, Кировский район, г. Екатеринбург)

Компонент	Характеристика
1. Демографический	Подростки 12–17 лет; на учёте Центра одновременно — 93 семьи в социально опасном положении и 252 замещающие семьи
2. Семейный	Опыт прерванных привязанностей со значимыми взрослыми (76 %): лишение родителей родительских прав, помещение в стационар, отказ замещающих семей от опеки
3. Территориальный	Микрорайон Шарташ — отдалённая часть Кировского района; ограниченная транспортная доступность центра города; слабая представленность учреждений досуга и не-коммерческого сектора
4. Социально-психологический	Базовое недоверие к взрослым (72 %); страх быть брошенными (92 %); одновременный явный запрос на наставника (60 %)
5. Институциональный	Включённость в работу ЦПСИД «Гнёздышко» как основного канала помощи; периодическое попадание на учёт КДН; отсутствие до настоящего времени системной программы наставничества в учреждении

уровень представленности молодёжных учреждений, культурных площадок, спортивных секций и некоммерческого сектора здесь существенно ниже, чем в центральной части города. Это означает, что любая программа должна либо опираться на собственные ресурсы для проведения активностей, либо предусматривать выезды в центр Екатеринбурга — что упирается в транспортную доступность и требует отдельной логистики.

Социально-психологический компонент фиксирует устойчивый разрыв между явным запросом подростков на отношения с наставником (60 %) и их базовым недоверием к взрослым (72 %), сопровождающимся выраженным страхом быть брошенными (92 %). Этот разрыв задаёт неочевидное методическое требование: программа должна работать не «несмотря на» сопротивление подростка, а на структурном уровне адресовать его страх повторной потери [6].

Обсуждение

Составленный социокультурный портрет имеет два прикладных значения. Первое — проектное. Любая программа, ориентированная на эту группу, может теперь опираться не на абстрактное представление о «подростке из неблагополучной семьи», а на конкретное локальное описание со всеми его специфическими характеристиками. Это существенно повышает шансы программы быть результативной при ограниченных кадровых и финансовых ресурсах учреждения.

Второе значение — сравнительное. Зафиксированный портрет может выступать референтной точкой для аналогичных описаний по другим районам г. Екатеринбурга

и Свердловской области. Подобные сравнения позволяют отличать общие характеристики целевой группы от тех, которые продиктованы локальной территориальной спецификой, и адаптировать решения соответственно.

Существенным ограничением представленного портрета остаётся его опора на относительно малую выборку ($n = 25$) и на материалы одного учреждения. Расширение портрета на материалы других центров социальной помощи семье и детям Свердловской области и сопоставление с аналогичными группами в иных территориях относятся к перспективам дальнейшего исследования. Кроме того, представленный портрет фиксирует ситуацию на момент проведения исследования и не претендует на лонгитюдное описание динамики целевой группы во времени.

Заключение

В статье представлен социокультурный портрет подростков из социально-неблагополучных семей микрорайона Шарташ Кировского района города Екатеринбурга, составленный на материале авторского эмпирического исследования и документации профильного учреждения социальной помощи семье и детям. Портрет описан в пяти компонентах — демографическом, семейном, территориальном, социально-психологическом и институциональном — и предназначен для использования при проектировании адресных программ молодёжной политики и социальной работы. Перспективой дальнейшего исследования выступает расширение портрета на материалы других районов Свердловской области и сопоставительный анализ территориальной специфики.

Литература:

1. Концепция развития наставничества в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации. — М., 2021.
2. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ.

3. Целуйко В. М. Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей / В. М. Целуйко. — М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. — 272 с. — ISBN 5-305-00128-1.
4. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. — М.: Омега-Л, 2003. — 596 с.
5. Кон И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. — М.: Просвещение, 1989. — 256 с.
6. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. с англ. — М.: Гардарики, 2003. — 477 с.
7. Шереги Ф. Э. Социология девиации: прикладные исследования / Ф. Э. Шереги. — М.: Центр социального прогнозирования, 2004. — 344 с.
8. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 4. — С. 20–32.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (627) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 24.06.2026. Дата выхода в свет: 1.07.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.